

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**МОЛОДЕЖЬ И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА
В ОБЩЕСТВЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ПАНДЕМИИ**

Монография

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2020

УДК 316.346.32-053.6 +304.42(035.3)

ББК 60.54я4

М 75

Рецензенты:

Сердюкова Е.В. – кандидат философских наук, доцент, директор
Института философии и социально-политических наук ЮФУ;

Финько М.В. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры
«Философия и мировые религии» ДГТУ

Авторский коллектив:

Агапова Е.А., Деточенко Л.С., Лепин А.П., Липец Е.Ю.,

Отроков О.Ю., Пупыкин Р.А., Тарадина М.В.

М75 Молодежь и молодежная политика в обществе цифровизации и пандемии: монография / Под редакцией Е.А. Агаповой, Л.С. Деточенко, Р.А. Пупыкина ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2020. – 130 с.

ISBN 978-5-9275-3686-3

В монографии на основе поколенческого подхода рассмотрена специфика поколения Z, уникальность которого, по мнению авторов, обусловлена вторичной социализацией в условиях глобальной цифровизации и пандемии. Кросс-культурный анализ позволяет в общих чертах представить новые условия, в которых оказалось поколение, и спрогнозировать социальные последствия таких факторов жизнедеятельности, а также сформировать свое видение необходимых мер изменения молодежной политики. Монография адресована преподавателям, аспирантам, студентам, в круг научных и практических интересов которых входит работа с молодежью, специалистам образовательных учреждений и социальной сферы, а также всем тем, кто интересуется проблемами и перспективами актуальных трансформационных процессов, происходящих в молодежной среде.

УДК 316.346.32-053.6 +304.42(035.3)

ББК 60.54я4

ISBN 978-5-9275-3686-3

© Южный федеральный университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вводное слово</i>	4
ГЛАВА I. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОКОЛЕНИЯ Z	8
1.1. Теоретико-методологический концепт поколения Z.....	8
1.2. Свобода и ответственность в реальности и виртуальности молодежи	25
1.3. Молодежь в общественно-политической жизни (от политического инфантилизма к протестным рискам)	35
ГЛАВА II. СОЦИАЛИЗАЦИОННЫЕ НОРМЫ И ОТКЛОНЕНИЯ В ЦИФРОВЫХ И ПАНДЕМИЧЕСКИХ КООРДИНАТАХ	52
2.1. Дистанционное обучение «зумеров»: опыт пандемии	52
2.2. Экономическая безопасность молодежи: очерки структурных изменений в эпоху цифровизации и пандемии	60
2.3. Социокультурные аспекты коммуникации поколения Z.....	73
ГЛАВА III. МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ОЖИДАНИЯ, РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОКОЛЕНИЯ Z	89
3.1. Молодежная политика в условиях коронакризиса	89
3.2. Запрос российской молодежи на трансформацию молодежной политики	98
3.3. Эволюция молодежной политики в посткоронавирусной реальности	105
<i>Заключение</i>	116
<i>Список использованной литературы и источников</i>	118
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	127

ВВОДНОЕ СЛОВО

В названии настоящей монографии заложены темы, которые вряд ли оставят кого-либо равнодушными. Сегодня они в центре внимания не только исследователей, представителей власти, но и обывателей. Пандемия и цифровизация оказались тесно связанными с молодежной и поколенческой проблематикой, поскольку совпали с периодом взросления зумеров, чей выход во взрослую жизнь мыслился исследователями совершенно в других терминах. Для гуманитарного знания и COVID-19, и поколение Z – явления, рефлекслируемые здесь и сейчас – чаще в блогах и социальных сетях, реже в статьях и текстах.

Книга, которую вы держите в руках, представляет собой большой текст, написанный социологами, политологами, культурологами, экономистами и философами с целью восполнить научно-исследовательские пробелы, возникшие по причинам как материального (самоизоляция, социальная дистанция и пр.), так нематериального (виртуальная коммуникация и пр.) характера, и отрефлексировать ситуацию, в которой оказались представители поколения Z.

Материалы монографии структурно представлены в виде трех глав: «Концептуализация поколения Z», «Социализационные нормы и отклонения в цифровых и пандемических координатах», «Молодежная политика: ожидания, реалии и перспективы поколения Z».

Начиная свой рассказ о «неизвестном поколении», нам хотелось сделать небольшой экскурс в теорию поколенческих концепций, позволяющий еще раз осмыслить истоки подхода, его возможности в экстраполяции общих ценностных и поведенческих характеристик на представителей вне зависимости от страны и локального места проживания, и ограничения, которые следует учитывать при использовании концепта поколения. Аналитический обзор подходов был направлен не только на понимание специфики поколения Z в ряду «соседних» поколений, но и на выделение методологических конструктов, которые позволили в дальнейшем нам осуществить кросс-культурный анализ специфики жизнедеятельности его представителей в различных сферах жизни общества и показать особенности функционирования данной поколенческой группы в совершенно новой глобальной реальности социальной атомарности – реальности самоизоляции и борьбы с пандемией¹. Единый идейный корень поколенческих теорий лежит в тезисе о том, что каждое поколение является участником или со-

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31769 «Методология предупреждения рисков возникновения социально-политической нестабильности поколения Z, прошедшего вынужденную самоизоляцию (Кросс-культурный контекст)».

временником судьбоносного исторического события, значительно меняющего либо устои жизни страны в целом, либо правила жизни в определенный период времени. Он позволил нам увидеть специфику поколения Z не только в виртуализации и цифровизации, но и осознать, что мы стали свидетелями формирования новой уникальности поколения, пережившего на стыке перехода от первичной к вторичной социализации глобальную самоизоляцию. В нашей монографии мы только в общих чертах представляем те последствия, которые можно увидеть сегодня в формировании нового типа поколения – **поколения цифровизации и пандемии**.

Однако гипотеза о введении новой детерминанты, объединяющей молодых людей в загадочную общность зумеров, привела к осознанию, что неизведанность поколения, его феномен заключаются в многократных попытках описать социальные, чаще всего поведенческие особенности поколения в отрыве от попыток осмыслить особенности сознания. Лишь иногда в ряду характеристик мы встречаем попытку заглянуть в мир психологического и сознание. Наш второй параграф представляет собой опыт философского осмысления особенностей сознания поколения, личностных характеристик его представителей и соединения исследования личностного и общественного в категориях свободы, и ответственности.

Безусловно, авторский коллектив понимает все особенности поколенческой специфики, которые характерны для зумеров в условиях российской действительности, поэтому обойти в монографии аспект политического участия поколения Z мы не могли. Справедливости ради следует отметить, что в качестве темы средств массовой информации тема поколения Z возникает именно в политическом контексте. После шокирующего участия «инфантильного» и «равнодушного к политике» поколения Z в митингах Навального «Российская газета» выделила отдельную рубрику «Новый взгляд», просуществовавшую с 2012 по 2017 годы и повествующую о повседневных практиках молодежи. Спустя время лучшие публикации были собраны в монографию «Вы нас даже не представляете», которая по сути являлась саморефлексией поколения в зарисовках-нарративах о повседневной жизни. Мы же попытались на основе вторичного анализа исследований об отношении молодежи данной поколенческой группы к политике и политическому процессу максимально беспристрастно и объективно, избегая оценочных суждений, выделить общие закономерности в политических attitudes зумеров и попытаться объяснить отмеченные тренды в парадигме теории деструкции, что дало нам возможность сформировать рекомендации для специалистов по профилактике деструктивных форм молодежи в общественно-политической сфере. Принципиально важным для авторского коллектива являлось объяснение противоречивых характеристик представителей поколения в политической сфере жизни общества и

развенчивание мифа о «протестности» как базовой характеристики данного поколения.

Вторая глава монографии представляет собой анализ трех важнейших составляющих социализации личности – получения профессионального образования и профессиональной интеграции. Поколение Z не только использует всемирную сеть как ресурс знания, но и первое пережило массовую легализацию дистанционной формы обучения как приоритетной для ситуации пандемии. Если до 2020 года в исследованиях констатировалось сближение виртуального и реального пространства в универсуме зумеров и разрабатывались технологии сближения молодежи с аналоговым миром, то отныне реальный мир и его важнейшие институты вынуждены были перебраться в виртуальность для того, чтобы продолжить свое функционирование. Онлайн – шире, чем просто форма обучения, это новое пространство функционирования социальных институтов. И если для «соседних» поколений издержки социальной деятельности и социальной коммуникации невероятно высоки, то поколение Z ощущало себя комфортно в среде интернета, испытывая стресс только от беспрецедентного роста рисков, связанных с неготовностью традиционных институтов работать в новом пространстве по новым правилам.

Еще более интересна ситуация в экономической сфере. Выход на рынок труда молодежи в нашей стране давно перестал быть триумфальным. Предлагаемые меры государственной поддержки молодых специалистов не соответствуют потребностям молодежи или ситуации на рынке труда. Указанные аспекты привели к росту самоорганизации молодежи в сфере труда, особенно в сфере интернет – в отрасли инновационных технологий. До 2020 года эта ниша, «лояльная» к поколению зумеров, занимала небольшое место в экономике страны. Однако меры по борьбе с пандемией привели к революционным структурным изменениям всех секторов экономики – цифровизации трудовых сфер проходит революционно, интенсивно. Меняется отношение общества к удаленной работе, фрилансу.

Социокультурные аспекты социализации поколения Z, рассмотренные нами в конце второй главы, продолжают темы последствий трансформации профессионального образования и профессиональной интеграции в условиях цифровизации и пандемии и раскрывают углубление социокультурной специфики поколения.

Коллектив авторов ставил перед собой не только фундаментальные, но и прикладные задачи, которые отражены в третьей главе данной монографии. Учитывая специфику поколения зумеров, трансформацию форм работы с молодежью в условиях борьбы с коронавирусной инфекцией и запрос молодежи к государству и обществу в части сопровождения и помощи в процессе взросления, мы попытались проследить эволюцию молодежной политики в новых реалиях, спрогнозировать тренды, которые с

большой степенью вероятности могут закрепиться как инструменты и формы новой политики и сформировать рекомендации по усовершенствованию системы «мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера», «направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене» [Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года], утвержденные распоряжением Правительства Российской Федерации].

ГЛАВА I. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОКОЛЕНИЯ Z

1.1. Теоретико-методологический концепт поколения Z

Отправной точкой для дискуссий о поколениях в отечественной социологии, как правило, являются идеи К. Мангейма и Х. Ортега-и-Гассет [Отцы и дети, 2005; Семенова, 2009; Радаев, 2020]. Далее их идеи конкретизируются и трансформируются в общепонятные для дискурсантов формы мышления и речи. Для описания различных аспектов опыта поколений отечественными исследователями используются «конструкты-ярлыки, схватывающие общую, знаменательную черту изменений» [Омельченко, 2011, 244]. Поколенческие «ярлыки» содержат огромное количество англицизмов, выражений, заимствованных из компьютерного сленга [Иванова, 2016, 102].

Подавляющее большинство исследователей склоняется к мысли о том, что поколение формируется событием, т. е. является производным от исторических изменений. Вместе с тем, однажды сформировавшись, социальное поколение определяет черты конкретного периода истории, т. е. становится первичным фактором для исторического процесса [Савельева, Полетаев, 1997, 366].

Например, Т. Шанин в качестве событий, формирующих поколения, предлагал рассматривать войны. Он отмечал, что «поколение 1812 г., поколение 1941-1945 гг., поколение «афганцев» как понятия очень широко употребляются в русской речи и закрепляются не только в речи и сознании небольших групп, но широких масс населения». Именно из-за исторической памяти крестьян, переживших в детстве карательные экспедиции 1905-1907 гг., а к 1914-1919 гг. ставших солдатами, по мнению британско-российского социолога, провалились попытки создать массовую Белую армию. Достаточно наложить карту крестьянской войны 1905-1907 гг. на карту Гражданской войны, пишет он, чтобы поколенческая причинность проявилась со всей очевидностью [Шанин, 2005, 10].

И. С. Кон указывал на символический смысл понятия «поколение», подчеркивая не столько хронологическую общность современников, сколько общность их жизненного опыта, их переживаний. Согласно идее ученого, «поколение как символическая общность не имеет четких хронологических границ. Чем значительнее историческое событие, тем длительнее его историческое воздействие, тем шире рамки его влияния» [Кон, 1967, 110]. Например, поколение Великой Отечественной войны для автора – это не только десятиклассники, прямо с выпускного вечера шедшие в бой, но и все те, кто вынес на своих плечах тяготы войны, для кого она явилась решающим и неизгладимым переживанием. В этом смысле продолжительность разных поколений может быть различной [Кон, 1967, 110].

Поколенческие идеи И. С. Кона нашли свое отражение в работах В. В. Семеновой², которая принимает за основу временной периодизации ныне живущих поколений российского общества субъективный показатель – крупное историческое событие или процесс, оставшийся центральным в памяти данного поколения [Семенова, 83]. Исследователем выделяется четыре поколения, последнее из которых – *последперестроечное* – можно соотнести с миллениалами (родились после 1980-х годов, условное время реализации – 2000-2010 годы) [Отцы и дети, 2005, 88-89].

Для понимания последних советских поколений, т. е. всех тех, кто был достаточно зрел, чтобы полностью сформироваться еще в советский период, но и достаточно молод, чтобы в период реформ, а затем в начале 1990-х годов довольно быстро превратиться во все еще молодых «постсоветских людей», продуктивен подход А. Юрчака, который рассматривает понятие «поколение» как аналитическую категорию. По его мнению, «неожиданный кризис и обвал советской системы практически в одночасье превратил людей в одно поколение. Это событие дало им возможность осознать схожесть и уникальность своего советского опыта вместе с чувством удивления, ощущения нереальности происходящего, и возможно, чувством эйфории или, напротив, трагедии, которые этому сопутствовали» [Юрчак, 2014, 85].

Ю. С. Левада, испытывавший особый интерес к поколенческой тематике, выделял в российской истории XX века шесть сменяющих друг друга поколений. Временные рамки их формирования приходятся на особо значимые переломные периоды, такие как: революция, формирование тоталитарного государства, Великая Отечественная война, «оттепель», «застой» и «Перестройка» [Отцы и дети, 2005, 41-44; Семенова, 24]. Подчеркивая заведомую условность и ограниченность предложенной схемы, социолог указывал на то, что «используемые [им] определения поколенческих групп предполагают взгляд на общество как бы «сверху», со стороны элит, формирующих значения событий и периодов» [Отцы и дети, 2005, 44].

По мнению Е. Л. Омельченко, стремление к обнаружению черт у людей, растущих и взрослеющих в один промежуток времени, в схожих обстоятельствах жизни, включенных в формально схожие социальные институты, получающих информацию через разделяемые большинством каналы, было характерно для большинства поколенческих конструкторов XX и XXI в. [Омельченко, 245]. Однако проблема заключается в том, что неясно, какие общественные изменения актуализируют черты у современных поколений.

² Вал. А. Луков обращает внимание на то, что В. В. Семенова делает важное дополнение к понятию «поколение», основываясь на работах И. С. Кона [Луков, 247], который указывал на ошибочность отождествления указанного понятия с «группой, объединяющей людей одного и того же возраста» [Кон, 110] и отмечал, что «условные поколения могут локализоваться на историческом континууме как по хронологическому (календарному) принципу, например, поколение 20-х годов, так и символически через соотнесение с каким-либо историческим событием (поколение Революции), или выдающимися личностями (поколение Пушкина), или приписываемыми символическими ценностями» [Цит. по: Семенова, 81].

Например, поколенческие слои, выделенные Ю. С. Левадой, на наш взгляд, хорошо отображают особенности советского периода российской истории, но не касаются современности в силу объективных причин.

Актуальность поколенческой проблематики для Е. И. Ивановой связана с быстрыми и кардинальными переменами в социальных и демографических процессах. В периоды крупных катаклизмов, отмечает она, на первый план выходят проблемы количественного воспроизводства населения, на этапе социально-экономических трансформаций – качественных, «стиля мышления», влияющего на изменение духа времени [Иванова, 42]. В своей статье автором анализируются так называемые «потерянные поколения». Символическое понятие «потерянное» применительно к российским поколениям у Е. И. Ивановой приобретает значение неполного, связанного с постоянными перерывами в развитии общества, отсутствием исторических традиций его – поколения – улучшения и совершенствования духа [Иванова, 50]. В монографии исследовательница выделяет два социально-экономических периода: советский и постсоветский, когда, по ее мнению, события 1917 и 1985 гг. в корне изменили социально-экономический уклад общества. От этих критических точек Е. И. Иванова предлагает начинать отсчет принципиально новых социальных времен и поколений [Иванова, 76]. Для нас интерес представляют поколения, вступившие в 2000-е годы в активную жизнь и не заставшие в сознательном возрасте советской действительности. Е. И. Иванова описывает их как опытных пользователей Интернета, убежденных, что жизнь дана, чтобы наслаждаться. Коренное отличие от прежнего, родительского поколения состоит в желании достичь быстрого успеха, готовности к жертвам ради его достижения [Иванова, 2016, 100-101].

Другие отечественные авторы отмечают связь поколений с экономическими циклами, считая экономику причиной или следствием изменений в общественном сознании и настроениях [Исаева, 2011, 291]. В качестве базового инструмента они предлагают использовать *теорию поколений (Strauss-Howe generational theory)*, разработанную в 1991 году американцами Нейлом Хоувом и Вильямом Штраусом и адаптированную для России и стран СНГ в 2003 году отечественными специалистами Евгенией Шамис и Евгением Никоновым [Шамис, Никонов, 2016, 13]. Российские исследователи выделили ключевые для россиян мировые и локальные события, повлиявшие на формирование ценностей определенной когорты. Именно в рамках указанной теории впервые было выделено интересующее нас в данной работе поколение зумеров – самое молодое, вступающее в период своего взросления в настоящее время.

Хоув и Штраус изучили историю США с 1584 года³ и пришли к выводу о том, что выделение поколенных групп обусловлено не просто датой рождения, а набором схожих базовых ценностей, сформированных под влиянием социальных, экономических и политических условий. При этом каждое поколение рассматривается в периоде средней продолжительности человеческой жизни (80-90 лет), в процессе которой, в том или ином возрасте, оно проходит четыре разные стадии, сменяющие друг друга. С такой же частотой в мире появляется новое поколение, которое воспитывается в ситуации, соответствующей конкретной стадии общественной среды, а значит обладает иным набором ценностных характеристик, отличных от установок предыдущей поколенной группы вплоть до противоположности. Причем именно отличия ценностей делают следующее поколение движущей силой общества на очередном этапе развития [Гурова, 151].

Авторы выделили четыре основных типа поколений:

поколению «Героев», активных и уверенных в себе борцов и деятелей, создающих новые ценности и отстаивающих уже существующие, соответствует «осень»;

поколению «Художников», неуверенных и сомневающих, предпочитающих приспособляться к существующей системе, – «зима»;

поколению «Пророков», создающих новое светлое будущее, подобно революционерам, – «весна»;

поколению «Кочевников», разочарованных в реалиях выстроенной системы и отвергающих моральные ценности, – «лето» [Носова, 2013, 85-86].

Важное место в теории занимает идея противоположных периодов: кризиса и подъема, пробуждения и спада. По мнению Хоува и Штрауса, основные жизненные фазы жизненного цикла человека (детство, молодость, средний возраст, старость) могут в зависимости от года рождения совпадать с той или иной фазой цикла общественно-исторического развития [Яницкий, 47]. Периоды кризиса стимулируют общество к объединению перед лицом общей опасности, формируют этику самопожертвования и стремления к порядку. Во время подъемов преобладают ценности индивидуализма, а государственные институты, как и весь институциональный порядок в целом, подвергаются критике с точки зрения новых социальных идеалов [Ожиганова, 2015, 94]. Если указанные процессы сказываются на взрослеющих поколениях, их поведении и отношении к происходящему, авторы

³Периодизация американской истории с разбивкой на поколения дана авторами в следующих основных работах: «Generations: The History of America's Future, 1584-2069» (1991), «The Forth turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny» (1997), «Millennials Rising: The Next Great Generation» (2000). Всего авторами идентифицировано 13 американских поколений. На основе книги «The Forth turning» и родилась теория, известная сейчас как теория поколений.

Периодизация поколений США в XX веке, разработанная Н. Хоувом и В. Штраусом, и российские адаптации теории поколений представлены в виде таблиц в конце главы.

называют такие поколения доминантными. Напротив, поколения, переживающие кризис или подъем, будучи детьми принимают на себя зависимую роль, а значит их восприятие и поведение формируются иначе. Такие поколения Штраус и Хоув назвали рецессивными [Исаева, 292]. Таким образом, каждое поколение имеет опыт прохождения всех четырех этапов цикла, но поворотные моменты в истории своей страны каждое поколение переживает в разном возрасте [Асташова, 110].

Согласно авторам, четырехступенчатый цикл социальных превращений начинается с периода Подъема (Расцвета). Это посткризисный период, когда институты сильны, а индивидуализм слаб. Общество уверено в том, чего оно хочет добиться сообща, однако люди, включенные в это движение, часто страдают от необходимости следовать правилам общим для всех. Поколение «Странников» рождается во времена Подъема, когда возникают новые социальные идеалы и духовные ценности, молодые люди борются со старыми социальными институтами, активно их атакуют. «Странники» – это проницательные реалисты, предпочитающие индивидуалистические прагматичные решения проблем. Их примером является поколение X, родившееся в 1964-1984 гг. [Ожиганова, 2015, 95; Исаева, 292].

Поколение «Героев» появляется после Подъема в эпоху индивидуального прагматизма и самонадеянности. Этот период Н. Хоув и В. Штраус называют Спадом. Настроение этого периода во многом противоположно Подъему: социальные институты слабы и лишены доверия, в то время как индивидуализм процветает. Поколения, рожденные в этот период, характеризуются своими военными успехами в молодости и политическими достижениями в зрелом возрасте. Наибольшее влияние такие поколения оказывают на построение благоденствия в обществе, а также на развитие технологий. «Герои» уверенно и очень рационально выстраивают общественные институты. Примером такого поколения являются сегодняшние миллениалы [Ожиганова, 2015, 95; Исаева, 292].

Поколение «Художников» (рецессивное) рождается в период Кризиса, когда общая угроза стирает определенные социальные и политические противоречия, культура меняет направление и служит нуждам общества, а люди постепенно начинают осознавать себя в качестве членов некой масштабной группы. Гражданские власти способствуют высокой степени объединения общества, созданию агрессивных государственных институтов, проповедуют этику самопожертвования. К такому поколению исследователи относят зумеров [Ожиганова, 2015, 94; Исаева, 292].

Поколение «Пророков» (доминантное) рождается после кризисов в период восстановления общественной жизни и установления новых порядков в обществе, который у авторов получает название «Пробуждение». В это время общественные институты подвергаются нападкам во имя личной

и духовной автономии. Как только общество достигает пика своего развития, людей начинает утомлять дисциплина. Они хотят вернуть себе индивидуальность. Такие поколения характеризуются своей яркостью в молодости и ориентированностью на общественные ценности в среднем возрасте. Основное значение таких поколений – совершенствование и обогащение системы моральных и религиозных ценностей. Будучи детьми посткризисного периода, в юношеском возрасте «Пророки» избалованы. В середине жизни они принципиальные моралисты, которые могут развязать идеалистические войны и призывать к жертвенности, а в конце – руководят очередным Кризисом на правах старейшин. Самая активная фаза жизни «Пророков» приходится на «осень», когда происходит смена приоритетов и ценностей, разрушение привычного строя жизни. Примером этого поколения являются бэби-бумеры, родившиеся в период с 1943 по 1963 гг. [Ожиганова, 2015, 95; Исаева, 292].

После завершения цикла начинается его повторение. Базовая продолжительность влияния и поколений и превращений – около 20 лет, что соответствует социально и биологически детерминированным фазам жизни человека. Для описания происходящих изменений Хоув и Штраус применили метафору, связанную со сменой сезонов в природе. Период Пробуждения они сравнили с летом, а период Кризиса – с зимой. Периоды Подъема и Спада – переходные, поэтому соответствуют весне и осени. Сравняя длительность циклов с сезонами, они отмечают, что так же, как и зима может наступить раньше или позже и быть более или менее суровой в каком-то году, так и обозначенные периоды наступают в разное время. Хотя точных границ, отделяющих одно поколение от другого, не существует (ритм развития поколений, как указывают Н. Хоув и В. Штраус, нельзя предсказать как в физике или астрономии), они совпадают с биологическими циклами: становление взрослым в 20 лет, человеком среднего возраста – в 40, а пожилым – в 60. Подъемы следуют за кризисами, а спады приходят на смену пробуждениям, но фазы жизни человека биологически детерминированные и, по мнению авторов, остаются неизменными в течение уже нескольких столетий.

Авторы теории поколений не только выделили четыре архетипа и связали их с периодами кризиса и подъема, но указали причину, по которой циклы и архетипы повторяются. Все дело в желании молодых людей исправить или компенсировать те черты старшего поколения, которые ему кажутся неприемлемыми. Другими словами, складывается ситуация, когда люди, относящиеся к одному архетипу, формируют поколения противоположного архетипа [Ожиганова, 94]. Как только каждое поколение вступает в следующую жизненную фазу и новую социальную роль, фундаментально меняются настроение и поведение, давая возможность новому поколению

проявить себя. По идее Н. Хоува и В. Штрауса, существует связь между историческими событиями и поколенческими типами: сначала первые формируют поколения в детстве и молодости, а потом вторые, будучи родителями и лидерами в силу занимаемого ими положения в обществе в середине жизни и в старости, формируют историю.

Поколение можно идентифицировать, если оно, как указывают Хоув и Штраус, соответствует трем основным критериям: во-первых, каждое поколение представляет одну историческую эпоху, что подразумевает переживание одних и тех же исторических событий примерно в одном и том же возрасте; во-вторых, все представители отдельно взятого поколения разделяют общие определенные убеждения и модели поведения; и в-третьих, представителей одного поколения объединяет чувство общей принадлежности к данному поколению [Мамина, Толстикова, 2019, 150-151].

Границы между поколениями могут быть размытыми, а это значит, что те, кто рожден на стыке периодов (плюс-минус 3 года), являются носителями ценностей обоих поколений. Это так называемые *переходные* или «эхо-поколения»⁴, представители которых «одной ногой стоят в прошлом, а другой – в будущем, относительно своей возрастной группы, и это дает им бонус: таким людям легче понимать и ровесников, и старшее поколение, и тех, кто немного младше» [Царенко, 2014, 10]. Доля представителей эхо-поколений в России, по оценкам исследователей, составляет почти 36% населения [Асташова, 112]. По мнению А. В. Голубинской, напротив, представители разных поколений, рожденных на рубеже их смены, образуют две противоречащие друг другу общности, хотя по сути являются сверстниками, а значит носителями общего мировоззрения и культуры. Всеми виной – излишний схематизм теории поколений [Голубинская, 100].

Временные границы между поколениями могут варьироваться и в зависимости от географического, политического или экономического положения региона [Ожиганова, 95]. Например, Н. В. Царенко указывает на разницу в трактовке границ поколений для сельских и городских жителей. Нынешние пятидесятилетние, проживающие в мегаполисах, по ее мнению, относятся к поколению X, а их ровесники в сельской местности – к беби-бумерам [Царенко, 10]. М. А. Исаева отмечает, что «граница между поколениями в Европе смещена на 5-10 лет по сравнению с США. Это связано с последствиями Второй мировой войны для европейского континента, особенно для России, где «люди дольше приходили в себя», а исследователи фиксировали «более поздние социальные изменения, в том числе в институте семьи» [Исаева, 2011, 293]. А. В. Голубинская приходит к выводу, что при анализе социальной реальности авторы полностью нивелируют причинно-следственные связи, и тогда точкой поколенной бифуркации служат

⁴ Периоды базовых и пограничных поколений представлены в таблице, расположенной в конце главы.

следствия (например, убийство Д. Кеннеди), а предшествующие этому причины остаются в картине мира предшественников [Голубинская, 100].

Теория поколений, предложенная авторами, была с энтузиазмом принята американским профессиональным сообществом, особенно экспертами в сферах маркетинга и управления человеческими ресурсами, поскольку она объясняла изменения, которые эмпирически наблюдались в поведении потребителей. В результате использование таких терминов, как «Беби-бумеры» «Поколение X» или «Миллениалы», стало обычным явлением для описания поведения потребителей и HR-стратегий [Skolkovo, 2019, 14]⁵.

Теория нашла свое продолжение в изучении поколенческой тематики в условиях новых информационных реалий в работах американских и канадских авторов. Р. И. Мамина и И. И. Толстикова в своей статье приводят в пример канадского ученого Д. Тапскотта, известного всему миру как автора понятий «цифровая экономика» и «сетевое поколение» (NET-Generation) [Мамина, 151]. Для канадского исследователя сетевое поколение – это те, кто вырос в окружении цифровых средств массовой информации и для кого их использование уже сейчас накладывает свой отпечаток на формирование культуры. Д. Тапскотт отмечает, что назвал целое поколение «сетевым», когда всемирная паутина только появилась, а технологии были настолько примитивными, что было время выпить чашку кофе в ожидании информации, которая должна была появиться на экране компьютера. В 1997 году был другой мир, в цифровом смысле. Не было ни Гугла, ни Фейсбука, ни Твиттера. Тем не менее, ученый полагает, что именно тогда он смог рассмотреть потенциал новой технологии и, соответственно, размышлять о влиянии новых медиа на молодежь [Tapscott, 2009, 2].

Д. Тапскотт отмечает, что постоянное подключение к сети и возможность быть на связи с людьми, живущими в разных частях планеты, сделало «сетевое поколение» по-настоящему глобальным, многонациональным и толерантным. Именно представители этого поколения, согласно автору, обладают способностью «почти внутреннего» понимания технологий, но при этом демонстрируют нежелание быть преданными одному работодателю в течение всей жизни, предпочитают время от времени менять работу. Это поиск не просто высокооплачиваемой, а прежде всего, интересной работы. Активность жизненной позиции представителей сетевого поколения реализуется не в их участии в общественно-политических мероприятиях, а в использовании фото и видео своих мобильных устройств для документальной фиксации событий с целью их размещения в социальных сетях [Цит. по:

⁵ Повальное увлечение теорией поколений в HR-сфере и маркетинге в настоящее время активно критикуется. Специалисты в области маркетинга отмечают, что в современном мире существует невероятное множество способов анализировать аудиторию, а ценность каждого маркетингового сообщения теперь заключается в точном попадании в интересы конкретного потребителя. Все больше компаний переходит от количества к качеству аудитории, указывая на то, что «разделение потребителей на поколения на основании года их рождения является одной из самых простых форм сегментации» [Стасева].

Мамина, 154]. Добавим, что отказ принять цифровые технологии со стороны некоторой части общества является, по мнению канадского ученого, причиной конфликта поколений в XX веке [Носова, 87].

Американская исследовательница Д. М. Твенге приходит к выводу о том, что если и существует вещь, в честь которой можно назвать новое поколение, то это безусловно iPhone. Доступные смартфоны, по ее мнению, повлияли на все стороны жизни нового поколения, начиная с социальных связей и заканчивая психическим здоровьем. Так, пришло время поколения IGEN («айдженеров»). Английская буква «I» в слове IGEN означает не только марку известного смартфона, который появился в 2007 году, когда «айдженеры» были детьми или Интернет (Internet), который начал коммерциализироваться в 1995 году, но и индивидуализм (Individualism), который представители поколения считают чем-то самым собой разумеющимся. По этим и многим другим причинам айдженеры отличаются от своих предшественников [Твенге, 2019, 16-17].

Забегая вперед, отметим, что характеристики и « сетевого поколения» Д. Гапскотта, и айдженеров у Д. М. Твенге очень похожи на характеристики поколения Z или практически совпадают с ними. Несмотря на то, что представители обозначенных поколений могут отличаться не только названием («ярлыком»), но и расой или вероисповеданием, они формировались под воздействием схожих обстоятельств для всех обществ, например, экологических проблем.

Поскольку состоятельность теории поколений была подтверждена на примере американской истории, ее справедливость для других стран в течение длительного времени признавалась сомнительной. В частности, отмечалось, что «даже Америка слишком большая для того, чтобы одинаково описывать поколения..., поэтому экстраполируя теорию поколений на жителей европейских стран, получается выделить только самые общие тенденции, отразившиеся на всех и являющиеся следствием развития всего человечества и преимущественно – технологий» [Стасева].

Другой причиной для критики являлся тот факт, что в своих работах Н. Хоув и В. Штраус никогда не привлекали данные статистических служб, но настолько глобально формулировали выводы, в роде «склонности к заботе об экологии», что придавали теории характер мистического фатализма. Если бы в одной из стран, пишет А. В. Голубинская, удалось воспитать поколение людей, каждый из которых среди своих высших целей ставил бы проблемы экологического здоровья планеты, то сама проблема была бы решена как минимум на период продолжительности жизни этого поколения [Голубинская, 100-101].

После США теорию сначала проверили в ЮАР, потом в странах Азии (Южной Корее, Гонконге, Сингапуре, Тайване и Японии), далее в Европе, и

наконец, в Латинской Америке. Системные исследования в России и странах СНГ были начаты в 2003 году [Шамис, 13]. В результате был сделан вывод о необходимости внесения корректировок с учетом развития отдельных территорий [Асташова, 109]. Например, в российской адаптации теории временные границы поколений отличаются на 3-5 лет от аналогичных периодов, выделенных Хоувом и Штраусом. Этот факт указывает на то, что главным критерием для определения границ поколений является специфика общественной среды, в которой вырос человек, а не дата его рождения, привязка к которой достаточно условна [Гурова, 151]. По мнению М. Р. Мирошкиной, «в отличие от поступательной траектории смены поколений в классической теории В. Штрауса и Н. Хоува, траектория смены российских поколений носит не поступательный, а дискретный характер. Каждое поколение является участником или современником судьбоносного исторического события, значительно меняющего либо устои жизни страны в целом, либо правила жизни в определенный период времени» [Мирошкина, 2017, 31].

Асташова предполагает, что в условиях глобализации территориальные особенности практически утратят свое влияние на формирование поколенческих ценностей, которые в разных странах будут носить универсальный характер [Асташова, 109]. Схожую мысль высказывает координатор проекта «Теория поколений в России – Regenerations» Е. Шамис. В многочисленных интервью она утверждает, что смена поколений проходит практически в одном режиме по всему миру благодаря Интернету, сотовой мобильной связи и экономическим циклам, которые едины для всего мира. Поскольку эти факторы в обществе в отдельном историческом периоде схожи, то ценности, которые формируются у большинства людей, становятся похожими [См., например, Шамис, 13].

В настоящее время в России проживают представители шести поколений, принадлежность к которым определяется не по году рождения или возрасту, а на основании общих ценностей. Указываемые, в том числе российскими продолжателями идей Н. Хоува и В. Штрауса, годы являются ориентировочными границами. Главным фактором исследователи называют особенности общественной среды, в которой происходит создание, освоение, управление и сохранение ценностей [Шамис, 13-15].

Для В. Н. Гришай и К. А. Зенина, теория поколений – это совокупность сменяющихся социально-возрастных общностей, функционирование которых во многом определяется внутренними процессами, имеющими возрастное измерение и оказывающими влияние на характер социального опыта и его трансляцию [Гришай, 92]. В. И. Пищик, расширяя и уточняя теорию Хоува и Штрауса, предлагает рассмотреть ментальность в качестве единицы поколенческого анализа и, таким образом, разрешить противоречие, имеющееся у американских авторов. По ее мнению, представители

определенных групп, имеющие общие формы активности, связанные с ценностно-смысловой близостью, порождают общую ментальность. Ценностно-смысловая близость представителей поколений заключается в том, что вне зависимости от внешних обстоятельств человек будет действовать согласно тем смыслам и ценностям, которые бессознательно им принимаемы [Пищик]. Типология современных поколений рассчитана автором от эпохи перестройки (хронологические рамки - 1985-1991), которая оценивается как весомое, переломное событие в жизни страны. В. И. Пищик выделяет представителей, рожденных с 1965 по 1982 год – это «переходное» поколение; следующее поколение будет рождено в перестройку – его представители относятся к «постсоветскому» поколению; с 2000 года – 15 лет после начала перестройки – это новое «сетевое» (постперестроечное) поколение [Пищик].

В. Радаев указывает, что, классифицируя российские поколения, достаточно трудно избавиться от их привязки к политико-экономической периодизации, присутствующей в российской истории. Автор выделяет шесть поколений, беря за основу своей классификации два интервала: годы рождения и годы вступления во взрослую жизнь. Причем критериальным для автора выступает именно период взросления (17-25 лет), когда молодые люди закончили школу, приступили к работе или поступили в университет, начали формировать собственные семьи и получили хотя бы относительную финансовую самостоятельность [Радаев, 46].

Первые три из выделенных поколений В. Радаев называет «советскими», т. е. имеющими опыт в период взросления в Советском Союзе, а последние три – «постсоветскими», не имеющими подобного опыта. Водораздел проходит по реформенному поколению (период рождения 1968-1981, период взросления 1985-1999), которое автор считает переходным, но не советским, ибо оно возросло в период развала и преобразования страны. Появившись на свет в период застойного зрелого социализма, это поколение возросло в период горбачевской перестройки и последующих либеральных реформ. Пятое поколение в классификации В. Радаева – миллениалы – можно было назвать «поколением периода стабилизации», поскольку их взросление происходило в стабильный и относительно благополучный период, но автор предпочитает использовать для их обозначения устоявшийся в западной науке термин. Наконец, шестое поколение – поколение Z или центиниалы – рождается в 2000-е годы, и оно еще только начинает вступать в период своего взросления [Радаев, 48-49].

В России больше, чем где-либо, теорию поколений стали применять на практике маркетологи, специалисты по рекламе и связям с общественностью и HR-менеджеры [Попов, 313]. В. Радаев объясняет такую активность большей гибкостью и реактивностью на происходящие изменения. По его мнению, неакадемические структуры первыми всерьез заинтересовались

поколенческой проблемой по нескольким причинам: работодатели были озабочены тем, как привлечь и удержать представителей молодого поколения и повысить их лояльность организации; коммерческие структуры пытались лучше понять молодых людей, чтобы побудить их активнее покупать новые товары и услуги; политические организации пытались вовлечь молодых взрослых в политическую и гражданскую активность, или, наоборот, всячески ей воспрепятствовать [Радаев, 2019, 31-32].

Идея особых поколений, как считает Е. Л. Омельченко, помогает очертить ниши аудитории в маркетинге, так легче продвигать товары, предложения, услуги и все, что угодно. Мы, по мнению социолога, не можем полностью отказаться от поколенческих ярлыков тем более, что поколения Y и Z узнаваемы и у нас в стране. В этих образах совмещены научные категории и художественное мышление. Об Y («игреках») говорят, что они digital migrants, а Z («зетах») – digital natives. Первые осваивали гаджеты и цифровую культуру, а для вторых гаджет – часть их тела и их личности, составляющая их идентичности. Любое новое качество устройства для поколения Z – личностная характеристика [Омельченко].

У социологов нет единого мнения о том, кого считать представителем Поколения Z⁶ (Generation Z). Граница, по их мнению, зависит от уровня развития технологий в стране, где родились молодые люди. Даже среди западных социологов в этом отношении нет единства: одни называют «зетами» тех, кто родился в 1991 году – в год появления всемирной сети Интернет, другие ведут отчет только с 2001 года, когда «всемирная паутина» распространилась повсеместно. В Японии, которая опережает всех по уровню внедрения цифровых технологий, к указанному поколению относят тех, кто родился в конце 1980-х гг. Американский ученый Б. Тулган предлагает вообще разбить группу, родившихся в период с 1978 по 2000 годы, на две подгруппы: поколение Y (рожденные в период с 1978 по 1990 гг.) и поколение Z (рожденные в период до 2000 гг.) [Тулган, 2009, 18] Ясно одно: от всех предыдущих поколений зумеров отличает то, что они с детства знакомы с цифровыми технологиями. Они родились в мире, где уже были компьютеры, Интернет и социальные сети. Ресурсы всемирной паутины, являясь, по мнению исследователей, одними из наиболее важных источников социокультурного развития представителей поколения, в то же время отмечают, что те привносят в процесс социализации свои особенности. Виртуальный характер взаимодействия со сверстниками приводит к отмечаемым многими авторами клиповости мышления и фрагментированности сознания у зумеров [Цит.по: Яницкий, 48], но как правильно указывают Р. И. Мамина и И.

⁶ Специалисты, занимающиеся поколенческой тематикой, используют в качестве синонимов следующие термины: Homelanders, Homeland Generation, Zoomers, New Silent Generation, Generation Phygital, IGen, Digital Natives.

И. Толстикова, новый тип коммуникации еще мало исследован и на теоретическом уровне, и в практической плоскости. Указанные авторы видят в качестве основной характеристики данной коммуникации взаимодействие цифрового и физического мира, отмечая, что сегодня для человека нет границ между этими мирами: цифровые технологии активно используются для того, чтобы управлять «физической» жизнью и наоборот, наша физическая жизнь влияет на цифровой мир [Мамина, 2019, 149].

Другие отечественные исследователи С. С. Носова и И. П. Кужелева-Саган в своей статье приводят мнение М. Бауэрлейна, автора книги «Самое тупое американское поколение: как электронная эпоха создает поколение глупых американцев и подвергает опасности наше будущее», вышедшей в свет в 2008 г., который на примере американской молодежи, приходит к выводу о том, что Интернет, который, казалось бы должен был расширить границы разума, наоборот сузил сознание молодых людей до границ их собственного социального круга. Весь мир вошел у них через Сеть, избавив от необходимости «выходить в мир». Они занимаются перепостом (заимствованием) текстов, картинок, видео, отказавшись от культурного наследия всего мира [Цит. по: Носова, 91].

Доля поколения Z в структуре российского населения относительно невелика (около 20%), но по мере достижения его представителей трудоспособного возраста в течение ближайших десяти лет составит не менее четверти трудоспособного населения Российской Федерации. Не следует забывать и тот факт, что формирование этой группы продолжается. В реалиях текущего времени представители этого поколения находятся в процессе получения образования. По мнению исследователей, студенческая молодежь, обучающаяся сегодня как в бакалавриате, так в магистратуре (в возрасте от 18 до 23 лет), впервые в истории может быть практически полностью отнесена к поколению Z [Яницкий, 48]. Согласимся с отечественными исследователями, которые указывают на то, что говорить о характеристиках и поведенческих стереотипах зумеров довольно сложно, поскольку их система ценностей находится на стадии формирования. Однако, если следовать идеям Н. Хоува и В. Штрауса, можно предположить, что зумеры повторят характер и особенности «молчаливого» поколения, разумеется, с учетом особенностей своего времени. По аналогии с «молчаливым» поколением, поколение Z замкнется, защищаясь от внешней среды, но найдет убежище не в семье и литературе, а в виртуальной реальности [Ожиганова, 2015, 97].

Научная значимость теории поколений для большинства отечественных исследователей продолжает оставаться под вопросом. Идеи Н. Хоува и В. Штрауса активно критикуют за то, что они имеют весьма обобщенный характер, а теория не учитывает ни психологические особенности, ни социальные ориентиры [Мамина, 152].

В общественном сознании теория чаще всего ассоциируется с проблемой «отцов и детей», поколенческими разрывами, забыванием или отрицанием предшествующего опыта, но чаще всего поколенческая теория рассматривается как художественная фантазия, продукт популярной культуры, социологическое, философское и культурологическое осмысление которой еще предстоит [Цит. по: Попов, 312].

Вместе с этим поколенческая теория Н. Хоува и В. Штрауса определенно обладает рядом значительных преимуществ. Большинство специалистов на основе проведенных ими исследований в пределах национального опыта своих стран пришли к выводу, что теория поколений работает независимо от социокультурного ареала, в рамках которого она апробирована [Мамина, 151]. Даже если не принимать во внимание историческую составляющую теории и рассматривать современные поколения, теория может быть полезна для объяснения мотивов людей в маркетинге, менеджменте, социологии [Асташова, 110].

А. В. Голубинская отмечает вклад Н. Хоува и В. Штрауса в декомпозицию поколенной структуры. Из всего массива описанных в теории специфических черт поколенных групп, указывает она, можно определить пары семантических дифференциалов, описывающих особенности трудовой деятельности, организацию быта, политики воспитания детей, практики познавательной деятельности и др. Другим достоинством теории, по мнению указанного автора, является наиболее перспективное решение проблемы разрыва и преемственности поколений. Разрыв-преемственность рассматривается как динамический процесс, который склоняется в сторону преемственности, когда традиционный тип интерпретации окружающего мира адекватно отражает потребности молодых поколений, и в сторону разрыва в тех случаях, когда опыт старших поколений не актуален для конкретного этапа развития социальной реальности [Голубинская, 100].

Развитие теории стимулировало изучение особенностей взаимодействия поколений X, Y и Z как основных субъектов, но при этом особое внимание уделяется зумерам, поскольку они становятся полноправными членами современного общества [Мамина, 153]. Детальный анализ взаимодействия указанных поколений имеет смысл, т. к. их представители формируют трудовой потенциал страны [Гурова, 154]. Теория интересна тем, что на ее основе можно строить прогнозы развития общества в разрезе проживающих в нем поколений. В настоящее время мы наблюдаем крайне противоречивую картину оценки жизненных перспектив отдельных поколенческих когорт сквозь призму идей Н. Хоува и В. Штрауса. По нашему мнению, российская адаптация теории поколений исключительно силами экспертов из неакадемических структур (маркетинг, менеджмент и пр.) бесперспективна без масштабного социологического исследования и попыток интеграции ее положений в русле междисциплинарного подхода.

**Российская адаптация современной теории поколений [Гурова И.М.,
Евдокимова С.Ш., 2016]**

Поколения (альтернативные названия)	Тип /архетип	Годы рождения	Влияющие события общественной среды	Основные коллективные характеристики
Молчаливое поколение (разбитое, потерянное)	Зима/художники	1923-1943	Вторая мировая война, первая пятилетка, индустриализация, коллективизация, репрессии, начало Великой отечественной войны, открытие антибиотиков	Преданность, соблюдение правил, законов и порядков, уважение к должности и статусу, подчинение и жертвенность, честь, терпение, экономность, партийность
Бэби-бумеры (поколение демографического взрыва)	Весна/пророки (идеалисты)	1943-1963	Окончание Великой отечественной войны, «холодная война», восстановление страны, оттепель, покорение космоса, СССР - мировая супердержава, Карибский кризис, единые стандарты обучения и гарантии медицинского обслуживания, пластические операции и противозачаточные таблетки	Идеализм, оптимизм, коллективизм и командный дух, вовлеченность, нацеленность на отличный результат, интерес к личностному росту, вознаграждению и статусу, культ молодости и здоровья, подчеркивание имиджа и привлекательности, ностальгия и религиозность
Поколение X (13-е поколение, неизвестное поколение, поколение с ключом на шее)	Лето /кочевники (странники)	1963-1984	Продолжение «холодной войны», период застоя, война в Афганистане, летние Олимпийские игры в Москве, начало перестройки, тотальный дефицит, наркотики, СПИД	Готовность к переменам, индивидуализм, возможность выбора, глобальная информированность, техническая грамотность, обучение в течение всей жизни, неформальность взглядов, поиск эмоций, прагматизм, выживание и надежда на себя, равноправие полов
Поколение Y (поколение Сети, Миллениум, поколение NEXT, нулевые)	Осень /герои	1984-2000	Катастрофа в Чернобыле, распад СССР, смена политического строя, дефолт, теракты и военные конфликты, атипичная пневмо-	Готовность к изменениям, гражданский долг и мораль, ответственность и уверенность в себе, тяга к разнообразию, гибкость мышления, наив-

			ния, развитие коммуникационных и цифровых технологий (мобильные телефоны, Интернет), биотехнологии, новые эпидемии	ность и подчиненность, нацеленность на достижения и немедленное вознаграждение, приверженность моде и знанию брендов, высокий уровень владения техникой
Поколение Z (цифровое поколение)	Зима/художники	С 2000 г. - по настоящее время	Глобализация, укрупнение бизнеса, мировой экономический кризис, информационное общество, террористическая война	Быстрое взросление, высокий уровень владения информационными технологиями и техников, общение в виртуальном пространстве

Классификация поколений В.И. Пищик [Пищук В.И., 2019]

Название поколения	Описание поколений	Период рождения
Бэби-бумеры	носители традиционной ментальности	1946-1964 (период 18 лет)
Поколение X	носители переходной ментальности	1965-1983 (период 18 лет)
Поколение Y	носители инновационной ментальности	1984-1999 (период 15 лет)
Поколение Z	Носители постинновационной ментальности	2000-2015 (период 15 лет)

Классификация российских поколений по В. Радаеву [Радаев В., 2019]

Поколения	Период рождения	Период взросления
Мобилизационное поколение	1938 г. и ранее	1941-1955 гг.
Поколение оттепели	1939-1946 гг.	1956-1963 гг.
Поколение застоя	1947-1967 гг.	1964-1984 гг.
Реформенное поколение	1968-1981 гг.	1985-1999 гг.
Поколение миллениалов	1982-2000 гг.	2000-2016 гг.
Поколение Z	2001 г. и позднее	2017 гг. и позднее

Базовые и «эхо-поколения» [Асташова Ю., С. 110]

Поколения	Базовый период	Период «эхо-поколения»
Победители	1903-1918	1919-1926
Молчаливое	1927-1939	1940-1946
Беби-Бумеры	1947-1959	1960-1967 (1968)
Поколение X	1968 (1969) - 1980	1981-1987
Миллениумы	1988 - 1999	2000-2005 (2006)
Поколение Z	2006 (2007) - 2019	

Поколения, живущие в России (Е. Шамис, Е. Никонов) [Шамис Е., 13]

Основное название в Теории поколений для России/архетип	События /ценности	Годы рождения людей поколения в России
Победители	GI, Heroes, Строители, Победители	1903-1923
Молчаливое	Silent Beat, Lost, Книжные дети	1923-1943
Беби-Бумеры	Baby Boomers	1944-1963
Поколение X	13-поколение (в США), Летящие, Busters, Baby Busters, Поколение MTV, «С ключом на шее»	1964-1984
Миллениумы	Generation Y, Millennials, Поколение Next, Echo Boomers	1985-2003
Поколение Z	Homeland, Digitally native, Играющие дома, Поколение национальной безопасности	2004-2024

Четыре поворота цикла и возраст поколений по Ю.В. Асташовой
[Асташова Ю., С. 110]

	Пророк (Идеалисты)	Странники (Кочевники)	Герой	Художник
Детство	подъем (расцвет)	пробуждение	спад (разрушение)	кризис
Совершеннолетие (молодость)	пробуждение	спад (разрушение)	кризис	подъем (расцвет)
Средний возраст	спад (разрушение)	кризис	подъем (расцвет)	пробуждение
Пожилой возраст	кризис	подъем (расцвет)	пробуждение	спад (разрушение)

1.2. Свобода и ответственность в реальности и виртуальности молодежи

Современное общество входит в новую эпоху, когда кардинальным образом меняются представления о мире, месте человека, его отношении к свободе как к фундаментальной категории человеческого бытия.

Современные реалии представляют проблему свободы многообразием сущностных значений, однако при этом и некой незавершенностью смысловых интенций. Мироззренческое содержание проблемы свободы рассматривается через прояснение простых, на первый взгляд, и доступных для познания понятий: свобода воли, свобода выбора, свобода мысли и слова, свобода нравственная, экономическая, политическая и т. д. При обобщении суждений о свободе возможно определить ее как форму человеческой активности, как деятельность и поведение человека при отсутствии внешнего давления или принуждения.

Э. Фромм в своей работе «Бегство от свободы» обратил внимание на то, что индивидуализация индивида в социуме предполагает две стороны. Человек осознает себя самостоятельным социальным субъектом, действующим независимо от традиционных коллективных структур – групп, кланов и других сообществ. Однако, происходит ослабление сложившихся веками социальных связей, которые основаны, в том числе, и на взаимопомощи [Фромм, 1990]. Данные сложные явления характерны и для современного информационного общества.

Человек информационного общества, по мнению А. Горца, действует, в основном, как хаотичные частицы в термодинамике: «их действия приобретают известную связность через внешнюю результирующую, которая устанавливается в ходе рыночного процесса; но эта связность – результат случая. Она основана... на чисто статистических законах и тем самым не имеет ни смысла, ни цели» [Gorz, 1989, 56). Таким образом, можно предположить, что некоторое взаимодействие присутствует, однако ему недостает привычной социальности, общества как среды взаимодействия. Другими словами, общество в традиционном его понимании замещается киберпротезом или виртуальным бытием. При помощи технологий виртуальной реальности воссоздается некая видимость институциональности. Однако все действия в такой «реальности» осуществляются как симуляция, как виртуальный аналог реального социального взаимодействия. Такой киберпротез институциональных форм по сути является характерной особенностью современного мира, для поколения Z – по сути, это желаемый вид взаимодействия – виртуального взаимодействия (виртуальных сообществ, тусовок, виртуальных корпораций, виртуальных развлечений, виртуальных преступлений и т.д.). В современной реальности при помощи виртуальной среды воз-

можно обсуждать политиков, поп-звезд, погоду, вести беседы с виртуальными друзьями или соседями (участниками chat'a). Возможно зарабатывать деньги, выигрывать деньги в виртуальных казино и т. д. Все вышеизложенные моменты взаимодействия осуществляются, по сути, как виртуальные аналоги реального социального взаимодействия. Однако происходит замещение реального воспроизведения социальных ролей некой симуляцией, и, таким образом, создается иллюзия реальных атрибутов институциональности. Для поколения Z виртуальные сообщества симулируют непосредственность присутствия в общении и социальную близость общающихся людей. Такое интенсивное использование технологий виртуальной реальности в современном мире имеет определенный социальный смысл, а именно, замещение социальной реальности ее компьютерными симуляциями. Автор теории «виртуального общества» А. Бюль пишет, что с развитием технологий виртуальной реальности компьютеры из обычных вычислительных машин трансформировались в универсальные машины по производству «зеркальных» миров [Buhl, 1977]. Таким образом, в каждом сегменте общества формируются «параллельные» миры, в которых развиваются виртуальные аналоги реальных механизмов воспроизводства общества: экономические и политические интеракции в сети Интернет. Такой процесс замещения реального пространства как места воспроизводства общества виртуальным пространством А. Бюль называет виртуализацией. Виртуализация проникает во все сферы общественной жизни, внося свои коррективы, и прежде всего изменяет мировоззренческую парадигму.

Смена мировоззренческой парадигмы связана, прежде всего, с развитием информационных технологий, интеграцией и глобализацией мировой экономики. Как следствие – разрушение привычных государственных институтов, которые в новых реалиях становятся не эффективными, и как следствие – создание новых манипулятивных технологий для контроля и фильтрации информации. Национальные государства становятся частью глобальных структур: политических, экономических и информационных. Это обстоятельство делает любое общество уязвимым для манипуляций и деструктивного влияния со стороны сил, заинтересованных в культурной, экономической и политической гегемонии. Элементами манипуляционной программы являются мифы, в том числе о всемирном заговоре, предрешенности судьбы и т. д., что внушает мысль о покорности и бессмысленности критического анализа существующего порядка вещей. Глобальное коммуникативное пространство лишает смысла все попытки установления контроля над информационными потоками, поэтому государства должны быть готовы защищать свою систему ценностей и образ жизни не с помощью простого запрета, а более эффективными методами информационного противодействия.

С другой стороны, большой поток информации создает иллюзию возможности безграничного прироста знаний, иллюзию успеха как следствия прироста знаний. Однако в среде ученых все чаще звучит идея о вреде технологий, которые в частности способствуют формированию у молодого поколения, поколения Z, такого феномена, как цифровой аутизм, и на сегодняшний момент данный феномен рассматривается как один из серьезных современных последствий информатизации и погружения молодежи в виртуальный мир. Цифровая аутизация приводит к тому, что человек не имеет навыков использования логики и мышления при решении разнообразных задач и жизненных ситуаций. Другими словами, происходит снижение уровня интеллекта у молодого поколения, отсутствие необходимости держать в голове информацию, которую можно найти в сети Интернет, лишает современного человека мотивации тренировать мозг.

Можно предположить, что подобно тому, как физическая сила вследствие изменений в жизни человека перестала быть необходимым и достаточным фактором выживания, так и в современном мире преимущества лишаются эрудиция и память.

Представим, что мы перестаем выполнять любую мыслительную операцию, в связи с этим что происходит с мозгом? Если импульс не передается от нейрона к нейрону, тогда связь между ними разрушается раз и навсегда. Теряется не просто навык: исчезают те самые нервные клетки, которые обеспечивают этот навык. Данное утверждение относится не только к проблемам мышления, но и к проблеме общения в новом виртуальном мире. Следовательно, если индивиды разучились общаться друг с другом, то часть этих нейронов в голове у каждого безвозвратно исчезла. Сможет ли человек при этом эффективно мыслить, другими словами, сможет ли цифровой аутист добиться успеха в обществе, не владея навыками мышления и общения? Второе последствие цифрового аутизма – добровольное одиночество. Таким образом, цифровой аутизм – это состояние, при котором люди поколения Z не могут поддерживать длительный психологический контакт друг с другом, не интересуются внутренним миром другого человека, человек, сам по себе, для них стал заменяемым, утрачивается ценность каждого индивида в отдельности. Все это ведет к изменениям в структуре социального взаимодействия, т. е. отсутствие вертикальных систем управления, переход к горизонтальному обществу приведут к потере биологических навыков к обучению. Наблюдается установка на гедонизм и неспособность выстраивать образы будущего, что приводит к тому, что человек становится не толерантен к своим неудачам, нацеленность на легкий успех, следствием чего выступает атрофия познавательных навыков. По сути, человек превращается в некое новое существо – биосоциального робота, послушно выполняющего команды представителей глобальной информационно-коммерческой элиты.

Человек, если он хочет сохраниться, должен научиться отвечать на новые «вызовы», в противном случае вслед за культурой погибнет и человек. В. И. Вернадский предупреждал: «Поздно искать высоких идеалов, когда достигнута жизнь сытых дрессированных зверей».

XXI век несомненно будет веком не идеологий и утопий, а конкурирующих мировоззрений, и возможно, что не все этнонациональные общности будут существовать в неизменном виде. По выражению Ф. Фукуямы, – достигнут конец истории. В новых условиях нет необходимости захватывать территорию какого-либо государства, достаточно произвести цивилизационную перевербовку его подданных. В современных условиях, когда резко усиливается коммуникативная и информационная связность мира, такая перевербовка при отсутствии регулирования становится реальностью. Происходят разложение и деформация общественного сознания, особенно ярко проявляются эти процессы в сфере культуры и искусства. Широкое распространение получает массовая культура, разложению и деформации подвергается наука, которую замещает с помощью СМИ псевдонаука, квазинаука, паранаука и т. д. Происходит иррационализация и антиинтеллектуализация сознания индивида с одновременным выхолащиванием научного мировоззрения.

Особенно значимо эти процессы проявляются в сфере культуры. Культура, как справедливо отмечал Ю. М. Лотман, начинается с запрета, с самообуздания, самоконтроля – того, что составляет основу личной ответственности. Духовный пласт культуры представлен религией, нравственностью, философией, литературой, искусством, историей; интеллектуальный пласт – наукой; технический – ремеслом, техникой и технологиями, посредством которых человек и общество взаимодействуют друг с другом и с природой. При деградации любого из вышеназванных пластов страдает культура в целом, особенно опасно размывание духовного ядра культуры, без которого невозможно ее развитие, а возможно такое опасное явление, как замещение культуры антикультурой.

Антикультура, по сути – это разложение, деструкция духовного мира человека, превращение его в бездуховное, несамостоятельное, легко поддающееся манипулированию существо. Классические психологические опыты по исследованию самосознания личности, проведенные Ф. Зимбардо и С. Милгрэмом, показали, что у людей, поставленных в условия объективного обезличивания, происходит деиндивидуализация, сводящая на нет нравственную регуляцию. Такие факторы поведения, как самоуважение, достоинство, совесть, нравственная ответственность, становятся неэффективными и исчезают. Коварство антикультуры состоит в том, что она часто принимает внешний вид культуры, мимикрируя и подделываясь под нее. Резкий

упадок и вырождение целых культур, их омертвление и превращение в застывшую, не способную к развитию форму – это результат постепенного накопления элементов антикультуры.

Признаки разрушительного воздействия, граничащего с новым «цивилизованным одичанием», достаточно точно описал Х. Ортега-и-Гассет в «Восстании масс»: тяжелейшие последствия в современном обществе, по мнению ученого, заключаются в «фактической утрате нравственности, под которой следует понимать не внешние нормы данного общества, а внутренние убеждения человека в невозможность нарушить те или иные заповеди, понимание того, что их нарушение будет чревато духовной деградацией, поражением в борьбе добра и зла, идущей в сердце каждого человека» [Ортега-и-Гассет, 1989, 161-162]. Современному человеку мешают свобода, нравственность, совесть, эстетический вкус, культура, и поэтому он стремится к тому, чтобы их подменили несвободой, вседозволенностью. Новая эпоха характеризуется кардинальным изменением представлений о мире, месте человека в этом мире, социокультурный след цифровой эпохи оказывает разрушительное воздействие на сознание молодого поколения, в частности поколения Z.

Происходящие социокультурные изменения, отягощенные новой пандемией, поднимают проблему опасности разнаучивания общественного сознания, появляющуюся в постнеклассической науке. С рисками связана проблема иллюзий, которая порождена виртуальным «бытием», воздействием СМИ на массы, манипуляцией общественным сознанием акторами социума, что усиливается особенным образом в период пандемии. Оказывая значительное влияние на жизнь современного общества, и в частности на формирование и адаптацию к новым условиям поколения Z, СМИ становятся базисом для формирования картины мира, стереотипов, определенного типа мышления, восприятия социальной реальности и мироустройства. Современный человек живет в мире, насыщенном различной информацией любого рода, от которой практически невозможно отгородиться. Благодаря СМИ мы узнаем о событиях, происходящих по всему миру, ситуациях в других странах и городах и иную политическую и/или социальную информацию, достоверность которой, однако, самостоятельно проверить не способны. Ежедневно получая определенное количество ранее неизвестных нам данных, нам приходится доверять транслируемой информации. В силу неспособности человеческого разума отличать ложь от действительности, наше сознание регулярно наполняется различного рода установками, ценностями, стереотипами, навязанными извне.

Посредством выбора содержания, формы и способа трансляции информации СМИ интерпретируют элементы реального мира, которые лишь частично отражают реальность. Таким образом, задается некий образ дей-

ствительности, несомненно, оказывающий воздействие на аудиторию, а значит, и на жизнь общества в целом, в современной цифровой цивилизации Интернет и СМИ участвуют в формировании общественного мнения по отношению к любому событию, например, экономической конкуренции, политической борьбе, понимании свободы и необходимости и др.

В связи с прогрессом в развитии научных технологий общество приобрело возможность получать информацию из разных источников, всесторонне ее изучать и анализировать. Простым же способом получения знаний о мире является получение знаний из источников, не всегда соответствующих научным требованиям. Или же, к сожалению, порой оказывается достаточно одного источника, чтобы считать информацию достоверной. Данное положение дел можно объяснить нежеланием тратить время на поиск информации в разных источниках, незнанием о существовании альтернативных точек зрения. В результате этого, человеку проще обратиться к Интернету, нежели провести, к примеру, научное исследование по вопросам устройства мира и будущего.

Особой проблемой является и то, что молодые люди в общей массе не способны видеть границы и отделять науку от лженауки, понимать разницу между этими понятиями. Отсюда и принимается на веру любой антинаучный факт, если при его описании был использован наукообразный язык с примесью известных и малоизвестных научных терминов. Кроме того, сегодня СМИ и Интернет практически вытеснили личное общение как источник сообщений, несущий новую информацию. Из процесса получения информации исключается диалог, создающий важнейшую защиту против манипуляции сознанием. Так, А. Моль отмечает, что «они фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивая другую, поляризуют, таким образом, все поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества» [Моль, 1973].

И на этом фоне проблема свободы как базовой категории продиктована чрезвычайной значимостью и новым осмыслением, проблема свободы – один из сущностных вопросов во всей истории философии. Особое внимание приобретает проблема свободы в условиях новой цифровой парадигмы общества. Так, в конце XX века многие философы указывали, что новому уровню технологий должна соответствовать принципиально новая, более высокая степень развития общества и самого человека. Однако более высокая степень развития индивида стала пониматься как повышение уровня адаптации к запросам информационных технологий. Человек в информационном мире довольствуется скорее служебной ролью по отноше-

нию к технологиям. Важным аспектом значимости человека в информационном обществе выступает не гармоничное развитие, а, собственно, уровень овладения новыми технологиями. Таким образом, сегодня развитие человека ограничивается навыками пользователя новых технологий. Тенденции цифровой цивилизации таковы, что основой становится достижение максимальной прибыли посредством создания искусственных потребностей в ущерб реальным. Таким образом, мирозренческие основы цифровой цивилизации сводятся к тому, что человек позиционируется не как активное существо, а как потребитель. И в этом случае свобода превращается в свободу адаптации человека к требованиям цифровой цивилизации. Можно выдвинуть предположение, что в культуре информационного общества наметился ряд феноменов, влияние которых на индивида неоднозначно, скорее негативно. В век цифровизации основное воздействие на становление личности прежде всего оказывают: виртуализация, информационная неоднородность, убыстренная корректировка темпоральности мира, идеология потребления. Таким образом, в качестве основной цели жизни предпочтительней становятся развлечения и получение удовлетворения от потребления. Другими словами, индивид прежде всего находит себя в предметах потребления, и, как следствие, не творит, а использует готовое, не берет ответственность за бытие, а делегирует виртуальному пространству, тем самым сводя свое внутреннее духовно-личностное пространство свободы к минимуму, а зачастую и абсолютно. В современном информационном мире понятие свободы фактически сводится к понятию свободы выбора товаров и услуг. Тенденции цифровизации и переход человека в виртуальную реальность прежде всего обусловлены переориентацией мышления индивида с внутреннего на внешний мир, где человек при условии адаптации, может получать средства для реализации свободы выбора потребления. Однако такая свобода выбора понимается в сознании современного человека, прежде всего, как ничем не ограниченная свобода потребления. Эпоха гаджетов воспроизводит замкнутые в наушники «поколения с опущенной головой», это новая генерация – некое биосоциальное существо, нацеленное на получение удовольствий и потребление. Этому способствует современное образование, превращая человека в узкого специалиста и при этом не развивая всесторонне развитую личность. Получая узкоспециализированное образование, индивид нацеливается не на реализацию своего творческого потенциала, а на выполнение функций в общественном производстве, которое затем будет сведено к потреблению. Таким образом, человек цифровой эпохи прежде всего развивается как производитель и пользователь новых технологий. При этом производство направляется на достижение максимальной прибыли путем создания искусственных потребностей, игнорируя удовлетворения реальных. Индивид, поставленный в данные условия, подвергается опасности превращения в придаток производства и потребителя продуктов этого производства.

Таким образом, в информационном обществе процесс становления личности нивелируется и сводится к функции. Данная ситуация осложняется прежде всего тем, что молодое поколение проходит свое становление в сложных условиях, когда происходит ломка старых ценностей и намечается формирование новых социальных отношений. Влияние на динамику ценностей молодежи, несомненно, оказывает Интернет и виртуальная реальность, что существенно влияет на процессы формирования личности, внося изменения и деформируя сознание.

Таким образом, свобода общения в сети Интернет формирует нетипичное поведение в реальном мире, по сути, происходит смешение виртуального и реального миров, и, как следствие, возникает новая система уже виртуальных ценностей. В ситуации выстраивания новой реальности и ценностей формируется совершенно новая картина мира, в которую не вписывается предшествующая. Как показывает вторичная обработка данных социологических опросов в среде поколения Z, в новой, виртуальной реальности, человека перестает волновать объективность мнения, а спор является возможностью доказать значимость, при этом обмен мнениями как способ приблизиться к истине становится не актуален. Анонимность общения в сети Интернет создает иллюзию вседозволенности, что приводит к поверхностному пониманию происходящего и утрате серьезности общения. Таким образом, активность человека в виртуальной реальности приводит к избеганию ответственности и уклонению от реальных, а не виртуальных, поступков и действий, что ведет к утрате реальной активности и свободы. Тем самым наблюдается стирание границ между реальным и виртуальным, мы наблюдаем распространение «виртуалистического мировосприятия» и соответствующего этому мировосприятию поведения, которое концентрируется не на создании оригинального, а на тиражировании в различных комбинациях готовых форм. Проявляется стереотипное мышление и поведение, реальные эмоции заменяются виртуальными, заполняя бытие. Вырисовывается некая параллель, или новый виток, становления нового человека массы, который представляет собой особую реальность без стремления к какому-либо изменению и движению. Размышления заменены спонтанным проявлением бессознательного, мотивы – импульсами, определенность – нетерпимостью. Культурно-творческая позиция утрачивает свой статус и значение, ее место занимает потребительская позиция, направленная на материальный, внешний мир. Этому также способствует замена культурной отечественной продукции западной третьесортной продукцией, нацеленной на пересмотр прежних культурных представлений и ценностей, традиционного образа жизни, характеризующего бытие народа из поколения в поколение. Таким образом, человеку навязываются иллюзорные формы жизни, пропагандирующие бездуховность и потребительское отношение к действительности, стираются представления о критериях истины, добра, красоты. «В

массу вдохнули силу и спесь современного прогресса, но забыли о духе» [Ортега-и-Гассет, 1997, 68].

Таким образом, как и в середине 20 века, в современном обществе прослеживается тенденция к замене глубоких чувств достаточно поверхностными реакциями, человек становится механистичным, утрачивает целостность собственной природы и, как следствие, теряет способность к адекватным отношениям с изменяющимся миром. Необходимо отметить, подобный тип человека, составляющий достаточно большую часть современного общества, сформировался не спонтанно, в качестве его идейной основы выступают философия позитивизма и ключевая идея Г. Спенсера о том, что индивидуализм, конкурентная борьба и выживание наиболее приспособленных необходимы для поступательного движения общества.

Основное кредо – истинным является то, что полезно, что дает удовлетворение и приводит к успеху. Идеи гедонизма не новы, но именно современность берет их на вооружение и укладывает в фундамент общественного бытия. Мифологизирование становится ведущей чертой мышления современного человека, а мифология начинает выступать не как средство познания, а как идеология социального управления и манипулирования массами. Прежде всего это «миф успеха», утверждающий, что любой человек независимо от происхождения имеет шанс на успех. Подтверждением служат кино и телебиографии известных людей. К этой группе мифов относится и «миф Золушки», где бедная девушка с помощью своего трудолюбия делает карьеру или выходит замуж за миллионера и т. д. Все это формирует в сознании человека убеждение, что главным критерием его поведения становится успех, и, как следствие, понимание того, что жестокость мира требует от него такой же жестокости, если он хочет занять в нем достойное место, и никакие морально-эстетические соображения не должны мешать на пути к славе, богатству, успеху. Человек нивелирует ту основную черту, которая его отличала от животного, он провозглашает общим законом жизни всеобщую борьбу за выживание, в которой выживает наиболее приспособленный.

Складывается особый жаргон, который основывается на сознательном смешении и подмене смыслов. Постоянная девальвация смыслов и ценностей делается привычной, в результате и их исходное значение утрачивается, происходит деформация сознания, перестающего различать действительные ценности и соответствующие им уровни.

Итак, главное – это ощущение подмены, реальный противоречивый, сложный мир заменяется яркой картинкой, не вызывающей вопросов и сомнений. Человеческое сознание превращается в удобную схему, где разработаны готовые имиджи, способы решения и стереотипы восприятия, при этом все модули схемы легко заменяются в зависимости от желаемого результата. Собственно, осуществление контроля над массами значительно

упрощается и сводится к использованию и поддержанию манипулятивных технологий, которые являются лучшими цензорами в руках власти. Укорененные при помощи масскультуры животные инстинкты и нацеленность только на достижение успеха любой ценой, человеческое сознание не в состоянии вырабатывать революционные идеи, борьба сводится только к борьбе за выживание, классов не существует, а управляемая масса не видит необходимости в изменении социально-политических установок, главный лозунг – «хлеба и зрелищ». Доминантой становятся западные ценности, формы жизни, язык, экономика, образование, вследствие этого Россия оказалась втянутой в кризисы и угрозы, которые переживает западный дух, отягощенный потребительскими инстинктами. Происходит изменение формы деятельности человека, как следствие, меняются социальные программы, по которым действует и живет человек. В результате влияния виртуальной реальности традиционных уровней программ жизнедеятельности появляется и так называемый симбиотический уровень, который является не только комбинацией трех традиционных, но и включает специфические элементы, такие как новые системы запретов, стимуляций и новые паттерны поведения, и выполняет новые социальные функции, связанные со сближением разнородных культурных пластов.

Также виртуализация влияет на сознание не только отдельных индивидов, но и на сознание социальных групп. Изменяется содержание элементов, таких, как мотивация поведения, поведенческий опыт, мировоззрение и коммуникативные ориентации. В свою очередь, с изменениями социальных ориентиров возникают специфические личностные девиации, которые проявляются в момент виртуальной коммуникации, и неспецифические, которые характерны для реальной коммуникации. Необходимо отметить, что социально значимые типы поведения современного человека могут быть объяснены только посредством исследований, в области влияния виртуальной реальности на сознание личности, т. к. изменения приобретают глобальный характер и неизбежно ведут к появлению специфического типа личности. Таким образом, виртуальная реальность сегодня выступает новой, специфической средой обитания человека, влияние которой неизбежно ведет к формированию нового специфического типа личности. Возможно для обозначения данного феномена использовать следующие понятия: «виртуализированная личность», «сетевая личность», которые являются понятиями одного порядка и дополняют друг друга.

«Виртуализированная личность» меняет свои позиции и отношение к миру: из управляющего и созидющего человек превращается в существо, зависимое от виртуальности. Современный человек встроен в информационные процессы, при этом все меньше оказывается способным влиять на их ход, и все больше начинает подчиняться законам их развития, превращаясь в закрепленный элемент общественной конструкции.

1.3. Молодежь в общественно-политической жизни (от политического инфантилизма к протестным рискам)

Успешность как результат демократической политической системы и эффективного функционирования институтов гражданского общества определяется реализацией государственной политики, обеспечивающей комплекс базовых демократических потребностей: активное участие граждан в принятии значимых для общества решений через выборный процесс, стабильную автономную деятельность негосударственных институтов, выражающих интересы и потребности социальных групп, соблюдение и защиту прав и свобод гражданина, непрерывный диалог между властью и обществом в процессе решения государственных задач, тем самым повышая уровень социальной легитимности власти [Даймонд, 2004].

Следуя нормативным стандартам международного сообщества в вопросах соблюдения прав и свобод человека, участия в политическом процессе государства, а также самоорганизации общества, Россия закрепила данные положения в основном законе государства – Конституции РФ. Однако на современном этапе развития политической строй России далек от образцового примера демократического государства с высоким уровнем социально-политического участия гражданского общества и его влияния на государственные решения. Эта проблема сопровождается и усложняется целым рядом причин, начиная от политического поведения россиян и заканчивая периодическими вспышками общественного недовольства проводимой государственной политикой. Все это ведет к повышению уровня социальной напряженности. Значительная часть российского общества до сих пор сохраняет пассивную позицию в этом отношении: гражданское и политическое участие старшего поколения обусловлено привычкой, заложенной в подростковом возрасте, а у молодых людей отмечается нейтральное отношение к политическим процессам. Согласно социологическому исследованию «Российское «поколение Z»: установки и ценности» 80% молодых россиян равнодушно относятся к политике, по-настоящему она интересна лишь 19% опрошенных в возрасте от 14 до 29 лет [Левада-Центр, 2020: Более 80% россиян равнодушны к политике]. В целом электоральное поведение молодых людей имеет регрессивные тенденции [Левада-Центр, 2020: Кто и как голосовал за поправки в конституцию: завершающий опрос]:

1. Отмечается снижение уровня одобрения и доверия к деятельности демократических институтов в России;
2. Электоральное поведение молодежи приобретает абсентеистский характер;
3. Повышается уровень возникновения неконвенциональных форм политического участия в молодежной среде;

4. Увеличивается риск распространения экстремистской идеологии среди молодежи.

В этой связи принципиальная роль в поддержании и развитии демократического вектора развития отводится молодежи как «людям завтрашнего дня», приоритетному политическому актору и сильному партнеру, обладающему творческим потенциалом, энергией, талантом к общению и мобилизации [ООН]. Эта позиция подтверждается преобладающими дискуссиями о месте и роли молодежи в политической жизни, о трансформации традиционного политического участия в пользу выбора нелегитимных способов выражения политической заинтересованности, о распространении аполитичных, скептических и нигилистических настроений в молодежной среде. Результатом этого может стать дестабилизирующее государство практики – повышение уровня протестного потенциала и рост вовлеченности в экстремистскую деятельность.

Политическое поведение представляет собой любую бессознательную и осознанную, мотивированную активность человека в политической сфере [Щенина, 2005]. Политическое участие как одна из форм политического поведения имеет осознанный и рациональный характер и заключается в формировании органов государственной власти, признании легитимности политического управления и решений и осуществлении контроля за их осуществлением [Санистебан, 1992].

Рассмотрим основные подходы зарубежных и отечественных исследователей к концептуализации понятия политического участия. Западная школа социально-политической мысли (Г. Алмонд, С. Верба, П. Лазарсфельд, Б. Берельсон, Д. Найджелл) предлагает использовать инструментальный подход: политическое участие представляет собой совокупность «действий частных граждан с целью прямого или косвенного влияния на отбор государственных управленцев и их деятельность» [Алмонд, Верба, 2014, 123]. Сторонники данного подхода акцентируют свое внимание на максимизации последовательных действий, посредством которых можно добиться эффективного влияния на деятельность государственных институтов. В рамках деятельностного подхода к изучению политического участия отечественные исследователи (Р. Г. Апресян, А. И. Тюленев, Е. Б. Шестопал) предлагают следующую дефиницию: «включение или вовлечение управляемых в управление общественными делами, а также, насколько это возможно, государственными делами» [Апресян, 1997, 31]. Д.В. Ольшанский вносит следующее дополнение: «деятельность социальных групп или индивидов, связанную с формулированием и выражением собственных потребностей и интересов, со стремлением изменить существующий политический или социально-экономический порядок и соответствующие политические институты» [Ольшанский, 2001, 21]. Ключевыми понятиями в понимании

политического участия отечественными исследователями становятся политическая активность и деятельность, направленная на государственный менеджмент.

Современный политический процесс отличается многогранностью форм политического участия. По степени вовлеченности выделяют три типа: неучастие, участие гражданское и участие политическое. Каждый из них подразделяется на формы по критерию количества акторов, вовлеченных в политический процесс – индивидуальные и коллективные. Неучастие разделяется на активную и пассивную (политическая иммобильность) формы, гражданское участие – на социальную активность и социальную вовлеченность, а политическое участие – формальное политическое участие и политический активизм (политическое участие, не относящееся к системе органов государственной власти, которое может быть легальным и иллегальным).

Политическое участие принимает конвенциональные и неконвенциональные формы [Мильтрат, Гоэл, 1977]. Первое подразумевает легальность действий: голосование, поддержка кандидатов или политических партий, агитация; второе – не одобряемую большинством граждан деятельность, противоречащую закону, морально-этическим, религиозным и др. соображениям: участие в пикетах, митингах, демонстрациях, маршах, подписание петиций, публикация политических материалов в сети Интернет и др. Гражданское участие как деятельность на добровольной основе, направленная на решение проблемы социальной группы, оказание помощи и достижение общественного блага [Баретт, Брантон-Смит, 2014, 5-28] включает в себя следующие виды деятельности: волонтерство, участие в благотворительной деятельности, членство в общественных организациях и др.

Вместе с этим следует различать понятия политического участия и политической вовлеченности. Политическое участие имеет поведенческий характер, политическая вовлеченность – психологический, включающий в себя внимание индивида к СМИ, его гражданско-политические убеждения и общественные ценности.

Существуют также латентные (скрытые) и не скрытые формы политического участия: латентные подразумевают социальную активность граждан, включая неучастие, которое в свою очередь включает в себя аполитичное и антиполитическое участие – отношение к политической сфере как к чуждой, поскольку любые процессы в ней бессмысленны.

Политическое поведение и включенность индивида в социально-политическую жизнь государства предопределяются политической социализацией, то есть процессом приобретения политических знаний, норм и ценностей политической культуры, которые в совокупности влияют на процесс адаптации к политической системе государства, а также выполнению в этой

системе определенных функций и ролей. Результат политической социализации и политического участия зависит от ряда факторов: региона проживания, социальной среды, уровня образования и др. Стоит отметить, что агенты и институты политической социализации в настоящее время активно способствуют интеграции молодых людей в политическое пространство. К примеру, такими практиками могут являться молодежные организации при политических партиях, форумы социально-политической направленности, конкурсы и школы политического управления, стажировки в органах государственной власти, волонтерские движения и др. Однако социологический опрос студенческой аудитории, проведенный накануне выборов Президента РФ, демонстрирует низкий интерес к вступлению в политические организации, что свидетельствует о низком уровне политической вовлеченности в общественно-политические процессы. Подавляющее число студентов (88%) отмечало отсутствие принадлежности к политическим партиям или движениям [Коммерсантъ, 2017: Партия возраста]. При этом 55% молодых людей рассматривают молодежные политические организации как социальный лифт, посредством которого существуют возможности для самореализации [ВЦИОМ, 2020: Социальные лифты: едут или стоят?].

Процесс современной политической социализации молодежи происходит в условиях идеологического и политического плюрализма с комплексом различных ориентаций и ценностей. С одной стороны, это способствует ускоренному процессу интеграции в политическое сообщество, с другой – сопровождается столкновением интересов и порождает дискуссионность и конфликтность, порождая негативное отношение к политике в целом. Таким образом, первые молодые люди успешно интегрируются в политическую деятельность, вторые – в меньшей мере проявляют политическую активность, третьи и вовсе придерживаются аполитичного участия, абсентеизма и дистанцируются от политики. Последняя категория демонстрирует пример нарушения политической социализации личности, то есть неспособность выполнять роли и функции, формируемые общественно-политической системой, и характеризуется понятием «политический инфантилизм» [Ковалева, Степанищенко, 2014, 237-238]. Личностный политический инфантилизм может проявляться в различных формах: пассивное электоральное поведение, экстернальность к политической системе, заниженная оценка индивида как субъекта политических отношений, неспособность к критическому анализу и др. [Степанищенко, 2015]. К проявлениям политического инфантилизма можно отнести активность пользователей в социальных сетях, где молодые люди делятся мемами на политические темы, негативно высказываются о политических событиях, не участвуя при этом в политической жизни государства, ориентируются на мнения «диванных экспертов» - интернет-селебрити, блогеров, дилетантов, уверенных в том, что они обладают большей информацией политического характера по сравнению с

настоящими экспертами и профессорами из высших учебных заведений. Это прежде всего связано с тем, что ценности и установки современной молодежи формируются в среде коммуникативного пространства, в частности в информационной среде – совокупности прежних информационных каналов социализации. Сеть Интернет стала основной информационной площадкой, которой пользуется молодежь и где используются все возможности для манипуляций ее общественным мнением, распространяется контент о нарушениях на избирательных участках, случаях отказа регистрации кандидатов от несистемной оппозиции, организации «каруселей», призывах не санкционированно «выходить на улицы» с поэтапными инструкциями о действиях в случае задержания сотрудниками полиции и др., тем самым повышается уровень протестной активности молодежи и формируется инфантильное и иммобильное политическое сознание, порождающее абсентеизм и тормозящее переход к демократическому государству.

Политический инфантилизм является характеристикой электорального поведения. Этот термин носит междисциплинарный характер и определяется как «процессы принятия решений и социальные факторы, влияющие на модели голосования» [Коллинс, 1999]; «тип политического участия (в выборах)» [Николаева, 2006, 191]; «форма проявления политического поведения в связи с делегированием гражданами своих полномочий» [Московичи, 2007, 71]. Все эти значения характеризуют политическое поведение индивида, его отношение к выборному процессу демонстрирует развитость демократической модели политической системы.

Существует несколько классификаций электорального поведения. По критерию формы выделяют: электоральные предпочтения, что подразумевает под собой голосование за кандидата или партию; негативизм – голосование против всех; абсентеизм/неявка – неучастие в голосовании и их игнорирование. По уровню и масштабу общественных процессов выделяют общегосударственный электоральный процесс, в котором индивиды принимают участие в выборах президента и высших органах власти, а также референдумах; региональный – выборы региональных органов власти и местного самоуправления; выборы руководства политических партий и общественно-политических движений.

Одной из форм электорального поведения является абсентеизм – неявка граждан на выборы, обусловленная «безразличным или протестным отношением к выборным органам власти или институту выборов в целом» [Бушенева, 2007, 9]. Согласно другой трактовке, политический абсентеизм представляет собой «уклонение избирателей от участия в голосовании при выборах представителей власти, главы государства и других органов государственной власти» [Родин, Кузнецов, 2017].

Абсентеизм не предполагает полного «выключения» человека из поля государственных отношений, поскольку занятая позиция «неучастия» касается только тех видов деятельности, где он может каким-либо образом повлиять на проходящие в стране политические процессы. Поэтому с позиций политического участия абсентеизм трактуется как неучастие в голосовании на выборах граждан, которые наделены активным избирательным правом, а с позиций политического поведения – как форма протестного политического поведения.

Еще более «узкое» определение данного феномена дается с позиций права, где абсентеизм определяется как результат законодательно установленной добровольности реализации активного избирательного права. С точки зрения теории нестабильности, феномен представляет собой причину политической слабости государства, нестабильности и хаоса в стране, а с позиций теории общества – как пассивность граждан, следствие низкого уровня политико-правового сознания и культуры.

Функциональный подход трактует абсентеизм как общественную дисфункцию, следствием чего является политический инфантилизм, а телеология – как инструмент управления политическими процессами, средство для достижения определенных целей.

Абсентеизм также можно охарактеризовать как «форму электорального конфликта», поскольку само существование данной проблемы свидетельствует о том, что в демократическом обществе у индивида есть право выбора той электоральной стратегии, которая соответствует его интересам. Но, с другой стороны, само существование абсентеизма является свидетельством индифферентного отношения к выборам, что не может не вызывать опасения, поскольку именно выборы являются основным инструментом реализации демократических свобод.

Абсентеизм как один из конвенциональных видов протестного поведения был активно использован сторонниками современной российской оппозиции во главе с А.А. Навальным в ходе подготовки и проведения «Забастовки избирателей» на Выборах-2018. Основная цель кампании состояла в снижении явки избирателей и недопущении ее фальсификации. Для достижения данной цели была проведена активная агитационная кампания на самых различных площадках, таких как пространство сети Интернет, агитация на местах (в штабах Навального, на площадях во время митингов в поддержку кандидата от оппозиции) и т.д. Были рекрутированы и подготовлены многочисленные наблюдатели на избирательных участках. Велись активная расклейка и раздача агитационной печатной продукции (листовок, плакатов, флаеров) [Забастовка избирателей].

Основные лозунги кампании носили откровенно протестный характер: «Мы не будем молчать. Мы хотим перемен – и мы их добьемся!»; «Выборы без Навального, главного конкурента Путина, – это фарс!»; «Выборы

без конкуренции – обман!»; «Не голосуй. Наблюдай!»; «Нас обманывают! Не вводите!».

Основными месседжами и требованиями кампании стали следующие: «Мы не признаем выборы президента России, и не считаем их заранее известного «победителя» легитимным президентом!»; «Мы требуем проведения конкурентных и честных выборов с допуском оппозиционных кандидатов!»; «Мы фиксируем и распространяем информацию о нарушениях, злоупотреблениях и манипуляциях в ходе подготовки и проведения «выборов»».

В ходе кампании «Забастовка избирателей» ее участникам предлагалось вести активную рассылку рамки #НеГолосую, провести обновление аватарок во всех доступных соцсетях, публично распространять информацию о своей позиции в устной и письменной форме, воспользовавшись встроенным инструментом автоматической рассылки сообщений от Facebook, Telegram или собственным онлайн-инструментом Фонда борьбы с коррупцией.

Результатом протестной кампании стали альтернативные данные по явке избирателей на большинстве участков, где присутствовали наблюдатели от ФБК (48% против 67,5% официальной статистики) [ФБК, 2016: «Контрольный» опрос по прошедшим выборам].

Как было указано выше, превалирующим электоральным поведением молодежи является абсентеизм и аполитическое участие. В 2017 г., за год до проведения федеральных выборов Президента РФ, было проведено социологическое исследование, свидетельствующее о низком интересе к выборному процессу со стороны молодежи. За агитационной кампанией вероятных кандидатов следили 36% опрошенных, 62% совсем не интересовались агитационными материалами и выступлениями возможных кандидатов. По соотношению студенчества и работающей молодежи оба сегмента показали индифферентный интерес к выборам – 68% и 64% соответственно. Нельзя сказать, что пассивность к федеральным выборам вызвана преимущественно недоверием к электоральному процессу, подтасовкой голосов, некорректным подсчетом и фальсификацией результатов. Молодежь в возрастной категории 17-23 лет преимущественно верит в честность выборов (57% против 27%), а с возрастом отслеживается тенденция к неуверенности честности: в возрасте 24-28 лет 47% опрошенной молодежи выражает согласие с выборами, 33% сомневается в честности [ФОМ, 2017: Отношение молодежи к выборам и электоральному законодательству].

Однако исследования, проведенные по результатам выборов Президента РФ, показали, что явка среди молодых людей составила 65,6% по сравнению с представителями среднего возраста (62,9%) и пенсионного возраста (63,4%). В целом явка составила 67,4% [ВЦИОМ, 2018: Молодежь ломает

стереотипы]. Из этих данных можно сделать вывод об отсутствии аполитичности и абсентеизма у молодежи, напротив, формируется тенденция к активному электоральному поведению и политическому участию. Однако на наш взгляд, такая высокая молодежная явка обусловлена рядом факторов. Власть проявляет принципиальный интерес к молодежному электорату, в особенности после митингов 2017-го года, в связи с чем В. Путин начал и закончил свою избирательную кампанию встречами с молодыми людьми, заинтересованными в своем будущем: в 2017 г. посетил российский форум добровольцев, а за несколько дней до выборов в марте 2018 г. – молодежную платформу «Россия – страна возможностей». Одним из предвыборных посланий президента стала идея запуска социальных лифтов, поддержка возможности реализовать себя. Избирательная кампания В. Путина сделала ставку не на использование административного ресурса, а на информационные возможности с привлечением популярных у молодежи блогеров, в социальных сетях был запущен флешмоб с хештегом #ШтабПутина, что было связано с организацией работы студенческих избирательных штабов, а также PR-проекты (концерты, форумы, фестиваль молодежи и студентов), направленные на привлечение молодежи к участию в выборах. К примеру, Российский союз молодежи организовал ряд гала-конcertов на «молодежных участках» в целях повышения молодежной явки [РБК, 2018: Молодых избирателей будут привлекать на выборы серией концертов]. Поэтому нельзя с уверенностью сказать об активном электоральном поведении молодежи, основываясь на представленных данных.

Электоральная корреляция между молодым и старшим поколением представлена в исследовании, проведенном в преддверии выборов в Московскую городскую Думу в 2019 г., которые впоследствии сопровождались многочисленными протестами и вызвали широкий резонанс в СМИ. 57% опрошенных молодых людей в возрасте до 30 лет выразили готовность участия в выборах, среди людей пенсионного возраста этой позиции придерживались 70%. Что касается протестной активности, среди молодежи 26% согласились бы поучаствовать в такого рода акциях, лишь 12% опрошенных пенсионного возраста поддерживают их [Митос Продакшн, 2019: Отношение жителей Москвы к выборам в Московскую городскую Думу].

Причинами отказа в участии в выборах в МосгорДуму в 2019 г. у молодежи являлись следующие: 25% - «принципиально не хожу на выборы»; 15% - «не верю в честность процедуры»; 14% - «мой голос ни на что не повлияет». Исходя из этих данных, можно сделать вывод об отсутствии легитимации власти людьми молодого поколения и низком уровне интереса к политической жизни.

С 25 июня по 1 июля 2020 г. состоялось Общероссийское голосование по поправкам к Конституции РФ. Примечательно, что даты голосования затронули и 27 июня – День молодежи. Однако молодежь и здесь не проявила

интереса к электоральному процессу, продемонстрировав нейтральное отношение к близящимся дням голосования. О своей готовности принять участие в голосовании выразили 66% опрошенных, среди которых представители пенсионного возраста – 73%, молодежи до 24-х лет – 40%. Более четверти опрошенных на определились с мнением [Новая газета, 2020: ВЦИОМ: три четверти россиян не смогли привести пример предлагаемых поправок в Конституцию].

По итогам голосования Левада-Центр представил социологическое исследование с подробной сегментацией избирателей, однако мы считаем важным обратить внимание на показатели категории молодежи. Отмечается, что нейтральное или строго негативное отношение к поправкам высказали 48% молодых людей в возрасте 18-24 лет, а в возрасте 25-39 лет – 47%. Соотношение этих возрастных категорий к голосованию «за» поправки составляет 33:44, «против» - 45:33. Что касается честности/нечестности процедуры, то здесь все так же прослеживается тенденция одобрения голосования в зависимости от увеличения возрастного показателя: о «нечестности» заявили 65% россиян в возрасте 18-24 лет, в это же время той же позиции придерживались 20% представителей пенсионного возраста.

Таким образом, социологические опросы политического поведения молодежи позволяют выделить несколько трендов: во-первых, отмечается устоявшееся пассивное электоральное поведение и низкий уровень интереса молодежи к политическим процессам; во-вторых, легитимация власти со стороны молодежи носит отрицательный характер, в первую очередь это связано с мнением о нечестности избирательного процесса; в-третьих, уровень доверия к институту власти повышается вместе с возрастным уровнем избирателя, такая же градация прослеживается и в выявлении протестного потенциала граждан.

Принципиальное значение среди форм политического поведения имеет протестное поведение граждан. Стоит отметить, что природа электорального абсентеизма и протеста идентична и свидетельствует о тенденциях к дестабилизации политической системы, снижению уровня легитимности власти и политической культуры общества в целом.

Протестная активность социально-политической направленности подразумевает недовольство политическим курсом, характером деятельности властных структур, недостаточным уровнем развития демократических институтов и т. д.

В рамках общественных отношений политический протест рассматривается как коллективное действие, направленное на изменение элементов государственного политического процесса – политических решений, режима, политики [Афанасьев, 2013, 143]; «форма неконвенционального действия», не коррелирующая с традиционными и законными нормами политического режима [Иванова, 2011, 7].

Одной из наиболее востребованных теорий, объясняющих колебания уровня протестного потенциала, является теория относительной депривации. Данная теория разрабатывалась западными исследователями еще во второй трети XX века.

Согласно одному из ее теоретиков У.Г. Рансиману, протест следует определять исходя из «субъективного чувства недовольства по отношению к своему настоящему» [Рансиман, 1966]. Депривация всегда возникает в определенной социальной среде, поскольку индивид «оценивает свое положение и формирует свои запросы сравнивая себя с окружающими» [Рансиман, 1966]. Поэтому принято говорить об «относительной депривации», которая связана не только с материальными и социальными благами, но также и с потребностью в самовыражении и свободе. Основной посыл здесь состоит в «несоответствии между ценностными ожиданиями и реальными возможностями субъекта» [Гарр, 1970, 218].

Однако уровень протестного потенциала определяется, кроме депривации, способностью субъектов к концептуализации социально-политических отношений, а также неудовлетворенностью характером деятельности органов государственной власти. При этом чем больше подобных факторов, тем протестный потенциал выше.

Уровень протестной активности также зависит от таких личных факторов, как возраст, образование, благосостояние, политическая компетенция. Наблюдается очевидная взаимосвязь между возрастом и уровнем вовлеченности в протестную активность. В результате социологических опросов в демократических государствах была выявлена следующая закономерность: протестная активность не зависит от возрастного параметра, а от таких параметров, как уровень образования и доходов. Кроме того, выявлена взаимосвязь между протестными практиками и традиционными формами политической активности, к которым можно отнести внутривнутрипартийную деятельность [Баранов, 2016].

Таким образом, различные виды протестной активности актуализируются, когда конвенциональные формы политического участия оказываются малоэффективными или возникает необходимость привлечь внимание власти или общественности к какому-либо событию.

Наиболее востребованными формами выражения конфликта становятся: предъявление требований к властным структурам, мобилизация общественного мнения, а также прямые акции социального неповиновения, которые могут иметь организованную или стихийную форму, носить насильственный или ненасильственный характер.

Протестное поведение реализуется через демонстрации, петиции, бойкот, захват зданий, неуплату налогов, забастовки и т.д. Однако опыт за-

падных стран показывает, что все эти акции могут и должны иметь конвенциональный характер, проводиться в полном соответствии с юридическими нормами и демократическими традициями.

Протестная активность отличается по степени конструктивности, массовости, интенсивности, составу, силе, специфике ведущих протестных факторов и т.д. Она способна перерасти в открытый конфликт в случае резкого роста социальной напряженности, вызванного теми или иными событиями.

Характер протестной активности зависит от причин противоречий и требований участников протеста. Протестная активность может классифицироваться по нескольким основаниям: по характеру протеста; по инициаторам и активным участникам; по адресату требований; по виду акций; по формам проведения; по числу и длительности акций; по количеству участников; по степени деструктивности.

Следует выделять следующие виды протестной активности:

1. Обусловленная общественно-политическими причинами (противоречия между партиями и общественными организациями, неудовлетворенность деятельностью власти, коррупцией и преступностью во властных структурах и т.д.).

2. Обусловленная социальными причинами (безработицей, социальной незащищенностью отдельных слоев населения, проблемами образования, здравоохранения, сельского хозяйства, ЖКХ, транспорта, культуры и т.д.).

3. Обусловленная этноконфессиональными причинами.

4. Обусловленная экономическими причинами (недовольство ростом цен, низкой заработной платой и размером пенсий, пособий и т.д.).

5. Обусловленная экологическими причинами (ставит во главу угла проблемы экологии и состояния окружающей среды, отсутствия оперативных действий властей по предотвращению экологических катастроф (подобной той, что произошла в июне 2020 г. в ГМК Норильский никель), актуальных вопросов мусоропереработки (полигон в Шиесе) и т.д.).

Принято выделять несколько уровней напряженности протестной активности:

– Критический уровень протестной активности предполагает наличие несанкционированных акций протеста (демонстраций, митингов и забастовок), ведет к арестам и насилию.

– Высокий уровень протестной активности отличается многочисленными санкционированными акциями протеста.

– Повышенный – немногочисленными и мирными акциями.

– Низкий уровень протестной активности характеризуется редкими немногочисленными санкционированными акциями протеста, проходящими в виде одиночных пикетов или обращений к органам власти.

Участники протеста ставят своей целью удовлетворение запросов на изменения посредством обращения к институтам власти всех уровней, начиная от федерального и заканчивая местным уровнем.

По данным агентства «Интерфакс», со ссылкой на источники правоохранительных органов, средний возраст участников протестных акций 2017-2019 гг. составил от 15 до 25 лет. В частности, из 500 задержанных в ходе митинга 26 марта 2017 г. в Москве 46 были несовершеннолетними [Интерфакс, 2017: В ходе несогласованной акции в Москве задержали свыше тысячи участников]. Протестные акции 2019 г. отличались еще большим числом молодежи. Многие из митингующих оказались учащимися старших классов. Среди участников акции в марте 2019 г. за «свободу интернета» по «белому счетчику» посетило 15,2 тыс. человек, а по данным МВД – 6,54 тыс. чел., многие из которых были подростками в возрасте от 13 до 18 лет [ГУ МВД России, 2019; Twitter, 2019].

В первую очередь, это старшекласники и студенты, готовые выразить свою активную социально-политическую позицию наиболее доступным и привлекательным для них способом. Именно представители данной возрастной группы с готовностью соглашаются на участие в митингах, одиночных пикетах и других протестных акциях, поскольку остро чувствуют свою сопричастность к происходящим событиям, осознают степень ответственности за будущее нашей страны.

В социологическом исследовании, проведенном научным коллективом Южного федерального университета в 2019 г., отмечается, что в сознании студенческой молодежи крепнет ощущение нарастающего в российском обществе напряжения: 36,4 % считает, что «люди пока терпят, но когда-то может и рвануть», и еще 36 % полагает, что нас ждет новая волна протестов. Главными причинами протестов, по мнению студентов, могут стать не внешнеполитические проблемы (санкции, изолированность России и др. – 18,9 %), а дальнейшее социальное расслоение (42,2 %) и «шовинизм благосостояния» – экономический регресс, вызванный гуманитарной помощью России другим государствам (20,1 %). Вместе с этим молодежь выражает озабоченность проблемами контроля и регулирования сети Интернет. Недопустимым такой контроль считают 37,4 %, а еще 29,5 % указывают на антиконституционность законов по регулированию этой телекоммуникационной сети. Именно ограничения Интернета, по мнению опрошенных респондентов, могут привести к серьезным протестам; более того, 39,7 % заявляют о своей готовности принять в них участие. Единственное, что сдерживает студентов, это нежелание идти на конфликт с властью и рисковать будущей карьерой (24,4 %) ⁷ [Константинов, Пупыкин, 198, 2020].

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00906а «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов».

Негативной стороной молодежных протестов становится достаточно высокая степень их управляемости, в основе которой лежит отсутствие опыта участия в подобной деятельности, несформированность жизненной позиции и, вследствие этого, готовность поддержать любые инициативы лидеров оппозиционных сил. Именно это является основной причиной крайних проявлений в молодежной протестной среде: акторами протестных движений в молодежной среде выступают представители неформальных движений, среди которых: гендерные и сексуальные меньшинства, представители феминистской идеологии, экологические активисты и другие социально-политические движения. Особую роль в социализации этих акторов играют оппозиционные СМИ, формируя коллективное понимание того, что следует «бороться с системой», идти против нее (причем под системой понимается в основном институты семьи и власти) [Чеботарева, Мрочко, Пирогова, 2019, 148].

Уникальность протестов 2017-2020 гг. состояла в скорости и масштабности распространения информации, к которым официальные власти были не готовы. Повсеместное распространение Интернета и широкий набор инструментов по обмену информацией, который он предлагает, дали протестующим возможность для своевременного информирования и активизации молодежи. Кроме того, использование Интернет-медиа и других СМИ позволило моментально привлечь к протестным действиям внимание со стороны мирового сообщества. К примеру, многочисленные протесты, связанные с задержанием экс-губернатора Хабаровского края С. Фургала, сопровождались обсуждением местных жителей о продолжении массовых акций в Telegram-каналах и тематических сообществах Facebook Хабаровска, в крупных сообществах социальной сети Вконтакте распространялся девиз Я/Мы Фургал, особую нишу в проведении агитационной кампании в поддержку экс-губернатора занимали представители партии ЛДПР, чьим приверженцем является и С. Фургал. При этом участниками первых протестов являлись представители различных социальных групп и возрастов, с каждым проведением новой акции в протесте преимущественно принимали участие молодые люди от 15 до 20 лет с сопроводительными лозунгами «Мы здесь власть!» [Корк, 2020].

Еще одной из наиболее востребованных технологий современного протестного движения молодежи является использование сетевых структур. Данная технология активно привлекается для построения межрегиональных сетей, например, в процессе создания сети штабов «Фонда борьбы с коррупцией», движения за отмену использования проблесковых маячков чиновниками «Синие ведерки», всероссийского движения в защиту свободы собраний «Стратегия-31», движения «За честные выборы» и др.

Именно сетевая форма организации протеста способна объединить значительные массы для принятия коллегиального решения, создать необходимую структуру, способную оформить те или иные правила коммуникации; она обеспечивает быстроту передачи информации, анонимность и позволяет пренебрегать дисциплиной и нормами [Клеман, Мирясова, Демидов, 2010, 83], и в итоге, является наиболее действенной.

Развитие сети идет за счет расширения внешних связей и включения в протестную кампанию тех ее участников, которые вначале не были достаточно активными, но за счет ретрансляции информации через Интернет (например, путем репостов) стали таковыми.

Особенностью протестов 2020 г. является не только политическая повестка, но и социально-эпидемиологические причины, вызванные столь продолжительным режимом самоизоляции и требованием к соблюдению правил защиты. Примечательно, что в течение первой волны эпидемиологической вспышки COVID-19 (весна 2020 г.) протест протекал в онлайн-формате. В приложениях Яндекс.Навигатор и Яндекс.Карты пользователи сформировали карты протеста, оставляя комментарии на центральных улицах и площадях крупных городов России: Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Новгород, Красноярск, Екатеринбург. Онлайн-протест был ответом на экономический кризис, вызванный пандемией: многие люди лишились работы, однако от оплаты услуг ЖКХ, кредитов и ипотеки их не освободили. Примечательно, что были попытки «разогнать» онлайн-митинг в Екатеринбурге, в Москве и Санкт-Петербурге модераторы Яндекса оперативно стирали комментарии, в других городах сообщения оставались на долгое время.

С одной стороны, такой формат более толерантен к власти, поскольку не сопровождается массовыми беспорядками, лозунгами и провокациями, но с другой, как было указано выше, сетевые технологии способствуют консолидации и мобилизации протестных сил, анонимность организаторов затрудняет противодействие протестным акциям – возникает вопрос об их поиске в сетевом пространстве и об основаниях их привлечения к ответственности. Можно ли провести санкционированный онлайн-митинг в мобильном приложении – это обсуждаемый вопрос. По сообщению председателя комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи Александра Хинштейна «инициативы по правовому регулированию онлайн-митингов пока не поступали, но могут возникнуть, если IT-компании окажутся не способны эффективно реагировать на подобные акции».

Некоторые исследователи связывают протест в его крайних проявлениях с политическим экстремизмом, подчеркивая, что плодотворной почвой для расширения экстремистских настроений являются социальные кризисы

и конфликты, нарушения демократических прав и свобод, крушение нравственных ориентиров, ценностей. Политический экстремизм и протест проявляются в среде наиболее активной части населения. Изменение сложившейся политической ситуации – главное направление их деятельности. При пересечении или совпадении политических устремлений экстремистов и участников протеста возможны крайние формы политических преобразований.

Согласно принятой 29 мая 2020 г. Стратегии противодействия экстремизму до 2025 года организация акций протеста приравнивается к проявлениям экстремизма по причине того, что «участились случаи привлечения в ряды экстремистских организаций несовершеннолетних, поскольку они не только легче поддаются идеологическому и психологическому воздействию, но и при определенных обстоятельствах не подлежат уголовной ответственности» [Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года]. Несанкционированные митинги, по мнению сотрудников МВД, являются такой же столь опасной социальной угрозой, как и подготовка терактов. В документе содержится положение об обеспокоенности распространения идеологии экстремизма в спортивных организациях, секциях на базах образовательных учреждений, хотя уже на протяжении нескольких лет организация групп экстремистской направленности формируется именно в сфере спорта [Коммерсантъ, 2020: Несогласованный экстремизм]. Несмотря на постепенное введение ограничений, связанных с COVID-19, уровень преступлений экстремистской направленности в период с января по март 2020 г. увеличился на 40,9% (по сравнению с прошлогодними показателями) и составил 210 [Известия, 2020: В МВД сообщили о росте экстремистских и террористических преступлений].

Об уровне осведомленности об экстремистских практиках свидетельствует опрос среди студенческой молодежи: большинство студентов осведомлены о проявлениях экстремизма, причем 78% знают об экстремизме благодаря информации в СМИ и Интернете; 8% указали, что сталкивались с экстремизмом в реальной жизни, и 14% опрошенных дали отрицательный ответ.

К наиболее опасным проявлениям экстремизма студенческая молодежь отнесла: захват заложников для достижения своих политических целей» (16%), акции протеста с применением насилия (14%), пропаганду фашизма (13%), политические убийства и физические расправы (12%), осквернение, разрушение памятников, храмов, могил (11%), провозглашение преимущественных прав одной нации над другими (9%), унижения, оскорбления, угрозы в адрес людей иных национальностей, вероисповеданий (8%), провозглашение преимущественных прав одной религии над другими (8%) [Богданов, Краснощеченко, Кузнецова, Цаплина, 2017, 89-93].

В качестве инструментов противодействия экстремизму используются политические, психологические, силовые, информационные и другие методы борьбы. Принципиальную роль в данном вопросе играет правоприменительная практика: привлечению к ответственности должны подлежать не только организаторы и участники политических акций экстремистской направленности, но и их идейные вдохновители.

Со стороны государства практика пресечения заключается в устранении социально-политических факторов, способствующих распространению экстремистской идеологии, преследовании и наказании участников экстремистских объединений; со стороны общества – противостояние экстремистским идеям и культивирование ценностей граждан, содержащих принципы толерантности, гражданского мира и этноконфессионального согласия. Этим задачам посвящены мероприятия Федерального агентства по делам молодежи («Росмолодежь»), к примеру, план мероприятий на 2020 г. свидетельствует о многочисленных форматах, направленных на противодействие экстремизму и воспитание у молодежи толерантных ценностей: Чемпионат АССК России, Всероссийская гонка ГТО, Социальный десант, Всероссийский форум по профилактике экстремистских проявлений и идеологии терроризма среди молодежи «Формула согласия», Всероссийский молодежный образовательный форум «Вектор Спасения», Мир Кавказу и др.

В этой связи особую актуальность приобретает прививание гражданско-патриотической политической культуры молодежи, воспитание преданности к Родине, готовности активно трудиться для ее блага и защищать в случае возникновения угрозы. Более того, у молодежи отмечается общественный запрос на патриотическое воспитание: 67% респондентов в возрасте 18-30 лет считают, что воспитание патриотизма должно начинаться с института первичной социализации – семьи, причем в настоящее он является преобладающим по внесению вклада ценностей патриотизма (55%), при этом молодежь считает, что культивировать любовь к Родине следует не по советским шаблонам (50% - «против», 40% - «за») [ФОМ, 2020: Нужно ли патриотическое воспитание?]. Для этого требуется проведение силами государства комплекса мероприятий военно-патриотической работы, создание музейных экспозиций и организация деятельности патриотических и военно-патриотических, военно-исторических и культурно-исторических, военно-технических и военно-спортивных клубов и объединений, клубов и учебных пунктов будущего воина, офицера. Этому способствуют федеральные институты, та же «Росмолодежь» занимается развитием направления патриотического воспитания молодежи и предлагает следующие мероприятия: проект «Международная волонтерская команда 75-летия Победы», Всероссийская патриотическая акция «Снежный десант РСО», Всероссийский исторический квест «Наша Победа», Международная акция «Вахта Па-

мяти», Всероссийская и международная акция «Георгиевская ленточка», волонтерское сопровождение парадов Победы и народного шествия «Бессмертный полк», Всероссийская акция «Диктант Победы», акция в честь Дня государственного флага РФ «Россия в каждом окне», Всероссийский молодежный патриотический слет, Всероссийский патриотический форум с вручением национальной премии «Победа», Международный форум добровольцев с торжественной церемонией вручения ежегодной премии «Доброволец России», Всероссийский проект «Без срока давности», Международный форум Волонтеров Победы и др. Исходя из этого, можно сделать вывод о надлежащем уровне привлечения властью молодежной категории граждан к воспитанию гражданско-патриотической направленности посредством вовлечения в общественные мероприятия, на базе которых функционирует конвейер молодежных проектов, которые могут быть поддержаны грантовыми средствами. К примеру, за 2019 г. через платформу АИС «Молодежь России» было подано 24 430 заявок на Всероссийский конкурс молодежных проектов, из них было поддержано 3 963 проекта на общую сумму 2,6 млрд руб. [Росмолодежь].

ГЛАВА II. СОЦИАЛИЗАЦИОННЫЕ НОРМЫ И ОТКЛОНЕНИЯ В ЦИФРОВЫХ И ПАНДЕМИЧЕСКИХ КООРДИНАТАХ

2.1. Дистанционное обучение «зумеров»: опыт пандемии

Традиционно поколение Z определяется как люди, родившиеся в мире, в котором всегда существовал Интернет. Всемирная сеть настолько естественна для этого поколения, что большинство его представителей отлично в ней ориентируется. Поэтому многие исследователи исходят из того, что зумеры автоматически понимают и принимают новые технологии. С этой точки зрения, они являются «цифровыми аборигенами» или «коренными цифровыми жителями», а окружающие их взрослые, в том числе собственные родители, предположительно имеющие меньше технологических знаний и менее способные к развитию навыков общения с техникой, – «цифровыми мигрантами» [Бойд, 2020, 264]. Отличие первых от вторых в том, что поколение цифровой эпохи большую часть своей жизни проводит в сети Интернет и не делает различий между жизнью в сети и жизни в нее. Они не воспринимают свою идентичность в цифровом и реальном пространстве как нечто обособленное, полагая, что она – идентичность – представлена сразу в нескольких пространствах [Палфри, 2011, 11].

Для представителей поколения Z компьютеры и смартфоны – это, в первую очередь, связующее звено во взаимоотношениях между людьми, но они поддерживают дружеские отношения не так, как делали их родители; по-другому взаимодействуют с информацией и слушают музыку; поддерживают творческое или политическое сотрудничество с другими людьми такими способами, которые были бы не возможны тридцать лет назад; их представления о конфиденциальности личной информации существенно отличаются от подобных представлений их родителей [Палфри, 2011, 11-14]. По мнению Дж. Твенге, особенности нового поколения являются как минимум нейтральными, поскольку изменения, происходящие с их представителями, нельзя объяснить одной причиной. Например, родителями. Помимо родителей, тех, кого мы в начале главы назвали «цифровыми мигрантами», существуют технологии, средства массовой информации, бизнес и образование, которые вместе создают новые условия, в корне отличающиеся от тех, в которых проживали предыдущие поколения [Твенге, 2019, 30].

Традиционно поколенческий подход используют маркетологи для того, чтобы понять, как продать товар разным целевым аудиториям, демографы, социологи и политологи смотрят на поколения через призму контекста, задаваемого их научной дисциплиной. 2020 год изменил этот контекст. Его содержание еще неясно, но он задал направление. Для новых поколений – поколения Z (зет) и поколения А (альфа) определяющим событием стал COVID-19, пандемия которого существенно нарушила нормальный ритм

жизни и оказала беспрецедентное влияние на весь мир. Мы все наблюдаем за мерами, которые принимают правительства разных стран, и отмечаем, что подобные им ограничения накладывались только в периоды мировых войн и конфликтов. Исследователи утверждают, что поколение зуммеров чувствует себя более взволнованным, разочарованным, подавленным, растерянным и неподготовленным к разворачивающейся ситуации с COVID-19, чем любое другое поколение⁸.

Разнообразные социологические опросы вокруг эпидемиологической повестки, связанной с пандемией COVID-19, фиксируют типичные для всех поколений страхи (точно так же миллениалы некоторое время назад говорили о страхе перед безработицей). Полученные в ходе случайных опросов данные пока не имеют смысла (но представляют ценность) т. к. их, во-первых, не с чем сопоставить, но это обстоятельство, на наш взгляд, носит временный характер, поскольку «человечество переживает, вероятно, не последнюю глобальную эпидемию» [Писарев, 2020, 159]; а во-вторых, для гуманитарного знания, это первая пандемия, рефлекслируемая социальными теоретиками здесь и сейчас, притом в мгновенно общедоступном виде. Как образно отмечают участники Московского философского кружка, «колоники, статьи, тексты в блогах – если и бывают пиры во время чумы, то во время этой [пандемии] нам удалось посмотреть на пир духа» [Прощай, COVID?, 2020, 8].

Воздействие пандемии на общество в ближайшее время станет предметом серьезного анализа. Мы ограничимся рамками, заданными названием главы, и предположим, что новая коронавирусная инфекция является той самой ситуацией, в которой формируется не только поколение зуммеров, но и происходит рождение новой модели университетского обучения, но не той, в которой, как мыслилось ранее, «студенты изучают материал самостоятельно онлайн, а преподаватель по расписанию взаимодействует с группой студентов частично очно или при помощи интернета через систему, напо-

⁸ Основным источником, который зумеры используют для получения информации о COVID-19, являются социальные сети (49%), за ними следуют правительственные и новостные сайты (38% и 33% соответственно), сайт Всемирной организации здравоохранения (29%). Пандемия изменила привычный образ жизни представителей данного поколения: теперь они учатся дома, посещая лекции в ZOOM, но несмотря на проблемы, которые американские исследователи называют для зуммеров «уникальными», социальная изоляция привнесла в жизнь представителей данного поколения и преимущества: они стали уделять больше внимание членам своей семьи, в первую очередь родителям, тратить время на хобби и творческие занятия. Вероятно, они будут тем поколением, которое будет получать удовольствие от внезапных занятий чем-либо и проводить больше времени на природе [Цит. по: McCrindle M., Fell A. Understanding the Impact of COVID-19 on the Emerging Generations // <https://generationz.com.au>].

минающую социальную сеть или форум» [Фрумин, 37], а той, которая в российской системе образования приобретает в период пандемии причудливые очертания.⁹

В настоящее время российская высшая школа имеет дело с представителями двух поколений – Y и Z, а значит преподавателям необходимо понять, как учить детей, которые поступают в университеты. Исследователи единодушно говорят о вызовах, стоящих перед системой высшего образования, о том, что необходимо готовить образовательные технологии уже под следующее поколение, для которого «умные» технологии становятся не просто инструментом коммуникации и обучения, а обычными социальными практиками [Щеглова, РБК]. По мнению В. Радаева, есть интуитивное ощущение, что учатся они как-то иначе, что их жизнь в целом устроена по-другому, что их интересы шире, чем мы бы хотели, и что их пристрастия меняются чаще, чем мы привыкли [Радаев, 2019, 185].

Вузы включились в процесс цифровизации образовательного процесса. К его активизации их подтолкнула эпидемиологическая обстановка, а не признание того факта, что внедрение в различные сферы цифровых технологий является объективным трендом общественного развития в начале XX века. До 16 марта 2020 года – дня массового перехода российских вузов к дистанционному формату обучения – образование являлось, по сути, той сферой, которую развитие информационных технологий затрагивало меньше всего, хотя дискуссий о цифровизации (несет ли оно благо для образовательной и воспитательной системы или существуют связанные с этим процессом риски) в этой сфере было достаточно. Вынужденный переход на дистанционное обучение, по мнению исследователей, только ярче «подсветил» проблему обучения цифровых аборигенов теми преподавателями, которые до сих пор чувствуют себя в виртуальной среде неофитами [Щеглова, РБК].

⁹ Как сообщала «Российская газета» в июле 2020 года, по инициативе Министерства образования и науки Российской Федерации эксперты, среди которых ректоры ведущих российских вузов, подвели своеобразный итог вузовской весенней «удаленки». Выяснилось, что более 60% вузовских преподавателей так и не смогли подружиться с цифрой за это время. В настоящее время в высшей школе преподавателей с богатым «цифровым» опытом всего лишь четверть. Противопоставляя «удаленку» традиционному формату обучения, 90% педагогических работников выбирают второе. Среди студентов знатоков цифры, само собой, больше и именно благодаря их помощи многим преподавателям было легче адаптироваться к экстренному переходу на дистанционное образование. Однако несмотря на хорошие отношения с цифровыми технологиями, к концу дистанционного обучения в июне 2020 года лишь 14% студентов сказали, что дистанционное обучение их полностью устраивает; примерно треть обучающихся в вузе приняли этот формат обучения, отметив, что дистанционное обучение им нравится даже больше, чем очное. Возможно, полностью довольных «удаленкой» было больше, если бы не одно «но»: у десятой части всех студентов не оказалось дома необходимой качественной техники – планшетов, ноутбуков, роутеров, а среди ребят из малообеспеченных семей такой техники не было у 30%.

Последствия весеннего перехода на дистанционное обучение будут отдаваться эхом в системе высшего образования еще несколько лет, прогнозируют эксперты, но в будущем вузы будут совмещать цифровые технологии, «удаленку» и обычные занятия в аудиториях. Однако о полной реализации программ высшего образования в дистанционном формате, по их мнению, речи не идет [Российская газета].

Согласимся с идеей Дж. Палфри, который считает, что самое заметное влияние цифровые технологии оказали на повседневную жизнь людей, которые, во-первых, стояли у истоков этой эпохи, так называемые, цифровые колонисты (эти люди применяют сетевые технологии и делают это со знанием дела, но они продолжают пользоваться традиционными, аналоговыми способами взаимодействия); а во-вторых, называемые исследователями цифровые мигранты, которые научились пользоваться электронной почтой и социальными сетями уже в зрелом возрасте. Что касается представителей поколения Z, они уже не застали то время, когда письма нужно было печатать на машинке или отправлять обычной почтой, а еще они меньше знают о том, что когда-то писали письма от руки и знакомились на танцах, а не в сети Facebook. Новые способы взаимодействия вошли в плоть и кровь последних, тогда как другим пришлось осваивать их в течение определенного периода своей жизни [Палфри, 2011, 10].

Исходный посыл Дж. Палфри об автоматической информированности молодых людей представляется другим исследователям весьма опасным. Наивно полагать, пишет Д. Бойд, что так называемые цифровые мигранты ничем не могут поделиться с молодежью. Даже те взрослые, которые с опаской относятся к технологиям, указывает автор, способны предложить ценную критическую точку зрения или приобрести необходимые навыки и правильно воздействовать с информационно-коммуникативными технологиями, и даже превратиться в «цифровых аборигенов» [Бойд, 265].

Привлекая внимание к различиям отдельных групп пользователей, мы таким образом хотим обозначить еще одну проблему. Фиксируемое исследователями неравенство в цифровой среде («цифровые барьеры»), не сводимо только к уровню доступа людей к устройствам и коммуникациям или только к технологическим навыкам и медийной грамотности. Д. Бойд отмечает, что ученые и государственные учреждения пришли к выводу, что доступ [в Интернет] сам по себе не столь значим, если обладающие им люди не знают, как использовать соответствующие инструменты [Бойд, 289]. В результате снижения стоимости технологий доступ молодежи к Интернету расширился, но не привел к развитию у них того, что Д. Бойд в своей работе называет «социально значимым доступом» (наличие технических навыков и грамотности). Молодые люди, пишет она, предпочитали ему [социально значимому доступу] компьютерные игры и участие в чатах. Д. Бойд ссылается на исследование социолога Э. Харгиттай, которая провела опрос пользователей Интернета, включая молодежь, с целью выяснить уровень навыков работы в Сети. Она пришла к выводу, что отличия в уровнях навыков не являются проблемой разрыва между поколениями, так как значительная разница имеет место быть и в пределах отдельных возрастных когорт населения. Отчасти вариации уровня навыков связаны с разницей доступа к ком-

пьютерам. На одном полюсе спектра, по данным исследовательницы, находятся подростки, у которых есть собственные ноутбуки и смартфоны; они часто выходят в Интернет, чтобы найти ответы на самые разные вопросы, а на другом – подростки, имеющие ограниченные, сильно регулируемые и фильтруемые возможности доступа в Интернет, предоставляемые, например, школьными компьютерными центрами или библиотеками. Э. Харгиттай приходит к выводу, что многим молодым людям еще очень далеко до «цифровых аборигенов», поскольку для того, чтобы воспользоваться возможностями в сетевом обществе молодежи, необходимы доступ к Интернету, навыки и медийная грамотность. По ее мнению, когда опыт пользователя формируется информационными потоками, проходящими через социальные сети, и взаимодействие в них, основное значение имеет круг его знакомых. Если молодые люди окружены сверстниками, обладающими хорошими техническими знаниями, то и они сами, скорее всего, приобретут развитые навыки. Если в сообществе использование каких-либо возможностей не является нормой и не ценится, в нем вряд ли вырастут умелые в цифровом отношении подростки [Цит. по: Бойд, 2020, 292-293].

Ожидается, что в самое ближайшее время мы получим поколение, которое считает цифровое образование нормой, не имея никаких доказательств того, что компьютеры и электронные книги способны улучшить результаты образовательных программ. Что нужно поколению Z от вуза в ситуации, когда многие эксперты утверждают, что все – от школ до лекций в университетах – потеряет свою значимость благодаря наличию обучающих видео и онлайн курсов [Уотсон, 208]. Массовые открытые онлайн-курсы рассматриваются как спасители системы образования, как шаг в направлении ко всеобщему получению высшего образования, особенно там, где оно труднодоступно [Уотсон, 209]. Говоря о том, какие формы обучения подходят для современного поколения, в качестве глобальной тенденции исследователи называют *микрообучение* (microlearning). Здесь образовательные платформы конкурируют за быстрые и сжатые курсы в режиме коротких аудио- и видеосообщений, статей и сториз. Универсальными навыками в современной системе образования считаются социальная практика, проектная деятельность, навыки коммуникации. Перспективной моделью видится *liberal arts*, которые концентрируются на развитии общих навыков (general skills, критического мышления, эмоционального и социального интеллекта). Но открытым остается вопрос, насколько российское образование готово к принятию таких моделей обучения [Щеглова, РБК].

Между тем Р. Уотсон со ссылкой на международное исследование Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), охватившее

в 2015 году студентов в 70 странах мира, в том числе и в Российской Федерации¹⁰, отмечает, что «в школах, показывающих более высокие результаты, компьютеры используются менее активно, а студенты, которые используют компьютеры в обучении, – менее успешны» [Уотсон, 2020, 202]. Исследователь приходит к выводу о том, что система образования, направленная на обслуживание интересов экономики, формирует людей с крайне узким кругом интересов, а интерактивные мобильные устройства, применяемые в ней, отучают молодых людей от глубоких размышлений. Навык записей от руки отмирает, уступая место набору текста на клавиатуре и голосовым командам. Важной становится лишь способность учеников в определенный день пройти тест и возможность их учителей сделать то же самое в случае необходимости. Подобная программа, по мнению Р. Уотсона, не предусматривает обучения детей удивлению и восхищению, прививания этических ценностей или формирования психологической целостности, поскольку воспитание людей, открытым всему новому с непредубежденным сознанием, не стыкуется с системами образования, ориентированными на специализированное и крайне ограниченное определение интеллекта [Уотсон, 2020, 204-205].

Подобной точки зрения придерживается российский историк и политолог В. Э. Багдасарян, который отмечает, что цифровизация несет не только благо для отечественной системы образования и воспитания. Существуют и связанные с ней риски для психики и интеллекта детей, о чем на официальном уровне, к сожалению, не говорят. То, что у ребенка может возникнуть интернет-зависимость, что при переориентации на Интернет снижается память, атрофируется логическое мышление, указывается во многих психологических исследованиях. Если даже это только предположение, то, по мнению автора, следует бить тревогу, т. к. речь идет о психическом здоровье и умственных способностях детей, а соответственно, о будущем нации [Багдасарян, 2019, 161].

Новое поколение студентов заметно отличается от всех своих предшественников. Что исследователи могут сказать об этих студентах, кроме того, что они «цифровые аборигены»?

Основной момент, влияющий на характеристики поколения Z, связан с концепцией времени и образом будущего, а также гуманизацией. Зумер больше не сфокусирован на будущем и долгосрочных перспективах, поскольку мир и представления о нем постоянно меняются. Если раньше мы все могли мыслить хотя бы десятилетними перспективами, то теперь не стоит загадывать и на год. Например, многие исследователи предполагали,

¹⁰ Подробнее о результатах, полученных в Российской Федерации, на сайте: https://read.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2015/russian-federation_eag-2015-76-en#page1.

что большинство людей перейдет на удаленную работу примерно через двадцать лет, но этот переход состоялся одновременно в течение нескольких недель.

Другим примером является представление о жизни, которая для прошлых поколений была построена по однокорейному сценарию: «одна жизнь – одно образование – одна профессия – одна работа». Человек учился долго и поэтапно шел по выбранному пути, достигал профессиональных и карьерных высот, а потом скатывался с этой лестницы на пенсию. Теперь в этом многолетнем сценарии появились интересные развилки, наполняющие жизнь новым содержанием. Жизнь стала в среднем гораздо длиннее, и карьера стала длиннее вместе с ней¹¹ [Цит. по: РБК, 28], а значит университеты в их классическом понимании могут оказаться для следующих поколений вовсе не нужны. Если понимать университеты только как фабрики знаний и производителей дипломов, предупреждают исследователи, то через десять лет или чуть меньше зумеры будут задаваться вопросом: а стоит ли тратить пять-шесть лет на получение академического образования в условиях постоянно совершенствующихся технологий? [Щеглова, РБК].

Отношение к обязательному наличию документа начинает меняться уже сейчас: подрастающие «зеты», осознают, что диплом сам по себе перестал быть гарантом успешной карьеры (76% «зетов», по данным ВЦИОМ, так считают). Это, в том числе, связано и с изменениями в мире, в котором благодаря онлайн-курсам и онлайн-платформам можно освоить любую специальность через Интернет. В отличие от старших поколений, «зеты» ждут от высшего образования конкретную практическую пользу. Они не считают необходимым условием обязательное окончание вуза и смотрят в сторону зарубежных университетов, полагая, что там уровень образования выше. По данным ВЦИОМ, только 39% россиян считают, что образование в нашей стране достойное и ничем не хуже заграничного, в то время каждый третий соотечественник хотел бы, чтобы его дети или внуки получили высшее образование за рубежом. Основными мотивами такого желания выступают: надежда на то, что у детей/внуков будет выше шанс найти интересную работу с высокой зарплатой (15%), проживание отпрыска в стране с высоким уровнем жизни (13%), а также наличие у него международного диплома (12%) [ВЦИОМ].

Стремительный темп жизни приводит «зетов» к концепции непрерывного образования (Lifelong learning), суть которой хорошо передает известная цитата Э. Тоффлера о том, что безграмотностью в XXI веке будет считаться не неумение читать и писать, а неумение учиться и переучиваться.

¹¹ Статистические прогнозы говорят, что, к примеру, японцы, родившиеся в 2007 году, должны дожить до 2107 года. На свет уже появилось поколение со средним ожидаемым сроком жизни в 100 лет, а значит, период его активной экономической деятельности превысит привычные предыдущим поколениям 35-40 лет. Вероятно, нынешние 40-летние проработают до своих 70-ти лет, а нынешние 20-летние – до 80 лет. Привычные последовательные этапы жизни – учеба, работа, пенсия – исчезают [РБК, 28].

По мнению С. Миронюк, профессора Московской школы управления «Сколково», «в новой экономике образование принципиально понимается как незавершенное, и именно оно становится основным двигателем карьеры и предпосылкой возможности множественных профессиональных сценариев всей жизни. Это определяет главное изменение сегодняшнего времени – запрос на индивидуализацию образовательных траекторий, когда набор необходимых компетенций выбирает уже не образовательное учреждение, а каждый для себя самостоятельно. Вообще результатом нового образования сегодня является не объем усвоенного и запомненного материала, а развитие когнитивных способностей: умение анализировать, работать с информацией, критическое мышление, решение проблем, творчество и инновации [Миронюк, 30-31].

Исследователи отмечают, что «зеты» более амбициозны по сравнению со своими предшественниками: 60% из них признаются, что хотели бы повлиять на этот мир. Это проявляется в их отношении к новой информации: пассивному восприятию они предпочитают активное конструирование. Это важно учитывать при их обучении: простое чтение учебников, конспекты и однотипные упражнения, по мнению экспертов отрасли, должны уступить место творческим задачам, где ученики смогут проявить себя. Одновременно они необычайно социальны, им необходимо постоянное живое взаимодействие друг с другом и педагогом. Для «зетов» важна роль учителя: они хотят видеть в нем наставника, который сможет передать им любовь к своему предмету [Веретенко, РБК].

Идея о том, что люди могут учиться исключительно онлайн, настораживает многих исследователей (См., например: Р. Уотсон, 2020, 209), хотя детство поколения Z, проведенное перед экраном смартфона, говорит нам о том, что такое взросление становится вариантом нормы. Так, геймеры к 21 году тратят на онлайн-игры столько же времени, сколько занимает получение формального образования [Уотсон, 2020, 209]. В. Э. Багдасарян указывает на то, что образовательные учреждения не должны сами подталкивать ребенка в те сферы, где риски для психического и нравственного здоровья имеют критический характер, ярко описывая на страницах своей работы последствия взаимодействия подростков с новыми каналами коммуникации. Благодаря последним поведение подростков все чаще, по мнению автора, утрачивает признаки адекватности, а сознание парализуется. И другого способа, нежели установление ограничений для детей в пользовании Интернетом, отечественным исследователем не предлагается [Багдасарян, 2019, 162].

Под влиянием пандемии дистанционное образование в России получило новое развитие, но оно, по заверениям чиновников, не заменит традиционного формата обучения, едва ли не главным элементом которого является общение в стенах учебного заведения преподавателя и обучающегося.

Когда вузы вернутся к привычному режиму работы, обучение в онлайн-формате будет дополнять традиционное. Пандемия задала несколько направлений развития высшей школы:

Первое связано с гармоничным сосуществованием студентов и преподавателей в новой цифровой реальности, поскольку наилучшие педагогические нововведения, по-прежнему, обеспечиваются людьми или, точнее, взаимодействием между преподавателями и студентами. Американский футуролог Р. Уотсон утверждает, что в данном взаимодействии важны именно преподаватели, формирующие фундамент знаний, поскольку без них – уставших, сварливых, раздражительных – невозможно научиться интеграции и коммуникации с другими людьми [Уотсон, 208].

Второе направление сопряжено с проблемой самостоятельной работы обучающихся. Дистанционное обучение требует развитой силы воли, ответственности и самоконтроля, к чему психологически оказались не готовы сами студенты во время пандемии. Большинство из них проводят часть времени, прячась за черными экранами, а удержать их внимание практически невозможно преподавателю с любым опытом работы в образовании.

Наконец, третье направление связано с формированием новой этики взаимодействия всех участников образовательного процесса в онлайн-формате, начиная от простых вопросов присутствия студента и преподавателя в онлайн-аудитории, заканчивая механизмами их взаимодействия в течение занятия или проведения аттестации.

2.2. Экономическая безопасность молодежи: очерки структурных изменений в эпоху цифровизации и пандемии

В современном обществе экономическая безопасность является одним из важных аспектов жизни человека. Именно это условие позволяет осуществлять комплексные программные мероприятия, расширять экономические права, повышать уровень заработной платы, разрабатывать эффективные механизмы развития навыков и получения профессиональных знаний. Также экономическая безопасность – это один из мощных механизмов для снижения безработицы среди молодежи.

Во многих странах используют этот подход для привлечения молодых людей в развивающиеся отрасли экономики и обеспечения сопровождения студентов с начала их обучения до выхода на рынок труда и получения рабочего места. Очень важно стремиться быть ориентированными на разработку программ и проектов по экономической безопасности молодежи. Наличие достойного рабочего места не только позволяет построить успешную карьеру молодым людям, но и оказывает влияние на страны и мир в целом.

К современной молодежи можно отнести несколько поколений – Y и Z. Поколение Y включает молодых людей от 24 до 30 лет, то есть год их рождения варьируется от 1990 до 1994/6. Технологический взрыв и развитие социальных сетей оказали большое влияние на этих людей. Это поколение также называют миллениалами, так как они застали конец тысячелетия, а также несколько эпох – до распространения информационных технологий и цифровизации. Соответственно, в детстве Y не было Интернета и мобильных устройств. А вот представители поколения Z, наоборот, со своих самых ранних лет уже владели различными гаджетами.

Поколение Z включает молодежь, год рождения которой варьируется от 1997 до 2006, то есть на данный момент возраст составляет от 14 до 23 лет. Информационные технологии окружают этих молодых людей с детства. Существует мнение, что если поколение Y смотрит контент, то Z создают. Например, многие молодые люди поколения Z мечтают стать видеоблогерами и построить успешную карьеру на YouTube, и именно такой подход способствовал быстрому росту популярности приложений, таких как TikTok и прочие. Различные фильтры, маски, короткие вертикальные видео, стриминговые сервисы для прослушивания музыки и так далее, – все это интересно представителям поколения Z.

В связи с новыми реалиями появляются определенные вопросы, такие как совместная работа человека и искусственного интеллекта, возможность максимально реализовать свои навыки и таланты в карьере, стабильность наличия рабочего места в ближайшие десять лет. В будущем для трудовой деятельности потребуются люди, которые обладают универсальными знаниями. Основными двигателями продвижения по карьерной лестнице молодых людей станут владение цифровыми инструментами, дизайном, аналитикой и менеджментом. Соответственно, работодатели будут идти в ногу со временем, стремиться успеть принять решения в соответствии с условиями внешней среды. А это будет способствовать разработке эффективных программ для обучения молодых людей, развитию лидерских навыков с акцентом на разнообразие.

В настоящее время существуют большие проблемы по поддержке молодежи в сфере экономической безопасности. Например, в развитых странах мира создают рабочие места для молодых людей и решают связанные с этим вопросы, но в то же время нет оптимальной системы при выпуске из школы и поступления в университет, существует сложность обучения и подготовки кадров, низкая заработная плата на определенных должностях также осложняет ситуацию. Ввиду этого, многие инвестируют свои ресурсы в образование, посещают дополнительные обучающие курсы и программы.

В последние несколько десятилетий уровень занятости молодых людей снижается. Например, в США уровень безработицы среди молодежи в возрасте от 20-24 лет в первой половине 2020 года составляет 11,7 %, а в

России – 17,5 %, на эти показатели повлияли экономические кризисы и периоды пандемии. Можно наблюдать, что за первые несколько месяцев карантина занятость молодых людей сократилась почти в два раза по сравнению с общей занятостью населения.

В период пандемии молодежи очень сложно найти работу. Многие предпочитают оставаться безработными, так как сложно найти подходящую работу онлайн, а также не попасться в ловушку мошенников, которые под видом работодателей предлагают вакансии. Отсутствие рабочего места также означает потерю дохода, экономическую незащищенность. Также многим молодым людям приходится брать больше ответственности в период пандемии. Например, так как школы были закрыты во время карантина, подросткам и студентам приходилось больше времени уделять уходу за младшими братьями и сестрами. Молодые работники в основном были заняты в таких сферах, как розничная торговля и продовольственные услуги. Именно эти отрасли наиболее пострадали от пандемии COVID-19. Следовательно, высока вероятность, что после кризиса занятость молодежи будет восстанавливаться очень долго.

Пандемия COVID-19 разрушила многие аспекты жизни молодых людей. Воздействие пандемии на молодежь является систематическим и глубоким. Особенно сильно это отразилось на молодых людях в странах с низким уровнем дохода, так как не вся молодежь смогла перейти на дистанционное обучение ввиду причин технологического отставания стран. В период продолжающейся пандемии 13 % молодых людей уже осталось без рабочего места, и этот показатель растет. Также, как отмечают многие исследователи, дистанционное обучение для студентов и школьников оказалось менее эффективным по сравнению с традиционными формами. Согласно результатам глобального опроса, проведенного партнерами Глобальной инициативы по достойным рабочим местам для молодежи, 61 % считает, что они получили намного меньше компетенций.

Многие молодые люди говорят, что их доходы сократились. Больше всего подвержены снижению рабочих часов и заработной платы студенты в странах с низким доходом. Также пандемия нанесла урон здоровью молодежи. 17 % молодых людей, согласно глобальному опросу, страдают от депрессии и тревоги. Эти проблемы с психическим состоянием были диагностированы в большей степени у тех, кто потерял либо прервал обучение или трудовую деятельность.

Для того, чтобы поддержать молодых людей в этот сложный период, необходимо разработать проекты по предоставлению достойных рабочих мест, а также серьезнее относиться к правам молодежи, предоставлять программы гарантии занятости, профессиональной подготовки, социальной защиты, пособий по безработице для молодежи. Следует обеспечить высокое

качество предоставления образовательных услуг, а также организовать мероприятия по психосоциальной помощи студентам.

Соответственно, можно сделать вывод, что экономическая безопасность имеет особенное значение в жизни каждого человека, так как свобода и достоинство важны для каждого. Безопасность должна быть приоритетом в государственной политике. Идеи социальной солидарности, общности и экономической безопасности очень связаны между собой. В любом обществе сочетание личных интересов и желания помочь другим мотивирует человека посвящать время и ресурсы социальной солидарности. Статистика распределения численности населения России по возрастным группам представлена в таблице 1.

Таблица 1. Распределение численности населения по возрастным группам [Россия в цифрах, 2019]

Распределение численности населения по возрастным группам									
	Тыс. человек			В процентах к итогу			На 1000 мужчин соответствующего возраста приходится женщин		
	2002	2017	2018	2002	2017	2018	2002	2017	2018
Все население в том числе в возрасте лет:	145157	146804	146880	100	100	100	1147	1157	1156
0-4	6399	9582	9347	4,4	6,5	6,3	953	946	946
5-9	6941	8558	8873	4,8	5,8	6,0	956	950	949
10-14	10407	7408	7598	7,2	5,1	5,2	659	954	954
15-19	12800	6690	6816	8,8	4,6	4,6	968	957	956
20-24	11466	7828	7336	7,9	5,3	5,0	983	960	959
25-29	10613	11879	11120	7,3	8,1	7,6	997	968	966
30-34	9835	12537	12766	6,8	8,5	8,7	1001	1000	994
35-39	10217	11194	11425	7,0	7,6	7,8	1033	1033	1027
40-44	12547	10381	10453	8,6	7,1	7,1	1062	1073	1074
45-49	11606	9280	9499	8,0	6,3	6,5	1113	1091	1089
50-54	10072	9635	9372	6,9	6,7	6,4	1170	1164	1158
55-59	5347	11155	11049	3,7	0,6	7,5	1260	1255	1249
60-64	7983	9610	9783	5,5	6,6	6,7	1456	1425	1412
65-69	6345	7637	7937	4,4	5,2	5,4	1596	1595	1599
70 и более	12469	13230	13506	8,6	9,0	9,2	2477	2415	2377
возраст не указан	120	-	-	0,1	-	-	986	-	-
Из общей численности населения в возрасте									

моложе трудоспособного	26327	26896	27254	18,1	18,3	18,6	957	950	949	
трудоспособном	88942	83224	82264	61,3	56,7	56	985	915	912	

По данным Федеральной службы государственной статистики, можно отметить, что в целом, население страны растет и на 2019 год составляет 146,8 тыс. человек, что нельзя сказать о населении в возрасте от 5 до 20 лет. По сравнению с 2002 годом, в 2019 году численность упала на 5 % и составляет 232,8 тыс. человек.

В основном ситуацию общего прироста населения спасает миграционный прирост. Благодаря приезжим и существенному снижению потерь по естественному приросту, численность населения показывает в последние годы положительную динамику.

Что касается молодежи, то основной причиной является экономическая ситуация в стране. Идет большой отток молодежи в другие страны. Молодые люди не видят перспектив карьерного роста на рынке труда с точки зрения востребованности. В целом ситуация с трудоспособным населением в стране остается сложной. Граждан, которые могут работать, становится все меньше, а доля пенсионеров неуклонно растет.

Таблица 2. Распределение численности занятых по возрастным группам и уровню образования в 2018 г. (в среднем за год в процентах к итогу) [Россия в цифрах, 2019]

Распределение численности занятых по возрастным группам и уровню образования в 2018 г. (в среднем за год в процентах к итогу)			
	Всего	Мужчины	Женщины
Занятые всего	100	100	100
в том числе в возрасте, лет			
15-19	0,5	0,6	0,4
20-24	5,2	5,7	4,6
25-29	13,8	14,7	12,9
30-34	15,0	15,6	14,4
35-39	13,7	13,6	13,8
40-44	12,9	12,3	13,5
45-49	11,5	10,8	12,2
50-54	11,6	10,6	12,6
55-59	9,9	10,3	9,4
60-69	5,5	5,4	5,7
70 лет и старше	0,4	0,3	0,5
Средний возраст занятых, лет	41,1	40,7	41,6
Занятые всего	100	100	100
в том числе имеют образование высшее	34,2	29,9	38,8

среднее профессиональное - всего	45,0	46,1	43,9
по программе подготовки специалистов среднего звена	25,5	21,8	29,5
по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих)	19,5	24,3	14,4
среднее общее	17,2	19,6	14,6
основное общее	3,4	4,1	2,6
не имеют основного общего образования	0,2	0,3	0,2

По данным Федеральной службы государственной статистики, можно отметить, что занятых в возрасте от 15 до 19 лет составляет лишь 0,5 % от всех занятых в стране.

Наибольшую активность на рынке труда проявляют граждане 30-39 лет. Менее всего на рынке труда представлены молодые граждане в возрасте 15-19 лет, а также граждане пенсионного возраста.

Большинство молодежи еще учится в школах или на первых курсах профессиональных образовательных учреждений. Многие представители данной категории стремятся к получению работы, как правило, временной, или к получению работы с сокращенным и удобным для них графиком. А студенты и молодые люди, завершающие или завершившие в основном профессиональную подготовку, не имеют достаточно навыков и профессионального опыта, и в силу этого менее конкурентоспособны.

Таблица 3. Распределение численности безработных по возрастным группам и уровню образования в 2018 г. (в среднем за год в процентах к итогу) [Россия в цифрах, 2019]

Распределение численности безработных по возрастным группам и уровню образования в 2018 г. (в среднем за год в процентах к итогу)			
	Всего	Мужчины	Женщины
Безработные - всего	100	100	100
в том числе в возрасте, лет			
15-19	3,9	3,9	3,8
20-24	16,5	19,0	17,9
25-29	16,0	15,8	16,2
30-34	13,6	12,6	14,7
35-39	11,1	11,0	11,3
40-44	9,4	9,1	9,7
45-49	8,3	8,0	8,7
50-54	8,8	8,9	8,6
55-59	6,9	8,4	5,2
60-69	3,3	3,1	3,6
70и лет и старше	0,1	0,1	0,2

Средний возраст безработных, лет	36,1	36,2	35,9
Безработные - всего	100	100	100
в том числе имеют образование высшее	20,7	17,4	24,3
среднее профессиональное - всего	39,4	40,1	38,7
по программе подготовки специалистов среднего звена	19,7	17,1	22,7
по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих)	19,7	23,1	16,0
среднее общее	29,4	30,1	28,6
основное общее	9,3	10,9	7,6
не имеют основного общего образования	1,1	1,4	0,7

По данным Федеральной службы государственной статистики, можно отметить, что из 100 % безработных всего 3,9 % в возрасте от 15 до 19 лет.

Ситуация в сфере труда и занятости ставит молодежь в очень сложные условия. Одной из причин является отмена распределения выпускников учебных заведений как гарантия занятости по специальности. Данная ситуация ставит молодых специалистов в систему жесткой конкуренции с людьми, которые уже имеют опыт работы, где выпускник должен доказать наличие у себя соответствующих знаний и умений, доказать свою компетентность.

Экономическая безопасность молодежи связана с концепцией трудовой деятельности. Работа в этом ключе рассматривается в более широком смысле, нежели заработная плата и успешная карьера. Существуют несколько форм социально-экономической безопасности, которые связаны с трудовой деятельностью молодежи:

1. Безопасность на рынке труда;
2. Гарантия занятости;
3. Безопасность трудовой деятельности;
4. Обеспечение дохода;
5. Безопасность представительства.

Все перечисленные формы безопасности являются важными для молодежи. Например, иногда гарантия занятости может быть психологическим барьером для человека. Также существует мнение, что этот аспект препятствует инновациям и развитию карьеры человека. Следовательно, для того, чтобы молодые люди могли вести успешную трудовую деятельность, должна существовать элементарная безопасность. Необходима среда, при которой маловероятны угрозы болезни, стихийных бедствий, войн и так далее. То есть фундаментальные базовые потребности человека – свобода от страха, доступ к еде, жилью – являются важной составляющей жизни.

Элементарная безопасность предполагает стабильный доход и равенство во всех аспектах социально-экономической безопасности. Под трудо-

вой деятельностью понимается способность человека развивать свои способности во времени, а также возможность комбинировать задачи с определенным статусом в разные периоды жизни.

Вернемся к экономической безопасности молодежи в пандемию. Как было сказано ранее, молодые люди волнуются по поводу трудовой занятости, обучения и психического здоровья. Хотя ситуация с пандемией в странах варьируется, во многих государствах приняты меры социального дистанцирования и изоляции. Чтобы избежать новых волн заражений, изменения в повседневной жизни еще будет иметь решающее значение в ближайшее время. В долгосрочной перспективе очень важно укрепление доверия среди молодежи для определения эффективных мер по восстановлению от последствий пандемии. Государство имеет решающее значение для перехода молодых людей к трудовой деятельности. Меры государственного управления способствуют принципам добросовестности, прозрачности и поддержки отношений между молодежью и государственными институтами. После финансовых кризисов 2008, 2014 годов и продолжающихся политико-экономических кризисов сильно снизилось доверие к государственным институтам. Это подтверждает всероссийский телефонный опрос 27–29 ноября 2020 года фондом «Общественное мнение». Хотя финансовый кризис во многом отличается от кризиса COVID-19, уроки, извлеченные в прошлом, могут дать важную информацию для разработки мер по восстановлению, которые не оставят молодых людей позади.

Перед государством стоит очень много важных экономических задач, в которых существуют разные форматы взаимодействия государства и молодежи в рамках формирования государственных и муниципальных программ обучения и сопровождения. Например, программа «Цифровой сертификат», действующая до 2024 года, является примером хорошего инструментария по формированию и организации у молодежи востребованных компетенций, самостоятельности выбора траектории обучения по заданным целям развития, более гибкого привыкания к новым реалиям цифровой экономики. Вот некоторые направления профессий будущего: большие данные, интернет вещей, искусственный интеллект, квантовые технологии, новые и портативные источники энергии, новые производственные технологии, промышленный интернет, распределенные и облачные вычисления, сенсорика и компоненты робототехники, системы распределенного реестра, технологии беспроводной связи, нейротехнологии, виртуальная и дополненная реальность, технологии управления свойствами биологических объектов, кибербезопасность и защита данных, программирование и создание ИТ-продуктов, промышленный дизайн и 3D-моделирование, разработка компьютерных игр и мультимедиа приложений, разработка мобильных приложений, системное администрирование, цифровой дизайн, цифровой маркетинг и медиа [Персональные цифровые сертификаты].

Потребность организаций в молодых специалистах в России существенно сократилась. Согласно данным портала www.hh.ru, был очень высокий конкурс среди молодых людей на одно рабочее место. В первом квартале 2020 года в среднем на одну должность претендовало 13 соискателей. В апреле и мае 2020 года ситуация с безработицей ухудшилась. Количество безработных в России составило 5,8 % от общего числа трудоспособного населения. И несмотря на отмену карантинных мер в большинстве городов, в первой половине июня 2020 года недельный прирост безработных составлял 155000.

Мировой уровень безработицы среди молодежи в три раза выше, чем среди людей среднего возраста. Более половины безработной молодежи составляют девушки, им сложнее найти рабочее место и минимизировать гендерный разрыв, который присущ многим странам. Страны с высоким уровнем неофициальной занятости особенно уязвимы к последствиям пандемии. Соответственно, высока вероятность, что огромное количество молодых людей остается без социальной поддержки, находится без средств к существованию, подвергает риску свое здоровье, так как доступ к медицинской помощи ограничен. Молодые специалисты с низкой квалификацией также сильно пострадали, что отразилось на выплаты неустойчивых заработных плат или отсутствие их.

Но существуют еще и возможности, вызванные пандемией и цифровой экономикой. Например, развитие искусственного интеллекта, автоматизации, онлайн-торговли и так далее. Повышающийся спрос на владение информационно-коммуникационными технологиями будет воздействовать на появление новых профессий. Также эти навыки стали необходимы в таких сферах, как здравоохранение, сервис, социальная защита, торговля, туризм. Очень большое развитие получили профессии, связанные с рекламой брендов в социальных сетях, кибербезопасностью, видеоиграми и так далее. Трудовая деятельность в этих направлениях носит название цифровая карьера.

В школах становятся популярными математика, английский язык и информатика. Многие молодые люди стараются научиться веб-разработкам, инфографике, программированию, монтажу видео, дизайну сайтов и так далее. Цифровая карьера может принести высокий доход и интересный опыт работы. Но высокая конкуренция специалистов на этом рынке становится большим препятствием для молодежи.

Опрос, проведенный среди обучающихся Южного федерального университета, дает некоторые важные выводы. Исследование направлено на то, чтобы выяснить, что думают студенты насчет дистанционного обучения и трудоустройства в период пандемии. Онлайн-опрос занимает менее десяти минут и затрагивает несколько важных аспектов:

– основные последствия для экономической безопасности после проведенного времени и применения цифровых технологий;

– основная проблема, с которой столкнулась молодежь в новых условиях;

– поддержка государства для молодых специалистов.

Участниками опроса стали обучающиеся 1-4 курсов бакалавриата и 1 и 2 курсов магистратуры. Среди респондентов 52 % составили студенты в возрасте от 18 до 20 лет. Отношение участников опроса к обучению в дистанционном режиме удовлетворительное, по пятибалльной шкале оценку «4» поставили 28,9 % человек (рисунок 1). Также 21,1 % респондентов считают обучение в таком формате не подходящим для них, а 28,9 % – устраивает онлайн-режим, для них он комфортный и оптимальный.

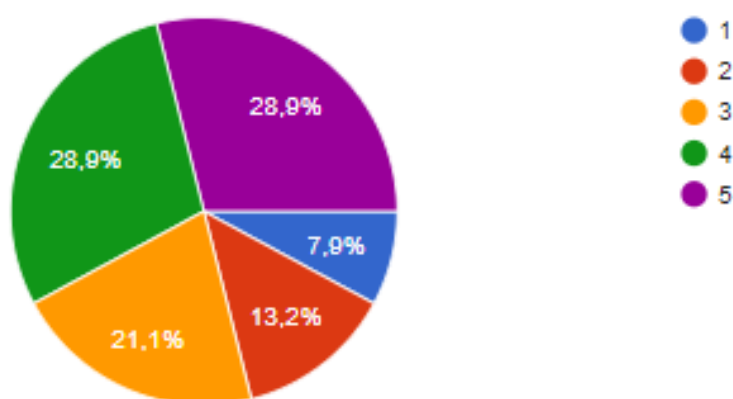

Рисунок 1. Уровень удовлетворенности обучением в дистанционном формате молодежи в период самоизоляции

Среди основных последствий для молодежи после проведенного времени в онлайн и применения цифровых технологий студенты выделили эмоциональные трудности и в целом ухудшение здоровья для обучающихся (рисунок 2).

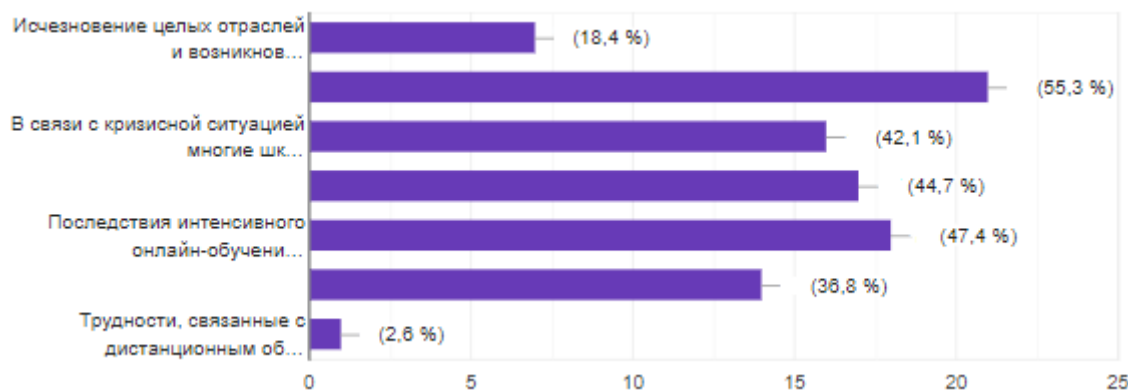

Рисунок 2. Основные последствия для экономической безопасности молодежи после проведенного времени в онлайн и применения цифровых технологий

Новая реальность, в которой оказались многие страны, в том числе и Россия, показывает, что мировому кризису уделяется гораздо больше внимания органами власти, чем образованию, так как правительства сосредоточены на решение проблем здравоохранения, социально-экономической политике для преодоления пандемии и кризисов в целом.

Однако образование – это та сфера, которой нужно уделять пристальное внимание, так как кризис образования несет за собой более серьезные последствия для будущих поколений и будущего всей системы образования в перспективе, что создает неблагоприятный фон для устойчивого развития населения. Также необходимо тщательно подходить к вопросу документирования исследования в плоскости молодежной политики и безопасности, анализировать идеи и решения, принимаемые в разных странах для формирования комплекса мер по регулированию вопросов образования и формирования новых форматов молодежной политики и безопасности.

Форматы государственной поддержки молодых безработных специалистов представлены на рисунке 3.

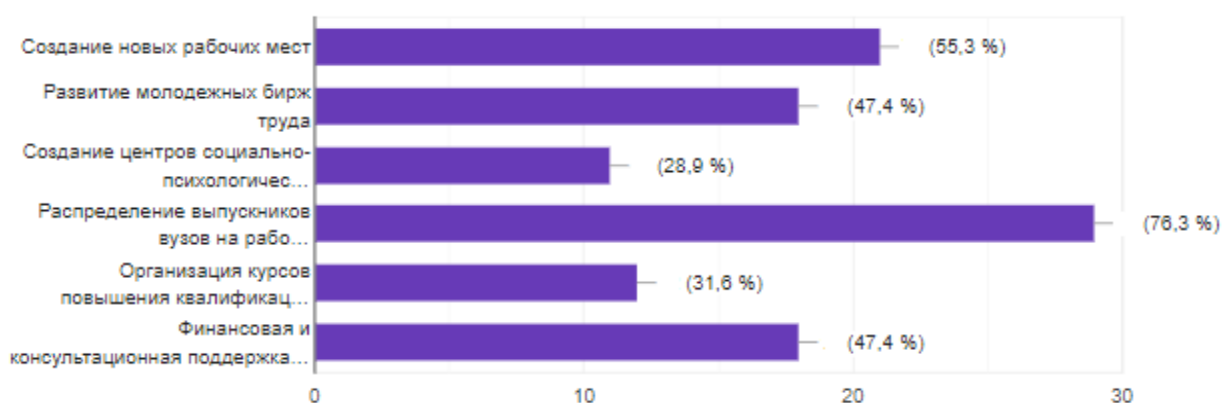

Рисунок 3. Формы государственной поддержки молодых безработных специалистов

На вопрос о том, в какой форме государство могло бы поддержать молодых специалистов:

- 55,3 % респондентов выступили за создание новых рабочих мест;
- открытие молодежных бирж труда поддерживают 47,4 % от общего количества опрошенных;
- наиболее востребованной формой государственной поддержки опрошиваемые считают распределение выпускников вузов на работу по специальности, что составило 76,3 % от общего количества ответивших на опрос;

Также в приоритете финансовая и консультационная поддержка при открытии своего бизнеса – так ответили 47,4% опрошенных.

А вот создание центров социально-психологической адаптации выпускников получило поддержку лишь 28,9 % от общего числа респондентов, организация курсов повышения квалификации или переподготовки – 24 %, – эти две позиции получили наименьшие показатели по сравнению с остальными.

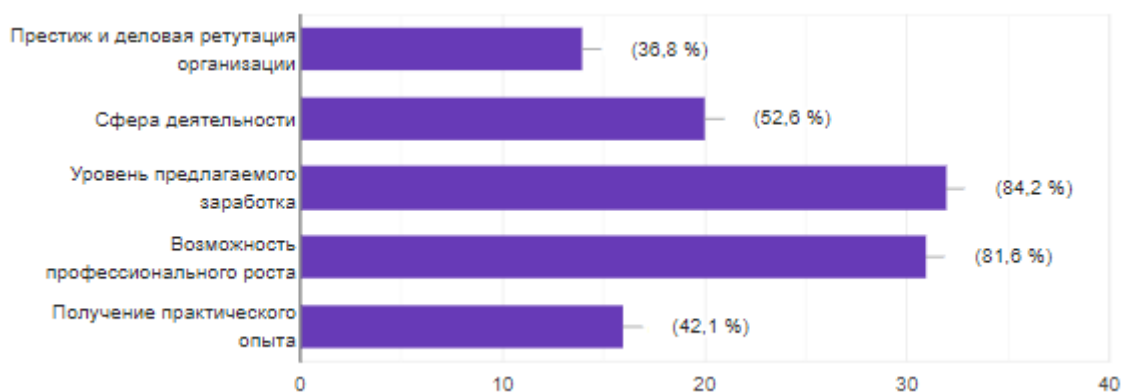

Рисунок 4. Значимость критериев при выборе мест работы молодыми специалистами

На вопрос, что для вас более значимо при выборе места работы, респонденты ответили: 36,8 % – лучше престиж и деловая репутация фирмы, 52,6 % – сфера деятельности, 84,2 % – уровень предлагаемого заработка, что является самым весомым из всех предложенных показателей и подтверждает материальную мотивацию молодого поколения. Также 81,6 % опрошиваемым (почти, как и материальная мотивация) важна возможность профессионального и карьерного роста. И на последней ступени респонденты отметили, что получение практического опыта (почти, как и деловая репутация организации) для них играют менее важную роль, что выражается в 42,1 %.

Рисунок 5. Проблемы, с которыми столкнулась молодежь в новых современных условиях

На вопрос, какая на ваш взгляд основная проблема, с которой столкнулась молодежь в новых современных условиях, большинство ответили о

ранней профориентации, что составило 67,9 % от общего количества опрошенных, что заставляет школьников думать о своем призвании раньше, чем это было у других поколений. Также 23,7 % респондентов ответили, что революция 4.0 меняет скорость жизни и 18,4 %, что технологии меняются быстрее, чем навыки, поэтому возникает так называемый кризис навыков и компетенций, что приводит к несформированности в достаточной степени моделей мира особенно у подростков.

И, как следствие предыдущему вопросу, работникам поколения Z приходится более раньше брать на себя ответственность за собственное обучение, в том числе и дополнительное, что проиллюстрировано на рисунке 6.

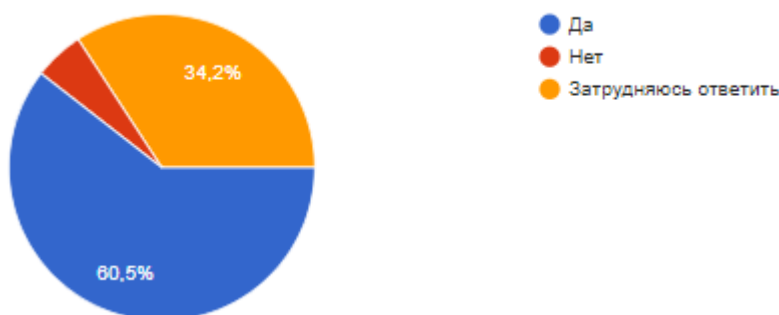

Рисунок 6. Ответы на вопрос, стоит ли работникам поколения Z взять на себя ответственность за собственное обучение в течение всей жизни

Стоит предположить, что показатель ответственности за собственное обучение в течение всей жизни является преимущественным, но на это могли повлиять факторы осознанности и страха поколения родителей за судьбу своих детей и навязывание принципов жизни к условиям, в которых они сами не росли и не воспитывались. Не стоит упускать из виду показатель сомневающихся в ответе, который составляет 34,2 %, и говорит о большом числе молодых людей, пребывающих в положении затрудняющихся ответить и тем самым быть готовым всегда к переменам и принятию решений.

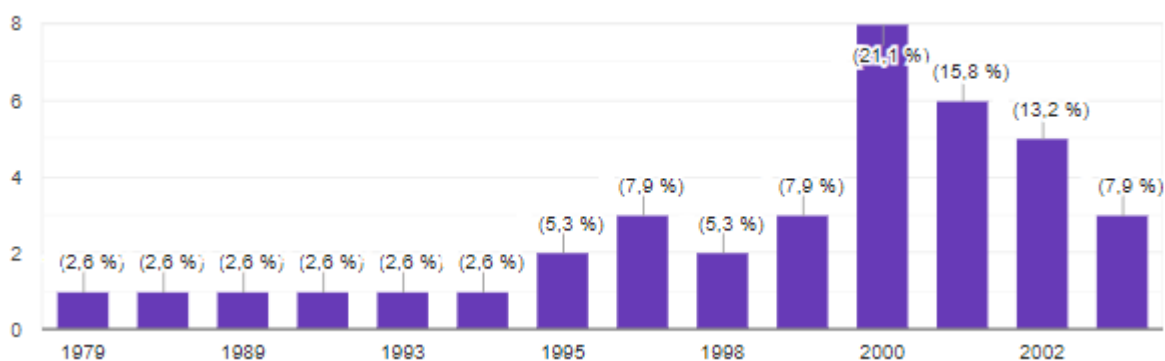

Рисунок 7. Возраст респондентов

Наибольшую популярность опрос имел у людей 2000 и 2001 года рождения.

Относительным и практически всеобщим ответом на поставленные вопросы об экономической безопасности молодежи стоит отвечать в частности правительствам многих стран, формируя возможности и понимание того, что в непредсказуемом современном цифровом мире крайне важно преодолевать разрывы компетенций современной молодежи и прививать навыки сопротивления различным угрозам, тем самым обеспечивая устойчивость в таком важном секторе человеческого развития, как образование.

2.3. Социокультурные аспекты коммуникации поколения Z

Сегодня, несмотря на достаточно широкие возможности взаимодействия и коммуникации, можно говорить о трансформации процесса и изменении формата. Молодежь все чаще выбирает в качестве общения Интернет и социальные сети как площадки для обсуждения вопросов, освещения интересующих тем и многое другое. Попробуем проследить динамику эту процесса более подробно.

Все больше исследований стало появляться после 50-х годов XX века. В зарубежной практике все чаще стало звучать понятие «коммуникация». Далее это определение широко войдет в научную практику отечественных исследователей. В современной отечественной практике очень часто понятия «общение» и «коммуникация» используются как синонимичные, несмотря на имеющиеся отличия. Можно обозначить, что общение чаще всего понимается как взаимодействие между людьми, а коммуникация фиксирует обмен информацией в социуме. Исходя из этого, общение транслируется как процесс, в результате которого происходит обмен мыслями, чувствами, эмоциями между людьми в самых разных областях деятельности. В этом процессе участвуют вербальные средства взаимодействия. Коммуникация же

представляет социально обусловленный процесс информационной передачи и формирования отношения и восприятия информации между людьми и большими группами, массами, используя различные каналы передачи, а также использование вербальных и невербальных средств коммуникации.

Рубеж тысячелетий показал, что сегодня взаимодействие постоянно расширяется и множится. Культура идет по пути динамического развития. Потребность в общении возрастает. Глобализационные процессы расширили границы общения, и теперь каждая социокультурная, этническая, национальная общность стремится к взаимодействию и общению, обмену информацией и духовными практикам. Процесс охватил все сферы общественной жизни всех стран мира. Это отражается в многочисленных контактах и культурных обменах, мобильности и путешествиях на самых разных уровнях: между странами и государствами, политическими деятелями и руководителями стран, общественными группами и движениями, лидерами и представителям стран и культур. Очевидным образом меняются технологические параметры функционирования СМИ и, соответственно, меняются их социокультурные цели и познавательный статус распространяемой информации. Ряд вопросов и проблем в коммуникации и восприятии информации появляются в связи с изменением характеристик работы СМИ. Специалисты различных сфер активно обсуждают работу СМИ, иногда объединяя их понятием масс-медиа. Философы и политологи, филологи и лингвисты, социологи и психологи, историки и искусствоведы – все отмечают влияние на формирование личности индивида, особенно в молодежной среде. Так, культурологи акцентируют внимание на работе СМИ как познавательного феномена, который формирует и ценностные установки общества. Это находит отражение и в межкультурном общении, сводя этот феномен в семиотическое русло.

Надо отметить, что сотрудничество с другими культурами, предполагающее их единение, стремительно ведет к самоутверждению ценностей и традиций этой культуры. Сохраняется страх лишиться архаики собственной культуры. Это неизбежно приводит к стремлению закрепить свои культурные традиции, обычаи и ценности. Иногда это обретает кардинальные формы: от категорического запрета молодому поколению приобщаться к культуре других до полного открытия границ взаимодействия. Конечно, в основной массе речь идет о молодежи, которая быстрее других воспринимает информацию, копирует и претворяет в жизнь культурные и поведенческие модели. В этом контексте мы можем наблюдать разные конфликты, вырастающие на почве этнического и национального характера, неприязни и фундаменталистских движений. Очень часто такие явления локально проявляются в молодежной среде. Нейл Хоув и Вильям Штраус относят людей 1995-2020 года рождения к поколению Z.

Сегодня процесс коммуникации стал гораздо шире. Это объясняется развитием технологий и их возможностями. Если раньше для всех процесс коммуникации осуществлялся напрямую контактирующими лицами, то теперь возможны телефонные и видео-звонки, электронная почта и скайп, социальные сети и мессенджеры. Все эти способы быстро приживаются в молодежной среде, и масштабы взаимодействия стремительно растут. Теперь и официальная наука исследует процессы коммуникации с вектором на технический прогресс.

Для анализа процесса коммуникации поколения Z необходимо обозначить общие правила поведения, значения и влияния. Во-первых, это процесс инкультурации. Он показывает, насколько человек освоил свою традиционную культуру. Это проявляется как на сознательном, так и бессознательном уровнях. Обычно, когда мы говорим о сознательном процессе освоения, то имеем в виду процесс социализации через воспитание и образование. В процессе бессознательного освоения культуры происходит на основе влияния той среды, в которой происходит становление. Надо отметить, что эти два процесса освоения культуры одинаково важны и необходимы в становлении личности, индивида. Если какой-то из уровней отходит на второй план, то дальнейшие процессы, связанные с выработкой моделей поведения и формируемыми культурными продуктами, не срабатывают автоматически и рвется цепь восприятия своей культуры и культуры других стран и народов.

Во-вторых, присутствует еще один значимый фактор, который также влияет на коммуникацию между людьми. В данном случае речь идет о том, что мы воспринимаем свою культуру как идеальную модель и все свои взаимодействия с другими культурами соотносим через призму родной. Однако зачастую мы не можем объективно оценить модель поведения других, считая ее недостойной. У человека это проходит неосознанно. Он не всегда понимает, что те модели и образы, через которые он пропускает другую культуру, могут иметь отличающиеся традиции, ценности, установки и нормы.

Сегодня в повседневной жизни стало формироваться устойчивое представление о том, что только наш стиль жизни, образ мысли являются единственно верными, правильными и требующими исполнения другими. Иногда в молодежной среде идет отторжение уже сложившихся устоев, чтобы показать свою уникальность и непохожесть. Случается так, что окружающие не могут понять, что хотят сказать тем или иным поступком, действием или утверждением. Некоторые господствующие в обществе правила кажутся само собой разумеющимися большинству, но молодое поколение, возвращенное в других информационных и технологических условиях, не готово смириться с этим. Встречаются те, кто считает себя индивидуальностью, которая и не должна подчиняться законам общества, не понимая, что

тем самым отвергается всякая социализация в той среде, в которой им предстоит жить, развиваться и т. д. В такой ситуации не исключены конфликты, когда общество не готово принять такую позицию и отвергает индивида с его установками и правилами. Такие представители общества не догадываются об относительности своего мировоззрения. Разумный анализ расставляет все по местам. Если сам человек готов понять, какие изменения необходимо преодолеть, чтобы его позиция обрела правильные очертания, и только сталкиваясь с представителями других культур, обнаруживается, что сложившиеся модели поведения перестают работать. Как правило, это процесс двухсторонний. Каждая из сторон понимает, что происходит что-то не так, и пытается для себя прояснить ситуацию.

Сегодня можно отметить наличие убеждений о том, что собственная культура превосходит другие. В таком случае автоматически другие культуры опускаются на ступень ниже своей. Все, что отходит от привычных норм, моделей поведения, считается низкопробным, недостойным и безнравственным. Такая позиция готовит почву для того, чтобы сделать вывод о превосходстве собственной культуры по отношению к «чужой». При таких обстоятельствах важна межкультурная коммуникация, которая, как мы видим, не сводится к разнице в языковой среде. Именно культурные отличия и позиция восприятия чужеродных элементов вступают во взаимодействие. Здесь возникает представление о «чужом», которое и становится ключевым понятием к пониманию межкультурной коммуникации.

Третье правило поведения человека в процессе коммуникации идентифицируется также средой обитания и обстоятельствами коммуникации. Мы знаем, что наши поступки и действия зависят от конкретной ситуации, сложившихся обстоятельств и возможности коммуникации. Место пребывания человека (аудитория, кафе, магазин, офис) определяет и конкретизирует линию и модель поведения. Многие молодые люди не готовы вести диалог лицом к лицу. Осознанно или нет, мы все-таки стараемся подстроиться под ситуацию и придерживаться установленных правил поведения, которые будут уместны в данный момент и приняты в культуре. Особенно важно отметить, что от итогов коммуникации могут зависеть решения, которые отразятся не только на одном человеке, а, например, на группе людей, коллегах, близких людях и т. д.

В-четвертых, не маловажно продумывать время взаимодействия с партнерами, коллегами, друзьями, близкими и т. д. Существенное влияние на процесс коммуникации оказывает время и часть суток, в которой происходит взаимодействие. Важно рассчитать время для коммуникации таким образом, чтобы не отягощать временными границами или злоупотреблять временем. Если человек торопится, то коммуникативная модель будет разворачиваться в спешке и может закончиться преждевременно. В разных

культурах вопрос времени играет важное значение. Так, американская и английская культуры уделяют этому значительное внимание. Они отдают должное коммуникаторам, способным ценить их время, и четко знают, сколько времени они могут потратить на данную встречу или переговоры. В американской культуре фактор времени имеет особое значение. Так, Холл писал: «Для американцев распределение времени – показатель того, как люди относятся друг к другу, как важны для них дела, и показатель их положения в обществе».

Переходя к пониманию привычек, которые сформировались у молодежи поколения Z в реализации коммуникации и ее восприятия, хочется отметить, что они достаточно близки с миллениалами. Если говорить об общих тенденциях, то они так же динамично применяют многочисленные мессенджеры и социальные сети. Стараются решать вопросы незамедлительно, без лишних разговоров, так как считают, что это лишняя трата времени. При этом они все-таки еще более динамичны. Это связано с тем, что у миллениалов социальные сети и мессенджеры только проходили становление и развитие. В этой среде можно было просто разослать сообщение или позвонить по мобильному телефону, чтобы обменяться мнениями или предать информацию. Поколение Z теперь опережающими темпами распространяет нужную информацию, приложив немного усилий. Сейчас этот путь не так замысловат и сложен. Создание поста в социальной сети убережет от многочисленного оповещения каждого в своем окружении. Зачастую коммуникация осуществляется постоянно, они на связи все время и готовы отвечать и парировать. Только отсутствие связи по техническим или другим причинам может остановить непрекращающийся поток обмена информацией и процесс коммуникации. Как только неполадки будут устранены, «зумеры» быстро находят необходимую информацию и в курсе всех последних событий.

Процесс становления представителей поколения Z осуществлялся, как и ранее. С раннего возраста дети изучают свой родной язык, знакомятся с культурой, которая определяет модель поведения. Далее происходит процесс приобщения к этой культуре посредством взаимодействия с родными людьми и носителями иностранной культуры. Ценности и нормативные установки тоже закладываются в детском возрасте, зачастую формируясь на контрасте той среды, в которой происходит это становление. Познание мира происходит у поколения Z гораздо более быстрыми темпами. Это определяет их информационную насыщенность и расставление приоритетов в способах получения информации. С раннего возраста они уже готовы избирательно общаться и выбирают интересные источники информации. В итоге формируется ценностная установка по отношению к миру, при которой все предметы и явления рассматриваются им в соответствии с критериями зна-

чимости и адекватности для его жизни. Каждому объекту присваивается качественная характеристика и установленная ценность для конкретного индивида. В результате складывается полное ценностное отношение человека к миру, близким и окружающим людям, а также к конкретной ситуации и обстоятельствам. Традиционно это происходит в семье, и прививаются уже сложившиеся взгляды и позиции, однако это не всегда про новое поколение. Несмотря на попытки со стороны близки воздействовать на формирование, существует обратная сторона, которая порой дает противоположную точку зрения и вполне хорошо уживается в сознании молодежи, в котором некоторые явления человеческой жизни имеют для нее смысл и значение. Когда мы говорим о поколении Z, мы должны понимать, что они выросли в семье, где параметры возраста их родителей отличаются от 20 до 40 лет. В этом контексте ценности будут меняться и установки на определенные модели коммуникации тоже.

В сознании человека параллельно существует множество ценностей, поэтому правильно говорить о системе ценностей, так как они существуют не случайно, а упорядоченно. Формируемая в ценностях окружающего мира опора на традиции, нормы и обычаи закладывает систему базовых и общепринятых ценностей, которые и будут определять вектор жизни.

В процессе межкультурной коммуникации обнаруживается принципиальная разница между тем, как одни и те же ценности и нормы трактуются представителями разных культур. В большинстве своем, они носят общечеловеческий характер и понятны большинству как по трактовке, так и по содержанию и оценке. Иногда их обозначают как универсальные ценности. Это обусловлено тем, что в них сконцентрированы биологические признаки человека и опыт взаимодействия друг с другом предыдущих поколений. Мы все одинаково понимаем, что плохо обижать, унижать, убивать, воровать и т. д. Трудно найти культуру, которая будет это опровергать и поддерживать. Когда мы рассматриваем культуру как систему ценностей, мы можем антропологически выделить или классифицировать четыре основные группы ценностей: художественная культура (духовная), повседневность, идеология и религия. В общении молодежи чаще всего транслируются ценности, которые мы относим к повседневности. Эта сфера в межкультурной коммуникации является ключевой и самой ранней по истории возникновения и формирования ценностных установок культуры.

Когда мы характеризуем поколение Z, то сразу надо отметить, что эти дети выросли в Интернет-среде. Она им знакома с самого раннего их этапа становления. Именно в этой среде они чувствуют себя комфортно и уверенно. Они легко справляются с преодолением технических трудностей, поиском информации и обменом с «друзьями» по сети или мессенджеру. Есть мнение, что привычные формы коммуникации им не нужны, сетевое взаимодействие ничуть не хуже личного. Для такого понимания тоже есть свои

объяснения. Молодое поколение чувствует себя защищенным, находясь по ту сторону гаджета. Иногда просто не выработан опыт взаимодействия. Конечно, с переходом в более зрелый возраст эти вопросы могут решиться, но в процессе развития личности Интернет играет формирующую роль.

Смена поколенческих установок происходит под влиянием исторических и социальных событий, которые изменяют созданный менталитет в определенной логической последовательности. Таким образом, история и происходившие события сформировали обновленное поколение. Для нашей страны эти рубежи отмечаются 1991 годом, сопровождающимся дальнейшим противостоянием в политике и военными конфликтами, идеологическими разногласиями, – и все это на фоне продвигающейся быстрыми темпами информатизации, а далее и цифровизации, модернизации и глобализации. Этот период также характеризуется экономическими потрясениями, нестабильностью и терактами. Поколение Z не представляет, как можно было жить без Интернета, технологий и развернутой сети общения.

Каждое поколение выделяет для себя конкретные архетипы, которые обозначают его роль в обществе. Можно определить такие группы, как:

- пророки;
- кочевники;
- герои;
- артисты;
- шоумены;
- бизнес вумен.

Каждое поколение стремится к идеалу, пытается выстроить процессы таким образом, чтобы они отражали их порывы и желания. Такой переход выражает четыре основные тенденции:

– «культура» – создание новой культуры: это выражается в формировании фундамента для цивилизационного уровня. Этому стремится достичь творческая элита;

– «эмоции» – наращивание эмоционального фона и восприятия культуры для возможной манипуляции, может использоваться политиками и политтехнологами;

– «наука» – прогрессивный взгляд исследователей и мыслителей, которые способны корректировать те изменения, которые формируют предыдущие группы, их позиция независимая, но при этом ключевая;

– «информация» – группа, в которой осуществляется переход от знакомства с наукой в информационную плоскость, когда пытаются логически объяснить каждый феномен культуры.

В этом контексте мы понимаем, что поколение Z в своей смене мировоззренческих парадигм – не исключение. Стремление создать вокруг себя идеальные формы реализации культуры не случайны: сформировать новые

мировоззренческие позиции и установки, как следствие обновленной культуры. История культуры нашего государства знает такие примеры и переходы культуры в новое состояние. В такие периоды (Золотой век, Серебряный век) понимаешь, насколько прогрессивными могут быть идеи, выдвинутые поколением, заинтересованным в обновлении.

Конечно, смена поколений происходит не внезапно. Этому предшествует взаимное проникновение ценностей и норм близких поколений, в которых происходит поступательное смещение приоритетов. Традиционно новое поколение несет на себе отпечаток установок старшего поколения в лице дедушек и бабушек, своих родителей, но в процесс еще включается окружающая молодежная среда. Не исключено, что с возрастом новое поколение, в том числе и поколение Z, выйдет на общие универсальные ценности, не выпячивая уже свою индивидуальность, и осознанно примет устоявшиеся правила и модели. Надо понимать, что лидерские задатки нового поколения с расширенными знаниями и возможностями не пропадут. Они могут быть реализованы и в профессиональной деятельности.

Сегодня у нас есть возможность найти информацию о том, что было в мечтах и порывах предыдущих поколений. Историко-культурный анализ заявляет об этом в каждой характеристике нового этапа смещения мировоззренческих установок. Новое поколение Z не всегда понимает смысл тех или иных действий, которые были приняты ранее в качестве установок. Все традиционные формы воспитания и образования кажутся им архаичными, так как использование цифровых возможностей открывает этот доступ. Новое поколение сознательно оберегает себя от ненужной информации, потому что пытается понять собственные интеллектуальные ресурсы. Таким способом они пытаются сформулировать четкие жизненные цели и позиции, основанные как на традиционных представлениях, так и с использованием полученной информации при коммуникации с ровесниками. Этот процесс осознания полезен, он демонстрирует проявления зрелой личности и желание полной реализации собственных возможностей. Для них важно собственное признание себя как состоявшихся и сформировавшихся личностей. Таким образом, формируется собственная культурная поколенческая традиция.

Новаторские формы и направления не уменьшают значения культуры. Несмотря на предпочтение изменений, реалистичное отношение превзойдет рациональное понимание, сместив его на ступень ниже. Если мы затронем образовательный процесс, то многие технологии для них кажутся невыполнимыми. Причина кроется не в том, что они не справятся, а в том, что они не осознают значимость этого процесса для своей будущей жизни (сдача ЕГЭ, изучение «ненужных» для будущей профессии дисциплин, написание текстов вручную, а не при помощи компьютера и т. д.).

Опираясь на свой потенциал, навыки и умения, молодое поколение старается преодолевать трудности спокойно и рассудительно. Они понимают, что нет необходимости растрачивать свою энергию впустую, если это не принесет какой-то реальный выход. Выстраивание мира вокруг себя – это важная задача, которая стоит перед ними. Интернет становится не просто технологией, это среда обитания, которая выступает в качестве социализации и источника развития. Ареал развития и становления определяется онлайн- и офлайн-средой.

Долгий период модернизации и глобализации, мультикультурализма, правильно вписал в сознание молодого поколения стремление к толерантной коммуникации, определил некоторые сдвиги в обществе. Успех данных процессов отнюдь не во всеобщем миролюбии и доверии, скорее это нежелание ранить себя, но речь не идет о равнодушии. Поколение Z не избегает кодексов, правил и моделей поведения в обществе. Они готовы создавать и творить, причем проявлять свою креативность во всех сферах деятельности. Не исключением становятся и моральные установки. При этом они вполне мобильны и готовы меняться. В связи с быстро сменяющимися условиями молодежь находится в степени готовности подстраиваться к грядущим переменам. Именно по этой причине многие считают поколение Z непостоянным и меняющим свои установки и позиции. Эта гибкость важна в первую очередь для них самих. Надо отметить, что это поколение не будет страшиться отсутствия уверенности и стабильности в завтрашнем дне: образование навсегда и постоянная работа, наличие увлечений и интересов. Главное, чтобы все нововведения в их жизни не противоречили их внутреннему укладу.

Оценивая тактику поведения в процессе коммуникации, надо сказать, что молодежь не проявляет агрессии при отстаивании своих прав и интересов. Самый простой способ показать свое несогласие – это игнорирование процесса и людей. В общении последние годы отмечается желание к сотрудничеству и объединение на почве общих интересов. Желание выделиться не исчезает, а перерастает в здоровую конкуренцию. Общение становится более многогранным, но строится по принципу пользования Интернет-ресурсами. Если человек интересен, то он в «друзьях», если нет, его просто «удаляют». Молодежь ориентирована на результат, поэтому общение нацелено на сохранение материальных благ и эмоционального состояния. Здесь важно не переходить границы личного пространства.

Современные запросы к качеству жизни у молодежи велики. В процессе коммуникации многие пытаются решить эти запросы: участвуют в подработке, ходят на собеседования, пытаются подрабатывать во время учебы, часть потребностей удовлетворяется за счет родителей. Если считать, что возраст поколения Z – 20-25 лет, то оно уже является полноценным работником. В рамках трудовой деятельности молодежи такой возрастной

категории проще вступать в общение посредством переписки, чем звонку по телефону. В основном, они стремятся найти работу в компаниях, которые могут работать удаленно или в виртуальном пространстве. Авторы теории поколений говорят о том, что многие характерные черты и склонности, особенности поведения людей способны обозначить их позиции в экономическом поле. Это зависит от времени рождения и этапа, который господствовал в экономике и отразился на семье и ее финансовой стабильности. Так, родители поколения Z столкнулись со сложностями переходного периода, когда приходилось рассчитывать только на себя. Новое поколение выросло в этих условиях, и на своем становлении оно прочувствовало это. Именно поэтому они и делают ставку только на себя и свой потенциал, формируя свои установки. Индивидуальность и самостоятельность стала для них определяющим состоянием в современном мире. Многие молодые люди только начали свой трудовой путь и, если работодатель заинтересован в коммуникации и исполнении рабочих функций, задача должна быть поставлена интересная, а иногда и сложная. В поиске решения этой задачи они видят для себя знакомство с информацией, обретение новых знаний и компетенций, которые пригодятся далее в работе. Критиковать их за неисполнение или ошибки бесполезно: это может быть болезненно воспринято. Только конструктивные замечания и указания будут реализованы. Если мы говорим о стиле руководства, то молодежи Z лучше подойдет руководитель, который способен завоевать авторитет и проявить свои профессиональные навыки. Немаловажно хвалить и поощрять, чтобы рабочий процесс был продуктивным.

Поколение Z – это творческое поколение, которое способно жить и творить в цифровой среде. В коммуникативном пространстве они избирают свой, понятный язык. Благодаря им, русский язык стал значительно проще. Их лексикон постоянно наполняется новой терминологией. Они заимствованы из ИТ-сферы и английского языка. В процессе адаптации и русификации фразы видоизменяются и часто сокращаются. Они привыкли полагаться не только на чужое мнение, но и самостоятельно проверять все позиции и аргументы. В коммуникации хотят, чтобы слышали их мнение или спрашивали его, тогда они считают себя полноценными участниками процесса.

Хочется отдельно охарактеризовать процесс обучения, который молодое поколение считает важным. Однако они придают ему свое особенное значение. В данном вопросе они четко знают, что им нужно, так как доступ к информационной среде широкий, и они самостоятельно могут определить для себя траекторию образовательного процесса. В процессе обучения в школе они проявляют интерес к предметам, которые формируют их кругозор. Говоря о высшей школе, молодежь будет стремиться получить больше практико-ориентированных навыков, и с этим тесно связан коммуникативный процесс, который осуществляется при обучении. С интересом будут

осваивать научные труды и погружаться в исследовательскую деятельность. При таких запросах система образования начинает трансформироваться и изменяться, внедряя востребованные технологии. При освоении программы представители поколения Z опираются на чувства и эмоции. В процессе общения молодежь очень эмоциональна, иногда считают, что и сдерживать себя не надо. Надо помнить, что они визуалы и быстрее воспринимают информацию глазами. Максимальное количество презентаций, наглядных пособий, видеороликов и прочее – вот актуальная методическая часть при подготовке нового поколения.

Поколение Z относится к Интернету как к неотъемлемой части процесса коммуникации. Оно очень рано приобщается к информационным технологиям, причем не без участия родителей. Сегодня многим родителям удобно дать в пользование какой-то гаджет, чтобы освободить себе какое-то время для работы или домашних дел. Многие дети уже к году знают, как пользоваться смартфоном, и безошибочно определяют то, что им надо. Они проходят становление на глазах у Интернета. Это определяет их позицию открытости всем в своих аккаунтах и желание делиться событиями, происходящими с ними – событиями как личными, так и профессиональными. Они готовы проводить в Интернет-пространстве практически все свободное время. Причем, это время отводится не только социальным сетям: это обучение и социальные сети, проведение досуга и видео-общение и прочая реализация интересов. Как правило, малая часть молодежи смотрит телевидение, редко слушает радио, еще реже приобретает печатную продукцию.

Вся информация приходит из Интернета. За последние 10 лет получили распространение мессенджеры и видеохостинги, которые могут реализовать процесс общения, обмен мнениями. Наиболее распространенными в нашей стране являются: WhatsApp, Viber и Telegram (что было ожидаемо), а тотальным лидером среди видеохостингов выступает YouTube. Лаура Дорнхайм, эксперт по информационной безопасности eueo немецкой компании-разработчика Adblock Plus, пояснила, что молодежь проводит в Интернете не менее 6 часов в сутки. Помимо обозначенных популярных мессенджеров существуют и другие ресурсы, в которых молодое поколение может найти себе друзей, единомышленников, почитателей и т. д. К ним можно отнести популярный ресурс Instagram и последние несколько лет завладел их вниманием TikTok-приложение из Китая. Большая часть подростков проводит именно в TikTok-приложении сегодня более часа в день. Молодежь негативно относится к рекламе, которая транслируется в СМИ. Они готовы оплачивать подписки онлайн-сервисов, чтобы избежать просмотра рекламы. К таким подпискам относятся Netflix, ivi, Megogo и Amediateka, а также музыкальные стриминговые приложения, среди которых – Boom, Spotify, Яндекс-музыка и др. Как показывает практика, поколение Z отли-

чает желание смотреть и слушать контент хорошего качества. Этот аргумент для них является определяющим. Они гораздо чаще выражают готовность оплачивать эти ресурсы, в отличие от более старшего поколения, которое готово довольствоваться не всегда высоким качеством просматриваемой и прослушиваемой продукции. Маркетинговая политика данных ресурсов принимает во внимание этот тренд, поэтому предоставляет льготные подписки как обучающимся школ и вузов.

Если мы говорим об обучающихся, то большим спросом будут пользоваться поисковые системы, среди которых распространен Google-поиск, Яндекс и Mail.ru. Каждая из них будут использоваться по-разному, в зависимости от удобства системы навигации и возможности работать с материалом. Все студенты считают, что в таком качестве Интернет – одно из самых полезных открытий. Обучающиеся могут формировать беседы/чаты и делиться заданием, работами, мнениями по выполнению и прочей полезной для их деятельности информацией. Несмотря на тотальное погружение в Интернет-реальность, молодежь не считает, что это негативно отразится на их здоровье. В первую очередь, они считают, что речь идет о зависимости, забывая, что чаще всего это ущерб зрения, сердца, осанки, нервов. Сложность вызывает и социализация подростков, которая проходит посредством ресурсов Интернета, которые очень часто не контролируются со стороны взрослых и родителей, несмотря на предоставление провайдерами услуги родительского контроля просматриваемых подростком сайтов. Часто молодежь жалуется на нехватку времени на реальную жизнь и реальные задачи. Зарубежные исследователи ориентированы в последние годы на изучение динамики воздействия Интернета и его ресурсов на молодое поколение. Есть работы, которые рассматривают эти процессы в разрезе социокультурных особенностей конкретной культуры и страны.

Мы сталкиваемся с вопросами цензуры в виртуальном пространстве, а также не рекомендуемого к просмотру молодым поколением контента. Эти вопросы актуализируются при рассмотрении манипулятивных технологий при взаимодействии с подрастающим поколением. Актуальность такого рода исследований объясняется еще и угрозами национальной безопасности страны. Зачастую, информация, размещенная в сети, может оказаться лживой или «фейком», который умело используют для манипуляции сознанием, поведением, формированием агрессивных состояний. Увеличение информационных потоков в Интернет-среде не всегда позволяет отслеживать актуальную и подлинную информацию.

В общении в виртуальном мире зачастую не соблюдаются правила речи и языка, грамматики и пунктуации. Большинство перешло на обмен «смайликами», или «эмодзи», которые практически вытеснили реальное общение. Виртуальная жизнь идеализирует биографию многих (например,

блогеров в Instagram, которые выставляют свою жизнь напоказ подписчикам посредством публикаций и сторис). Эта позиция искривляет понимание о ценностях и моральных установках. Молодежь воспринимает это как руководство к действию, видит красивую картинку, не обремененную бытовыми и иными проблемами, и проводит параллель со своей жизнью и выставленной в аккаунте информацией. Они чувствуют себя обделенными, если не получают ответной реакции на размещенный материал. Это приводит к зависимости от «лайков» и расстройств нервной системы. Согласно последним исследованиям, социальные сети в нашей стране пользуются высокой популярностью по сравнению с другими государствами. Для более зрелого поколения большое знание приобретает влияние Интернета и социальных сетей на формирование личности нового поколения. Согласно социологическим исследованиям, можно классифицировать на группы молодых людей, которые подвержены цифровой Интернет-манипуляции. Это такие группы, как «агитаторы» – легко поддаются всем лозунгам, провозглашаемому в Интернете, как правило, их незначительное количество; «активисты» - молодежь, готовая проявлять или имитировать деятельность, так как так надо, пока они молодые; «осторожные» – понимающие, что есть риски в проявлении инициативности, поэтому с осторожностью оценивающие все происходящее в сети; «рационализаторы» – взвешенно подходят к принятию решений, тщательно проверяя информацию, и «пассив» – равнодушная молодежь, не готовая прислушиваться лозунгам и, тем более, идти за массами.

Формируемая реальность в Интернет-среде переключает сознание молодежи в параллельную реальность. Иногда они не способны трезво оценить ситуацию и воспринимают все вокруг происходящее всерьез. Для психологов эти проблемы выходят на главную позицию. Большие потоки информации не дают возможность воспринимать ее гибко, так она может подавлять мыслительный и аналитический процесс, что для молодого поколения чрезвычайно важно.

Современные исследователи, такие как: И. М. Ильинский, Ю. А. Зубок, В. И. Чупров, Е. Л. Омельченко и др., говорят о факторе риска развития молодежи. В XXI веке происходит трансформация социокультурных институтов – информатизация и цифровизация. Эти процессы стали объединяющими для молодежной среды и старшего поколения. При этом многие вопросы, которые связаны с поддержкой молодежи, иногда оказываются популистскими и нереальными. Несмотря на это, ряд программ, ориентированных на молодежь в виде грантов, проектов и других форм поддержки, присутствуют. Осознанное манипулирование изменило магистральный принцип обмена социально-коммуникативным опытом между поколениями. Надо признать, что существовавшее противостояние между поколениями присутствовало всегда. В данный период наблюдается разрыв, который

помимо установок нормы и морали имеет под собой и технологический контекст.

Интернет во многом расширил границы общения молодежи разных стран. Молодые люди по-прежнему будут общаться и взаимодействовать с иностранными коллегами и друзьями на международном поле. Сегодня в проблеме международных отношений доминируют две точки зрения. Некоторые специалисты уверены, что международный разрыв продолжается в глобальной проблеме (M. Med, S. N. Parkinson). Часть авторов говорят о циклическом характере конфликтов в международной среде. (X. Ортега-Гассет). Главный посыл – только общение и коммуникация смогут преодолеть все противоборствующие компоненты и смогут вывести это взаимодействие на новый этап. Учитывая цифровой характер культуры во всех странах, этот процесс общения может существенно ускориться. Ученые полагают, что тесное взаимодействие и коммуникации способны вывести на новый партнерский и дружеский уровень международные контакты. При этом надо обязательно сформировать представления об общих позициях, с похожими условиями объединения и жизнедеятельности, потребностями и ценностями.

Э. Дюркгейм считал, что каждый человек несет на себе отпечаток определенного социального существа, следовательно, целью воспитания становится выработка этих «следов» в каждом индивиде. Он настаивал, что именно семья способна повлиять на развитие и научить правильно коммуницировать. В случаях, когда ребенок не способен наладить контакт со сверстниками, он должен делиться мнением с родителями. Проба такого ощущения накладывает отпечаток на взаимодействие с окружающими, иными словами, приобретается нужный опыт. Но в условиях современной ситуации, надо сказать, что молодое поколение Z выросло с родителями, которые не всегда осознают значимость общения и, в силу своей занятости, не уделяют этому процессу достаточно времени. Родительское общение не должно ограничиваться просто общими темами и поверхностной информацией. Здесь важно уделить внимание еще одному аспекту – патриотическому воспитанию. Этот аспект тоже требует отдельной проработки, поскольку объем информации разного провокационного характера велик, причем он может не идентифицироваться и не осознаваться молодым поколением. Важно вовремя и правильно направить в нужное русло знакомства с соответствующей литературой, кинохроникой и кинопродукцией. Развитие патриотических чувств сводятся не только к глобальным масштабам любви к Родине, но и малой родине, семье и близким людям. В процессе международного общения контекст патриотизма будет очень уместен, если не переходит границы.

Молодежь с удовольствием проникается рассказами, связанными с их семьей и родом. Такая информация нередко также присутствует в Интернете, к примеру, информация о родственниках, погибших в период Великой Отечественной войны. Трансляционная функция культуры приходит на помощь в передачи данной информации подрастающему поколению. Как правило, она включает знания о традициях, обычаях, ритуалах, религиозном мировоззрении, национальной принадлежности, повседневном опыте данной семьи. Таким образом, общение выполняет функцию нравственного воспитания. Общение сокращает дистанцию между поколениями, объединяет их в порыве заботы друг о друге. Сложные жизненные ситуации показывают нам, что мы не можем обойтись без поддержки и помощи друг друга. В современных условиях финансовой нестабильности поддержание коммуникации детей с родителями имеет важное значение. Сейчас многие родители не имеют должной финансовой поддержки, и дети ее оказывают.

Дети нового поколения уже не смогут отказаться от цифровой среды, в которой они находятся. Молодежь не представляет себе жизни без новых информационных технологий и тех возможностей, которые открывают для них целый мир. Для зрелого поколения такой привязки не существует. «Зумеры» погружены в процесс освоения технологий каждый день, тогда как старшее поколение такого опыта не имело, но был опыт подмены телевидением книжных и газетно-журнальных форм. Несмотря на это, молодежь не считает нужным становиться частью группы, в которой за них будет принято решение. Свое мнение они выражают настойчиво и могут аргументированно отстоять его.

Теперь юное поколение «пользователей» задействует все средства для коммуникации, проводит длительное время онлайн в социальных сетях, играет в онлайн-игры, постоянно делится событиями из своей жизни в блогах. Специалистами отмечено, что они взрослеют быстрее, чем дети предыдущих поколений. Девочки уже не играют в куклы до 11-12 лет. Теперь этот возраст ограничивается максимум 6 годами.

Американский детский психолог Постник-Гудвин описывает Поколение Z: «они предпочли бы сообщение разговору. Они общаются онлайн часто с друзьями, которых никогда не встречали. Они редко бывают на улице, если только родители не организуют их свободное время. Они не могут представить себе жизнь без сотовых телефонов. Они никогда не видели мира без высоких технологий. Они предпочитают компьютеры, а не книги, и стараются добиться немедленных результатов во всем. Они выросли в эпоху экономической депрессии, и все, что от них ожидается, – это успех. Большинство из них очень быстро взрослеет, видя себя старше своих лет». Сложностью для взрослых иногда представляется ситуация, в которой трудно объяснить тот факт, что не все исполненное в виртуальном мире можно перенести в реальную жизнь.

Тенденции последних лет смело заявляют, что дети напрямую связаны с Интернетом и коммуникацией в нем. С раннего возраста они погружаются в него. Теперь для детей, которым 3-4 года, он заменяет телевизор. Все мультипликационные фильмы, игры есть в сети. В этой связи будут формироваться новые формы взаимодействия и коммуникации при помощи Интернета. Они будут гораздо шире, так как увеличивается запрос потребителей. Более того, ситуация с пандемией показала, что очень многие процессы и формы работы можно перенести в Интернет, и удаленная коммуникация также стала открывать новые возможности для всех. Теперь стало не сложно попасть практически в любой музей мира, виртуальную библиотеку, театр или совершить виртуальное путешествие.

Психологи уверяют, что ошибочно считать, что виртуальное общение способствует установлению общения между людьми. Поэтому по спецификациям нового сетевого способа коммуникации с окружающим миром, который доступен и востребован сегодня, следуют дальнейшие психологические характеристики молодого поколения «зумеров». Молодежь оказывается более прагматичной, что может существенно увеличить дистанцию между поколениями. Наша задача – создать гармоничное и уравновешенное понимание, что развитие технологий, прогресс, возможность общения в сети не должно заменять полноценное общение с близкими людьми и профессиональным сообществом.

ГЛАВА III. МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ОЖИДАНИЯ, РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОКОЛЕНИЯ Z

3.1. Молодежная политика в условиях коронакризиса

Последние несколько лет фиксируется высокий запрос молодежи на трансформацию подходов к реализации молодежной политики. Данная тема находится в фокусе внимания Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), региональных органов государственной власти в сфере молодежной политики и некоммерческих организаций. Современные процессы глобализации в условиях тотальной информационной цифровизации требуют от современной России расстановки стратегических приоритетов, в числе которых – молодежная политика как ключевой фактор общественно-политического развития и социальных изменений, которая должна занимать одно из ведущих мест [Ретинская].

Вектор развития стал меняться еще до коронакризиса, и появились новые формы и направления работы с молодежью. Стали активно использоваться социальные сети, помимо обычного набора наиболее популярных сетей ВКонтакте и Инстаграм добавились новые форматы на YouTube, в TikTok, в том числе с привлечением популярных в молодежной среде блогеров. Активнее стали использоваться формы непосредственного общения через мессенджеры. Появились десятки тематических Телеграм-каналов, как с общероссийской, так и местной повесткой. Все эти направления получили новый импульс и стали внедряться более интенсивно в начале 2020 года, после объявления вынужденной изоляции.

Молодежь, впервые за новейшую историю России, да и в мировой практике, оказалась отрезана не только от представителей своего же поколения, но и от остального социума. Традиционные форматы проведения воспитательной работы, содержательного досуга совершенно не вписывались в новые условия. Система начала перестраиваться, и быстрее всего это произошло у сферы образования, а не молодежной политики. Дистанционное образование по всей стране заработало уже в течение двух недель с момента объявления всеобщего карантина. Вузы давно используют цифровые платформы, в которые включены студенты, и первыми смогли перестроиться на новый формат взаимодействия с молодежью.

Первые полноценные мероприятия: форумы, социальные акции, круглые столы и т. п. в дистанционном формате стали проводиться только через 2 месяца после начала пандемии. Сфера молодежной политики оказалась не готова быстро отреагировать на изменение формата мероприятий, а первые проведенные проекты стали намного менее популярны, чем их традиционные (очные) аналоги.

Вопросы эффективности работы органов по работе с молодежью, соответствия форматов реализации задач реальным ожиданиям молодежи находятся в фокусе внимания исследователей. Вынужденное интенсивное изменение подходов в работе актуализировало данную тему и такого рода исследования получают высокое прикладное значение, так как четкого понимания механизмов дальнейшего развития системы в настоящее время не разработано. Совершенно точно понятно, что подходы должны меняться, и завершение пандемии не остановит процесс цифровизации всех сфер жизни, в том числе и молодежной политики. Стоит разобраться, в каком направлении может осуществляться трансформация молодежной политики и как это повлияет на эффективность ее реализации.

В 2019 году численность уникальных пользователей, посетивших официальный сайт регионального органа исполнительной власти, реализующего государственную молодежную политику, составила более 16,7 млн человек. При этом количество упоминаний регионального органа исполнительной власти, реализующего государственную молодежную политику в Интернет-СМИ, составило более 218 тысяч, а численность подписчиков сообществ в социальных сетях – более 2,7 млн человек при более, чем 300 тысячах публикаций [Федеральное статистическое наблюдение в сфере государственной молодежной политики за 2019 год]. Данные достаточно скромные при численности молодежи на 1 января 2020 года 27,3 млн человек и возможности неограниченного количества контактов одного молодого человека с различными социальными сетями. Практически все органы по работе с молодежью представлены в двух, наиболее популярных у молодежи, социальных сетях: ВКонтакте и Инстаграм. Соответственно, численность подписчиков и количество публикаций (так как контент в каждой социальной сети повторяется) необходимо делить минимум на два, и мы получим чуть больше 1 миллиона человек, что составляет около 4% от общей численности молодежи. Учитывая количество подписчиков популярных в молодежной среде блогеров, составляющее более миллиона человек у каждого, данный показатель не позволяет говорить о широком представительстве органов по работе с молодежью в социальных сетях.

В данном аспекте необходимо учитывать несколько факторов: размещаемый контент не работает на целевую аудиторию; слабая работа информационных служб и нехватка специалистов в данной области; низкая степень обновляемости информации; отсутствие продвижения через рекламные возможности, в том числе у популярных в молодежной среде блогеров, и другие. Все эти проблемы не дают возможности органам по работе с молодежью эффективно доносить информацию до своей аудитории и массово вовлекать молодежь различных возрастов и социального положения в орбиту задач молодежной политики.

Рассмотрим примеры проведения мероприятий для молодежи на федеральном и региональном уровне в 2020 году в новом интерактивном формате.

Наиболее заметными всероссийскими молодежными мероприятиями стали: Всероссийский конкурс для учеников 8-10 классов «Большая перемена», празднование 5-летия «Российского движения школьников», фестиваль «Таврида ART MOSCOW», национальная премия «Студент года – 2020» и другие.

Конкурс «Большая перемена» прошел в мае-июне 2020 года в онлайн-формате и включал разные мероприятия, получившие большое количество просмотров пользователей. Более 2 млн – церемония закрытия, более 1,2 млн просмотров – открытие конкурса. Однако оба этих мероприятия были в форме обычной трансляции мероприятия, проведенного в очной форме, как и все остальные мероприятия в рамках конкурса. Полноценным онлайн-мероприятием назвать такой формат невозможно. В новом формате прошел фестиваль «Большая перемена», который состоялся 1 июня в течение 16-ти часов и собрал более 7,5 млн просмотров ВКонтакте. Здесь были и интерактивы, и интервью, и выступления, и образовательные треки, и презентации проектов, и ток-шоу, и мастер-классы, и интервью с известными актерами, политиками, общественными деятелями, и многое другое, что и привлекло такую огромную аудиторию участников. Именно этот фестиваль стал примером для многих регионов в проведении своих онлайн-мероприятий более позднего периода.

В рамках празднования пятилетия Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников» 29 октября в социальной сети ВКонтакте прошел онлайн-марафон. Количество просмотров – более 300 тысяч. В программе – интервью с известными политиками, общественными деятелями, отчет о работе, поздравления и пожелания. Интерактивных форм коммуникации с участниками не предполагалось.

Финал Российской национальной премии «Студент года – 2020» также прошел в онлайн-формате. Финальные испытания премии включают несколько конкурсных заданий: самопрезентацию, тестирования, мастер-классы, дебаты, решение кейсовых заданий и баттлы. В 60-ти регионах были организованы площадки-студии для подключения финалистов к работе премии, где прошли конкурсные испытания по номинациям с экспертами премии в формате онлайн-встреч. Некоторые из них транслировались в открытом доступе, однако расценивать данный формат проведения как полноценное онлайн-мероприятие не представляется возможным.

В такой же форме прошел и всероссийский конкурс молодежных авторских проектов и проектов в сфере образования, направленных на социально-экономическое развитие российских территорий «Моя страна – Моя

Россия». Заочный этап состоялся с помощью онлайн-платформы <https://moyastrana.ru>, где участники смогли прикрепить свои проекты и необходимые данные. Очный этап – на платформе ZOOM с защитой проектов участников экспертному совету конкурса. Трансляция мероприятий в открытом доступе не проводилась, отдельные встречи с экспертами и образовательные треки размещены в официальной группе конкурса в социальных сетях, однако количество просмотров незначительно.

В особом формате с 6 по 11 ноября 2020 года состоялись девятнадцатые молодежные Дельфийские игры России, которые стали первым дельфийским мероприятием, проведенным полностью в дистанционном формате. Онлайн-элементы применяются в играх не первый раз, но перевод в цифровую среду абсолютно всех организационных и творческих процессов впервые произошел в 2020 году. Основным информационно-организационным ресурсом выбран Телеграм-канал Дельфийских игр t.me/delphic_games. Участники исполнительских номинаций, например, фортепиано или эстрадное пение, предварительно предоставляли видеозаписи своих выступлений, а соревнующиеся в изобразительном искусстве и дизайне одежды, помимо фотографий и презентаций итоговых работ, направляли сплошную видеозапись всего рабочего процесса. Именно это оценивали эксперты, а материалы размещались в официальном канале, в котором более 1,1 тысяч подписчиков. Все награды победители игр этого года тоже получают в электронном виде.

Большинство мероприятий для молодежи, организованных Росмолодежью, либо поддержанных агентством в 2020 году, прошли в традиционном формате (либо просто размещались в социальных сетях как видеозаписи). Некоторые проекты имеют свои онлайн-площадки, которые, однако, не пользуются большой популярностью и интересны для узкого сегмента пользователей в соответствии со своей тематикой. Рассмотрим наиболее интересные форматы.

Всероссийский молодежный образовательный форум «Территория смыслов» прошел с 18 июля по 2 сентября одновременно в очном и онлайн-формате. За каждым офлайн-участником форума было закреплено по три онлайн-участника – цифровых аватара. К старту форума была специально создана онлайн-платформа «ТС База». Благодаря этому, онлайн-участники смогли участвовать в занятиях, задавать вопросы спикерам и гостям через платформу. Всего предусмотрено три онлайн-формата. Первый – цифровые аватары, то есть молодые люди, которые будут в режиме онлайн участвовать в работе форума, объединившись в команды с теми, кто лично находится на «Территории смыслов». Второй формат – онлайн-участники, которые смогут через Интернет общаться со спикерами форума, третий – «вольные слушатели», которые будут в режиме онлайн просматривать трансляции мероприятий.

Организаторы заявили, что в рамках форума «Территория смыслов» был проведен почти миллион прямых эфиров. Вместе с тем количество участников мероприятий форума было не большим: 1200 офлайн- и 3600 работали в онлайн-командах. Еще несколько тысяч человек подключались к трансляциям прямых эфиров [Итоги форума «Территория смыслов»].

Форум молодых политологов России «Дигория» прошел в двух форматах – очном и дистанционном. При этом две формы проведения никак не были связаны (в том числе по периоду проведения) и представляли собой, по сути два различных мероприятия со своими спикерами. Дистанционный формат предполагал общение со спикерами на платформе ZOOM.

Проводились Федеральным агентством и онлайн-вебинары грантового конкурса молодежных инициатив, где участники в режиме онлайн смогли получить информацию о порядке участия в грантовых конкурсах Росмолодежи, а также ценные рекомендации. Всего прошло пять вебинаров в мае 2020 года, каждый из которых предполагал возможность живого диалога с экспертами.

21 октября стартовал шестидневный фестиваль «Таврида ART MOSCOW», основной площадкой которого стала социальная сеть ВКонтакте. В ходе трансляции прошли встречи с резидентами арт-кластера, гала-концерт Национального открытого чемпионата творческих компетенций ArtMasters, кейс-стади, онлайн-квартирник, конференция креативных индустрий, шоу победителей кастинг-платформы «Таврида-АРТ» и концерт ко дню рождения П. И. Чайковского и другие мероприятия. За 6 дней фестиваля проведено 9 прямых эфиров, у которых больше 15 млн просмотров на различных площадках, но в основном ВКонтакте [«Арт кластер "Таврида"»].

Рассмотрим ряд практик в субъектах Российской Федерации по проведению молодежных мероприятий в новом формате в 2020 году, которые прошли наиболее эффективно.

Комитет по молодежной политике Ростовской области с мая по ноябрь 2020 года провел сразу несколько онлайн-мероприятий, либо с применением гибридных форм. Форум «Ростов» проходил как в традиционной форме, так и на онлайн-площадке, форум «Молодая волна» – исключительно онлайн, форум «Эковолонтеры» и другие. Чем больше проводилось мероприятий, тем выше становился их охват и качество подготовки. Эволюция происходила от съемки офлайн-мероприятий и просто их оцифровки на видео до проведения полноценных онлайн-форматов в прямом эфире на разных площадках и с большим количеством различных направлений.

В конце октября 2020 года прошел онлайн-форум «Молодая волна», который в очном формате не состоялся в мае в связи с введенными ограничениями. В данном случае, основной площадкой стала одноименная группа ВКонтакте, а записи лекций и мастер-классов размещались на YouTube-

канале «ONLINE-форум "Молодая Волна" 2020». Количество просмотров каждой записи с видео-лекциями не доходило до 100. Связать это можно с отсутствием специализированной рекламы и продвижения, что было учтено уже при подготовке ко Дню молодежи.

14 ноября 2020 года в Ростовской области проведен онлайн-марафон по празднованию Всемирного дня молодежи. Трансляция велась ВКонтакте, и ее посмотрели более 600 тысяч пользователей. Марафон длился более 7-ми часов и включал различные интерактивы: квиз, розыгрыши фирменного мерча, патриотические викторины, музыкальные и творческие номера, сюжеты о Ростовской области и известных жителях, виртуальные экскурсии, интервью и встречи в студии с популярными в молодежной среде жителями Дона (в том числе – блогерами). Проведение данного онлайн-мероприятия сопровождалось широкой кампанией в социальных сетях по приглашению участников к просмотру (через таргетированную рекламу и сеть органов по работе с молодежью, материалы размещались у популярных блогеров). В рамках марафона нашли свое отражение и были презентованы в интересной форме все направления работы Комитета по молодежной политике Ростовской области и крупнейших общественных организаций.

В Костромской области организованы не такие масштабные онлайн-мероприятия. В регионе организованы онлайн-уроки по предпринимательству, и в течение двух недель своим опытом со школьниками делились авторы успешно действующих бизнес-проектов. Участниками онлайн-уроков стали школьники из девятнадцати муниципальных образований области. Для школьников Костромской области со 2 по 8 ноября 2020 года также прошел бизнес-лагерь «Пора предпринимать!». Для участия в образовательной смене экспертный совет отобрал 20 школьников в возрасте от 14 до 17 лет. Отбор осуществлялся на основе заявок, включающих описание предпринимательской идеи или проекта. Образовательный блок дополнили деловые игры, управленческие поединки и встречи с успешными предпринимателями, а также онлайн-экскурсии на предприятия малого бизнеса региона. Проводились и другие мероприятия, однако все они были для ограниченного круга заранее отобранных участников без трансляции в социальных сетях или на других каналах, и не предполагали какого-либо интерактива с участниками. Популярность таких мероприятий оценить невозможно, охват участников крайне низкий и ограничивается лишь прошедшими отбор.

II Молодежный форум «ЭТНОМУРМАН» прошел в Мурманской области. Форум – открытая площадка для обмена мнениями между представителями активной молодежи и экспертным сообществом в организации практической работы, направленной на развитие межнационального диалога. Интерактив предполагал живое онлайн-общение со спикерами, участники узнали об эффективных методах решения конфликтов, навыках создания блогов и методов использования социальных сетей для продвижения своих

идей. Трансляция мероприятия недоступна и в открытом доступе в социальных сетях не размещалась.

В Красноярском крае в формате онлайн прошел финальный этап регионального молодежного инфраструктурного проекта «Новый фарватер», направленного на выявление лидеров в сфере молодежной политики. На участие в кейсовом чемпионате было подано 1386 заявок. Все участники прошли электронный обучающий курс по технологии решения кейсов, а также приняли участие в тестовом кейс-чемпионате, направленном на решение конкретных задач в сфере молодежной политики. Записи проведения мероприятия в открытом доступе не размещены, как и на официальном сайте органа по работе с молодежью, где ограничились списком победителей.

В Москве проходят онлайн-обучение 1500 волонтеров, тимлидеров и руководителей волонтерских центров. Однако интерактивность не предполагается, а материалы записи доступны лишь зарегистрированным пользователям. В конце сентября прошел первый карьерный онлайн-форум «Практикуй!», который рассказал молодым москвичам о возможностях и секретах построения карьеры. Его участниками стали 1200 человек, а количество просмотров прямых эфиров превысило 15 тысяч человек. В рамках каждого трека для участников прошли лекции, дискуссии и митапы – онлайн-встречи с экспертами. Материалы форума размещены в социальной сети ВКонтакте, однако количество просмотров, учитывая численность молодежи в Москве, незначительно.

Все представленные мероприятия и проекты, а также те, которые были рассмотрены при подготовке анализа, позволяют вывести ряд тенденций в вопросах применения дистанционных форм работы органов по работе с молодежью:

1. Практически все мероприятия не предполагают интерактивного взаимодействия с аудиторией, что является большой проблемой при онлайн-формате проведения, так как быстро теряется концентрация пользователей.

2. Онлайн-мероприятия проходят нон-стоп в течение длительного промежутка времени и могут достигать 16-ти часов. В случае отсутствия возможности после трансляции посмотреть отдельные элементы в записи, данный подход представляется крайне неудобным для целевой аудитории и малоэффективным.

3. Ключевой онлайн-площадкой стала социальная сеть «ВКонтакте», которую использует абсолютное большинство организаторов мероприятий. В первую очередь, это можно связать с большой аудиторией молодежи до 24-х лет, простотой сервисов и возможностью использовать их бесплатно, а также достаточно низкой стоимостью рекламного продвижения. Данная социальная сеть дает возможность вести многочасовые прямые трансляции и сохранять записи для дальнейшего просмотра.

4. Рост количества просмотров и охвата участников зависит от интересного контента, масштабности рекламы и интерактивности (возможности «живого» участия).

5. Отсутствие рекламы и продвижения материалов в социальных сетях нивелируют любые усилия по проведению мероприятия, особенно не обладающего своей устойчивой аудиторией. Это приводит к низкому охвату аудитории.

6. Событие, которое может иметь большую популярность пользователей, должно быть выполнено как на высоком техническом, так и смысловом уровнях.

В проведении онлайн-мероприятий для молодежи можно выделить ряд существенных плюсов: неограниченность аудитории участников, в том числе из других регионов и стран; отсутствие необходимости обеспечивать доставку участников из отдаленных территорий и обеспечивать их проживание, сопровождение и т. п.; возможность неоднократного использования подготовленных материалов и их просмотра молодежью в записи; более широкие возможности привлечения экспертов любого уровня; привлекательная для молодежи форма подачи материала (в случае качественной подготовки).

Несмотря на значительные сильные стороны, можно выделить и серьезные недостатки: необходимость качественной связи и оборудования для просмотра (в сельской местности не всегда такая возможность присутствует); невозможность полноценного погружения молодого человека в процесс проведения мероприятия и создания условий для личного знакомства для последующих контактов за рамками события (это направление возможного развития онлайн-форматов); высокие расходы на проведение мероприятия (распространено заблуждение о дешевизне онлайн-мероприятий, однако тщательная и качественная подготовка, насыщенность программы обходятся столько же, или даже дороже, чем традиционные форматы).

Все эти аспекты говорят не только о невозможности перехода в полный онлайн всех мероприятий для молодежи, но и о большом потенциале применения сильных сторон онлайн-формы проведения мероприятия. Будущее за гибридными формами и создания удобных форматов как для очного, так и дистанционного участия в молодежных событиях.

Не только проведение онлайн-мероприятий, но и представительство органов по делам молодежи в других сервисах быстрой коммуникации позволяет сформировать целостную систему информирования молодежи.

Анализ Телеграм-каналов показал крайне слабое представительство молодежной тематики. В целом же Телеграм используют более 15 млн пользователей. Причем больше всего в Телеграм представителей возрастных

групп «25-34» (38%) и «18-24» (27%). Всего же из общей численности аудитории более 71,5% пользователей в возрасте до 34 лет [Telegram Analytics в 2019 году], а это более 10,7 млн человек.

По запросу «молодежь» определяется несколько Телеграм-каналов, наиболее крупный из которых – «Современная молодежь» (23,3 тыс. подписчиков), «НОП – Молодежь и система» (4,6 тыс. подписчиков), «Молодежные парламенты России» (1,6 тыс. подписчиков), «Молодежь России» (1,3 тыс. подписчиков) и каналы с количеством подписчиков менее 1 тысячи человек. Каналы органов по работе с молодежью, в том числе Федерального агентства, охватывают крайне небольшую аудиторию (до 500 человек). Можно сделать вывод, что молодежь активно использует Телеграм, однако не рассматривает его возможности как средство получения информации о реализации молодежной политики. По крайней мере, в настоящее время, так как органы по работе с молодежью не в состоянии сформировать контент для своей целевой аудитории и совершенно не используют потенциал данного мессенджера.

Работа в рамках создания специализированных YouTube-каналов вообще не проводится. Учитывая специфику их работы, создание своих видеопотоков представляется нецелесообразным, однако возможно использовать в качестве каналов информирования уже популярные в молодежной среде каналы, которых создано большое количество.

По данным исследований, 58% россиян являются пользователями видеохостинга YouTube. Четверть россиян пользуются им практически ежедневно – 25%, а каждый пятый (19%) – несколько раз в неделю. Не пользуется сервисом каждый пятый россиянин (20%), что сопоставимо с долей тех, кто в целом не пользуется Интернетом (22%). При этом доля пользователей выше среди россиян младших возрастов: 18-24 лет (88%) и 25-34 лет (90%) [ВЦИОМ]. Более половины аудитории данной сети – молодежь. В ходе мониторинга самых популярных YouTube-каналов удалось установить лишь единичные примеры использования для размещения информации о молодежной политике. Свой YouTube -канал есть у Федерального агентства по делам молодежи с 1,2 тысячами подписчиков. В нем размещено 12 видео, а максимальное количество просмотров – 1,5 тысяч. По отдельным мероприятиям размещены видео на популярных каналах, в том числе «Россия 1», «1 канал», как, например, фестиваль «Таврида-АРТ 2020», но количество просмотров все равно очень скромно и составляет около 10,8 тысяч (при том, что в других социальных сетях охват в сотни раз выше). В целом с вариациями слова «молодежь» в поисковике практически отсутствует контент органов по работе с молодежью (то есть, он не является популярным), а имеющиеся материалы, зачастую, носят деструктивный, либо юмористический (развлекательный) характер.

Все это свидетельствует о том, что органы по работе с молодежью совершенно не работают с огромной аудиторией молодежи в YouTube, не сформировали востребованный контент. Более того, основная масса материалов для молодежи не несет никакого созидательного смысла и скорее провоцирует девиантное поведение, либо формирует ложные общественные ценности.

3.2. Запрос российской молодежи на трансформацию молодежной политики

В декабре 2019 года мир столкнулся с пандемией COVID-19, вызвавшей широкомасштабные социальные потрясения. Несмотря на многообразные социально-экономические проблемы и приоритетность вопросов здравоохранения, «молодежная повестка дня» по-новому была заявлена во многих странах мира. Различные государства по-разному отреагировали на изменения настроений в молодежной среде; на долгосрочные проблемы молодежи и трансформации молодежных процессов, которые уже сегодня видны и являются последствием изменения всех сфер общественной жизни в пандемию.

В свою очередь, предложенные государством антикризисные меры в отношении положения молодежи колеблются от специализированных мер, предпринятых для молодежи как целевой аудитории социальной политики (например, Федеральный план экономического реагирования для поддержки молодежи в Канаде) до социальной политики, где молодые люди выступают всего лишь одним из бенефициаров, а специфика проблем данной категории не всегда учитывается (Испания, Германия, США и другие). Последний вариант «обобщенной» политики, не учитывающей специфику отдельных целевых групп, вызывает критику со стороны общества и ведет к снижению доверия в эффективности мер социальной поддержки.

«Международные организации призывают государства, в которых действуют национальные молодежные стратегии, использовать их для поддержки молодежи в период пандемии» [Эксперт].

«Молодежная повестка» в период борьбы с коронавирусом приобрела особый импульс и звучание в России. В июне 2020 года утвержден Профессиональный стандарт специалиста по работе с молодежью, с августа 2020 года на широкое обсуждение был вынесен новый Федеральный закон «О молодежной политике», вызвавший широкую полемику не только в молодежной среде, но и среди специалистов и практиков.

Нельзя сказать, что трансформации регулирования молодежной сферы являются прямым последствием социальных рисков, обозначившихся в период пандемии. Изменения были подготовлены целой чередой предшествующих факторов (рост протестных молодежных движений не

только в России, но и в Украине, Белоруссии; запрос молодежи и молодежных организаций, который был четко обозначен еще в 2014 году на принципиально новый подход в работе с молодежью, а соответственно на принципиально новую нормативно-правовую базу; неудовлетворенность государства качеством «человеческого капитала», а значит и системой работы с молодежью).

Каждый из этих факторов заслуживает особого внимания, однако в этом разделе мы остановимся именно на запросе современной молодежи на трансформацию системы государственной молодежной политики.

Следует отметить, что *запрос молодежи в той или иной форме всегда учитывался при формировании государственной молодежной политики*. В 1960-е гг., когда в нашей стране формируется отрасль отечественной социологии молодежи, изучение жизненных планов (совокупность ценностных детерминант и планирования в условиях стабильного общества), в том числе на основе богатого статистического материала, позволяло «уйти от идеологических клише» к изучению, а далее к решению конкретных социальных проблем, актуальных для молодежи. Сугубо практические цели («большинство исследований молодежи в ту пору проводилось под эгидой комсомольских органов и требовало реальных данных о состоянии молодежных проблем» [Зубок, Чупров, 2020, 16]) были направлены на получение реальных результатов в работе с молодежью.

Для определения целей и задач, основных инструментов работы с молодежью *важно представлять не только социальный статус, но и жизненные планы молодежи* как сущностную черту молодого поколения, отражающую «становление социальной зрелости и социальной субъектности, перспективность, мобильность», «самопрогноз, ориентации, сформировавшиеся в сознании молодых людей к моменту выбора дальнейшего пути» [Зубок, Чупров, 2020, 16].

От поколения к поколению в жизненных планах молодежи, для осуществления которых и должна существовать молодежная политика, можно найти общие черты (получение профессионального образования, профессиональная интеграция, создание собственной семьи и т.д.), однако *«образ жизни» каждого поколения создает специфику иерархии ценностей, целевых ориентиров, приоритетности в выборе тех или иных форм ресурсов для достижения жизненных планов*, которые в конечном счете определяют специфику жизненных планов каждого поколения и формируют запрос на трансформацию молодежной политики. Связь образа жизни и жизненных планов – так охарактеризовал в своей монографии «Жизненные планы молодежи» М. Руткевич, возглавлявший с 1965 года созданную при Уральском университете лабораторию исследований жизненных планов молодежи: «Если в образе жизни (личности, малой группы, социальной группы и т. д.)

синтезируются характеристики места личности (или группы) в экономической структуре общества и семейной сфере, господствующие политические убеждения и религиозные (атеистические) воззрения, этические нормы и их воплощение, уровень образования и общей культуры и т. п., то жизненные планы все это конкретизируют» [Руткевич, 2008, 118].

Десятилетие молодежи в 1980-х, объявленное ООН, привело к формированию нового этапа в отношениях власти и молодого поколения и государственной молодежной политики. Новый принцип участия в молодежной политике был закреплен и на уровне нашего государства. За молодежью признавалось право субъектности, что определило переход к исследованию молодежи с позиции жизненных стратегий, предполагающих наличие долгосрочной системы целей, более или менее осознаваемое представление о путях их реализации» [Зубок, Чупров, 2020, 17]. В обосновании типов жизненных стратегий молодежи и их классификации стали использоваться признаки активности, инициативы и ответственности, которые поддаются рефлексии и сами по себе могут служить определенной формой запросов молодежи. Жизненная стратегия является показателем критерия зрелости личности и проявляется в умении соединять воедино три компонента: *индивидуальные возможности, личностные притязания и требования внешней среды* [Абульханова-Славская, 1991, 67].

Особое положение молодежи определяется в первую очередь ее транзитивным, переходным положением (от детства к взрослости) [Wyn, Cahill, Woodman, Cuervo, Leccardi, Chesters, 2020]. Главные статусные переходы молодежи остаются неизменными: от учебной деятельности к профессиональной, от статуса члена родительской семьи к созданию собственной семьи и уходу из родительского дома, переезду в собственное жилье. *Стабильное ядро государственной молодежной политики лежит в поле необходимости формирования благоприятных общественных условий для главных статусных транзаций молодежи.* Жизненные стратегии во многом отражают поколенческие особенности и представляют собой характеристику выбора способов реализации транзитивных переходов. *Необходимость трансформации молодежной политики определяется изменениями внешних условий и, во многом как следствия, изменением жизненных стратегий молодежи.*

Транзиции современного поколения Z характеризуются высокой степенью неопределенности, пролонгацией переходного состояния, зависанием в состоянии маргинальности, что само по себе делает невозможным молодежную политику «заполнения социальных ниш» с учетом разных стартовых возможностей и механизма выравнивания, существовавших ранее. Прерывность и нелинейность «социальных траекторий», увеличение роли риска в жизненных стратегиях молодежи привели к разрыву представлений общества о молодежи и ее реальных жизненных стратегиях и образе

жизни. Еще с 1980-х гг. эти тенденции набирали оборот и выразились в обозначении поколений молодежи неизвестными переменными X, Y, Z. Социальное пространство поколения Z довело указанные тенденции до апогея, добавив индивидуализацию и новые формы неравенства, вызванные в том числе «прекаризацией труда, коммодификацией образования, цифровизацией» [Zaremohzzabieh, Ahrari, Krauss, Samah, Omar, 2020], закрепив атомарность и виртуальность социальных взаимодействий в режиме самоизоляции.

Реальные условия нестабильности и неопределенности превратило взросление в «персональную заботу самих молодых людей и их родителей» [Зубок, Чупров, 2020, 19]. Параллельно существующая и не учитывающая с 1990-х гг. глобальные изменения в жизнедеятельности общества государственная молодежная политика становилась одним из вариантов ресурсов, которым могла воспользоваться определенная часть молодежи, но которая принципиально не влияла на среду транзиту, а значит не вызывала серьезного доверия при оценке ее эффективности.

В молодежной среде зарождались и крепились механизмы саморегуляции, компенсирующие нехватку предложенных государством механизмов выравнивания стартовых возможностей, нереализованную потребность в формировании социальных лифтов.

В начале XXI века не только не решены, но углубляются социально-классовое (происхождение, место проживания, этничность и т. д.) детерминирование жизненных шансов молодых людей. Пандемия еще более увеличивает социальный разрыв. Вариативность социализационных траекторий только маскирует базовые детерминанты их выбора. Нельзя сказать, что государство не осознает неравенства стартовых возможностей некоторых категорий молодежи. Справедливости ради следует отметить, что молодежь, находящаяся в трудной жизненной ситуации, всегда выделялась государством как особая категория, требующая адресной помощи. Но сегодня низкие социально-классовые детерминанты не ограничиваются наличием ограничений по здоровью, статусом социальной сироты или жизнью в многодетной семье. Неравенство приобретает новые формы, которые должны быть учтены в молодежной политике.

Изучение расширяющихся форм саморегуляции, ее целей и направлений, основных акторов позволяет также получить определенное представление о запросах молодежи, которые не реализованы в предлагаемых формах работы с ней. Изучение поля расширяющейся саморегуляции может стать реальной альтернативой исследования жизненных стратегий в настоящих условиях, когда «нынешнее поколение живет со сложившимся ожиданием нестабильного трудового пути, более длинного перехода к гарантированной занятости и, как следствие, опасением планирования в отношении работы или семейной жизни на долгую перспективу. Затрудненный переход

становится все более вероятной реальностью для всех, а не только для тех, кто исторически относился к обездоленным социальным группам» [Crofts, Cuervo, Wyn, Smith, Woodman]. В таких условиях в среде молодежи формируются не долгосрочные, а краткосрочные цели, а планы редко оформляются в стратегии. Новые реалии требуют внимания к основному пласту молодежи, не относящемуся к традиционной когорте «молодежи группы риска». От государства нужны не просто ресурсы, поскольку в современных условиях мы наблюдаем параллельный рост рискогенности и вариативности ресурсов, к которым может прибегнуть личность. *От государства требуется реализация глобальной миссии создания условий, минимизирующих риски и увеличивающих шансы на успешные транзиции.*

Прямые формы воздействия на молодежь, характерные для патерналистских форм молодежной политики, не дают результатов. Молодежь поколения Z достаточно «эмансипирована и индивидуализирована. Она умело рационализирует любые попытки прямого воздействия на нее, если они не вписываются в ее картины мира. Чтобы воздействовать на молодежь, необходимо, по крайней мере, пересечься с ней в реальном или виртуальном пространстве и совпасть в общем смысловом контексте» [Зубок, 2017].

Оценки виртуализации жизни молодежи получили различную оценку со стороны практиков и теоретиков, да и общество оценивает эту главную черту поколения Z по-разному. Однако именно цифровое пространство создало площадку для потенциальной коммуникации власти и молодежи. Однако огромный медиаконтент требует не поверхностного осмысления, а глубокого погружения, которое могло бы позволить понять, «чем именно живет молодежь», каковы реальные потребности и проблемы молодого поколения, которые самостоятельно она решить не может. Еще более опасной является тенденция игнорирования цифрового пространства как «нереального» или «виртуального», а значит не дающего объективную картину мира. *Цифровое пространство сегодня является агентом социализации, пространством жизнедеятельности, определяет специфику образа жизни молодежи, каналом ее консолидации и саморегуляции, дает информацию о ресурсах, которые могут быть использованы в жизненных стратегиях. Цифра объединяет разную молодежь и позволяет непосредственно услышать ее голос. Только в цифровом пространстве возможна встреча с новым поколением. Цифровое пространство – источник информации, место реализации новой молодежной политики.*

Поколенческие характеристики безусловно определяют специфику запроса молодежи на новых формат государственной молодежной политики. Однако не следует и нивелировать социокультурные и исторические аспекты, носителем которых молодежь остается, пусть их роль и снижается в цифровую эпоху. Многочисленные исследования и результаты нашего ис-

следования¹² позволяют говорить о том, что в представлении самой молодежи, она *нуждается в помощи в решении проблем*, возникающих на пути взросления. По мнению молодежи, *именно государство или другие структуры власти должны выступать субъектами помощи молодежи*. Фокус-группы представили однозначную позицию молодежи в *необходимости специализированных программ для поддержки различных групп молодежи*. Однако существует явное противоречие между ожиданиями государственной поддержки молодежи и оценкой государственной молодежной политики молодежью. *Большинство респондентов не надеется на поддержку государства и сомневается в реальной помощи государства*. В жизненных стратегиях молодежь не рассчитывает на поддержку государства, а лишь определяет таковую как необходимую и желательную в абстрактном представлении об идеальных условиях развития.

Проведенное Интернет-исследование и результаты фокус-групп позволяют говорить о *приоритетности создания комфортной среды жизнедеятельности государством*, чем проведения мероприятий или формирования программ поддержки, направленных на решение конкретных проблем молодежи. Молодые люди ожидают от государства «стабильности», «поддержания правопорядка», «грамотной и социально ответственной экономической политики», «законов, перед которыми были бы все равны», «борьбы с коррупцией», «уменьшения налогового гнета», «выгодных кредитных ставок для молодежи». Иными словами, *«государство не мероприятия должно проводить, а создать условия, чтобы человек достойно жил, работал, ну или учился. Условия должны быть и возможности одинаковые для всех, а в остальном человек сам для себя все сделает»*. Лексический анализ ожиданий позволяет выделить следующие слова в высказываниях участников фокус-групп: «возможности», «условия», «среда», «комфортная ситуация».

Среди приоритетных проблем молодежи, в которых требуется помощь и поддержка, молодежь называет в первую очередь *проблемы с трудоустройством*. Обсуждение проблемы в фокус-группах позволяет судить о высоком запросе молодежи на помощь государства: *«Требуются вложения на государственном уровне в реальную экономику, чтобы увеличить количество рабочих мест», «организация рабочих мест – вот, что нужно, и речь не только о государственных предприятиях, если бизнесу будет комфортно, то есть доступные кредиты и все такое, то и места появятся», «нужны программы какие-то, которые бы разорвали замкнутый круг с требованием стажера при трудоустройстве. Можно же как-то поддерживать работодателя, который взял на работу специалиста без стажера?»*,

¹² В данном разделе приведены результаты пилотного социологического исследования «Молодежная политика в ожиданиях и оценках поколения Z». Метод исследования – фокус-группы. Респондентами выступали молодые люди в возрасте от 17 до 22 лет, относящиеся к поколению Z. Общее количество респондентов, которые приняли участие в работе фокус-групп, – 87 человек.

«Помогать нужно не только выпускникам, временная работа тоже нужна. Здесь не меньше проблем, начиная от уровня заработной платы, заканчивая защитой прав, информациях о вакансиях, да много чего» и т. д.

Среди возможных форм поддержки в экономической сфере в работе фокус-групп прозвучал и запрос на поддержку молодежных предпринимательских инициатив. При этом речь идет не только о развитии грантовой поддержки стартапов, а о более долгосрочной поддержке проектов и создании благоприятного микроклимата, который позволил бы сделать молодежные предпринимательские проекты *«частью экономики»*.

Доступ к качественному образованию также является проблемой для молодежи и требует, по мнению респондентов, внимания государства. Среди отдельных барьеров в работе фокус-групп респонденты обозначали проблемы кадров всех уровней образования (*«должна быть достойная заработная плата, тогда в педагогику пойдут лучшие»*, *«бумаг должно быть поменьше. Вы думаете, мы не замечаем, что даже в школе учителя сейчас скорее бумаготворчеством занимаются?»*), сложность в подготовке к ЕГЭ, которые требуют дополнительной подготовки у репетиторов, количества бюджетных мест, наличия и качества общежитий и т. д.

Вопросы деструктивных форм поведения в молодежной среде остаются острыми. При этом в фокус-группах молодежь показывает понимание личной ответственности молодежи за поведение, но обозначает отдельные аспекты, регулирование которых лежит в сфере компетенций государства (*«В сельской местности проблема алкоголя продолжает стоять остро. Не знаю. Я домой на выходные даже ехать не хочу. Вот все, кто остался в селе, ну, не было возможности поступить – пьют. А что там делать еще? Какие у них перспективы?»*, *«Нет, каждый, конечно, сам ответственен за свою жизнь, но вот подростки, кто виноват, что на снюсы посадили, если они в любом ларьке продавались и переходе?»*, *«Да о программах не каждый знает. Я пока в вуз не поступил, ни о каких форумах и не знал.»*)

При этом следует отметить, что вопрос *о роли государства в организации досуга* как формы первичной профилактики вызвал дискуссию в рамках одной из групп. Часть молодых людей отмечали наличие разных программ, направленных на организацию досуга и нежелание самой молодежи участвовать в предлагаемых проектах, наличие инфраструктуры даже в сельской местности (бассейны, спортивные комплексы и площадки и т. д.), широкого спектра возможностей в Интернет-пространстве для организации досуга, который не требует дополнительных денежных средств и подходит для самой разной молодежи. Другие отмечали низкий уровень информированности, несвоевременность предложений (*«Сейчас я уже сформировавшаяся личность, где раньше все были?»*).

Таким образом, подводя итог анализу запроса молодежи на молодежную политику, можно сделать следующие выводы:

1. Основной задачей государства в сфере молодежной политики является формирование благоприятных общественных условий для главных транзаций молодежи, обеспечения механизмов, сглаживающих неравенства стартовых возможностей, негативных последствий пандемии, еще более увеличивающей социальный разрыв между представителями одного поколения, рост рисков и неопределенности.

2. Поколенческий анализ позволяет говорить о необходимости перехода от прямых форм воздействия на молодежь к формам косвенного влияния. Необходимо создать условия для развития положительных форм самоорганизации молодежи.

3. Одним из новых пространств реализации молодежной политики должно стать цифровое пространство.

3.3. Эволюция молодежной политики в посткоронавирусной реальности

В первом параграфе настоящей главы проведен анализ ряда практик работы органов по делам молодежи в регионах России с использованием новых форм коммуникации с целевой аудиторией. Очевидно, что данное направление не просто сохранит свою актуальность в посткоронавирусный период, но и продолжит свое эволюционное развитие. Современная молодежь России, находясь в социальном поиске, согласно своему возрасту вряд ли может в полной мере определить собственное место в общественных сетях, тем более в структурах активного диалога с властью [Гневашева, Фальковская]. Именно поэтому создание и поддержка гражданских форм участия молодежи в реализации молодежной политики, определение подходов и направлений совершенствования работы с молодежью является в высокой степени актуальным, а теоретической базы и практического опыта еще не наработано. Увеличение количества молодых людей, принимающих участие в различных акциях, митингах, недовольство различных групп молодежи (школьников, студентов, работающих) политическими, экономическими, социальными процессами, происходящими в государстве, зачастую напрямую не затрагивающих их интересы, подтверждает необходимость развития механизмов более активного вовлечения молодежи в политику на основе равного и открытого диалога [Отроков, 185].

Трансформация подходов работы с молодежью должна строиться в первую очередь с учетом интересов самой молодежи, ее видения форм, направлений и содержания этой деятельности. В молодежной среде формируются новые тенденции изменений социальной структуры общества, изменяется представление о стратифицирующем обществе факторов, и владение современными информационными технологиями, близость к инновацион-

ным ресурсам становится все более значимым стратификационным фактором и требованием к правящей элите [Луков Вал., Алиев, Гневашева, Луков, 205].

Наиболее доступным механизмом выстраивания диалога с молодежью в этом вопросе (по охвату, поддержке, эффективности деятельности) является развитие и активизация деятельности некоммерческих организаций и органов молодежного самоуправления, причем именно в совместном взаимодействии этих двух форм гражданского участия молодежи.

Членами НКО является более 2,5 млн молодых людей, а в их проектах и мероприятиях участвует еще 5 млн молодежи. Не мало своей деятельностью охватывают и органы молодежного самоуправления – их членами является 2,3 млн человек (около 73% – студенческое самоуправление), а охватывают своей деятельностью они около 2,7 млн молодых людей [Федеральное статистическое наблюдение в сфере государственной молодежной политики за 2019 год]. Таким образом, эти общественные институты охватывают более 12,5 млн молодежи России ежегодно, что составляет практически половину от общей численности. Необходимо учитывать, что один молодой человек может участвовать в нескольких мероприятиях и одновременно быть членом ряда НКО и органов молодежного самоуправления, но даже при этом численность и мобилизационная сила у этих объединений достаточно высока.

Структурно проанализировав НКО, можно констатировать, что их деятельность направлена на работу в крупных городах, а отделения в сельских и небольших территориях либо отсутствуют, либо не являются многочисленными. В то время, как органы молодежного самоуправления равномерно распределены и присутствуют в муниципальных образованиях вне зависимости от их масштаба и численности, но более зависимы от количества образовательных учреждений и предприятий, работающих на территории.

Никакие иные формы организации молодежного сообщества не являются столь представительными и не предоставляют возможности молодежи самостоятельно определять векторы работы. Структура и подходы работы НКО и молодежного самоуправления определяют возможность широкого участия в их управлении молодежи как в нормативном, так и практическом измерении. В федеральном законе «О некоммерческих организациях» высшими органами управления некоммерческими организациями в соответствии с их учредительными документами определено общее собрание членов [Проект Федерального закона «О молодежной политике»] (в той форме, в которой чаще всего создаются молодежные НКО). Соответственно, каждый член организации становится актором принятия решений, определения стратегии развития и деятельности НКО. Молодежные организации проводят мероприятия, которые предложены молодежью и самой молодежью ре-

ализуются в практической плоскости. Именно в данных общественных институтах молодежь становится одновременно и объектом, и субъектом молодежной политики. Данных о количестве проектов, мероприятий, которые реализуют молодежные НКО, найти невозможно, так как нигде такие показатели не фиксируются и не представляются в сводном виде, кроме тех НКО, которые включены в реестр организаций, пользующихся государственной поддержкой. Совершенно точно можно сказать, что количество таких мероприятий гораздо выше, чем реализуемых органами по работе с молодежью, шире их география, но при этом каждое из них охватывает меньшее количество участников.

Несмотря на такой охват и структуру, влияние общественных формирований на развитие молодежной политики как направления деятельности государства представляется ограниченным. Среди форм взаимодействия можно рассмотреть:

- участие в деятельности координационных структур при органах государственной власти и местного самоуправления, реализующих молодежную политику;
- участие в работе общественных советов при органах власти;
- включение представителей в наблюдательные советы органов по работе с молодежью и их подведомственных учреждений;
- участие в заседаниях представительных органов власти и представление общественных докладов по вопросам реализации отдельных направлений молодежной политики;
- выступление на коллегиях органов власти, реализующих молодежную политику, а также участие во встречах с чиновниками различного уровня;
- работу представителей организаций в общественных палатах различного уровня;
- участие в работе партий и политических движений в рамках отдельных проектов либо направлений с использованием их лоббистского политического ресурса.

К данным формам работы имеют доступ наиболее крупные объединения и в большинстве случаев – имеющие государственную регистрацию некоммерческие организации в то время, как органы молодежного самоуправления практически не имеют в них своего представительства как и незарегистрированные объединения молодежи, которые также охватывают значительную молодежную аудиторию. Сам по себе набор инструментов не дает реального представительства интересов молодежи, так как предложения не всегда учитываются, а сами формы взаимодействия в большинстве случаев носят декоративный характер без нацеленности на конкретный результат.

Несмотря на ограниченное участие в совещательных структурах, молодежное самоуправление на практике представляет гораздо более широкий набор рычагов воздействия на реализацию молодежной политики. Это заложено в самом принципе деятельности и правовом статусе этих органов, которые создаются как консультативно-совещательные структуры при органах власти или руководстве учебных заведений и предприятий.

Молодежные парламенты в 26 регионах России работают на основании региональных законов, определяющих их статус, структуру и полномочия, органы студенческого самоуправления – в соответствии с федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» (статья 26). По меньшей мере, 16 молодежных парламентов субъектов наделены правом законодательной инициативы, что демонстрирует высокий уровень институционализации структуры и признания авторитетности. На федеральном уровне работают достаточно представительные органы молодежного самоуправления – Молодежный парламент при Государственной Думе и Палата молодых законодателей при Совете Федерации; Ассоциация молодежных правительств России, Союз молодежных избирательных комиссий России, созданные в форме НКО. Все они имеют гораздо более широкий набор рычагов влияния не только на решения социальных вопросов, но и политических направлений работы с молодежью, чем НКО. Решения таких представительных структур хоть и носят исключительно рекомендательный характер, но тем не менее транслируются в публичном поле, находят поддержку видных политических деятелей и в основной своей массе реализуются. При этом данные формы работы молодежи не лишены ограничений, таких как: позиция собственно тех структур, при которых они созданы; объем делегированных полномочий и возможностей по ряду вопросов, являющихся щепетильными для власти; отсутствие материально-технической базы и какого-либо самостоятельного финансирования. На региональном уровне потенциал таких органов тоже не в полной мере раскрывается как ввиду низкой активности самих молодежных структур, так и ограничений с учетом региональной политической конъюнктуры.

Расширение механизмов участия НКО и молодежного самоуправления в определении векторов развития молодежной политики представляется необходимым условием как для учета мнения молодежи при принятии решений, так и для вовлечения целевой аудитории этих объединений в работу по реализации молодежной политики. Данный запрос невозможно реализовать без глобальной трансформации подходов органов по работе с молодежью, которые должны выстраивать отношения с такими объединениями не с позиции власти, а с позиции равноправного партнерства. НКО и молодежное самоуправление должны получить возможность не только участия как в настоящее время, но и разработки реализации направлений работы. Причем направления взаимодействия должны быть выстроены еще на этапе

определения целей и задач, показателей эффективности, механизмов реализации отдельных направлений работы. Именно при активном участии НКО и молодежного самоуправления должны приниматься все эти решения, а инициированные ими направления внедряться в практическую и нормативную плоскость, что отразится на эффективности реализации всей молодежной политики на федеральном и региональном уровнях.

Показатели эффективности реализации государственной молодежной политики в настоящее время в значительной степени размыты, что не позволяет оценить и возможности влияния на них, и механизмы дальнейшей трансформации. Молодежная политика в российском обществе достигла определенных результатов в контексте перехода на программно-целевую модель реализации социальных программ, рассчитанных на среднесрочный и долгосрочный периоды [Чупров, Зубок, 132]. Однако единых подходов как на федеральном, так и на региональных уровнях не определено, кроме общих направлений и слабо измеримых качественных показателей в различных документах. Необходимо унифицировать систему показателей реализации государственной молодежной политики с публичным представлением хода их достижения в ежегодных федеральных и региональных докладах. Отчасти именно такой подход предлагается проектом федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации», рассматриваемым в настоящее время Государственной Думой ФС РФ [Рожнов, 80]. О необходимости представления доклада исследователи заявляли еще в 2011 году. В частности, одной из составляющих, характеризующих эффективность молодежной политики, О. А. Рожнов отмечал ежегодный доклад «О положении молодежи в Российской Федерации», информация для которого собирается социологическими методами. Он должен был показывать не статистическую картину, а мнение и оценку самой молодежью и обществом в целом действенности и результативности проводимой политики [Рожнов, 80].

В практическую деятельность на федеральном уровне вошло лишь федеральное статистическое наблюдение в сфере государственной молодежной политики, которое ежегодно формируется на основании сведений, представляемых субъектами Российской Федерации в Росмолодежь. Данные наблюдения никак не интерпретируются и напрямую с расчетом показателей эффективности не связаны, однако могут служить базой для анализа. Показатели результативности реализации государственной молодежной политики на федеральном уровне закреплены в государственной программе «Развитие образования» в рамках Ведомственной целевой программы «Поддержка молодежных инициатив и патриотического воспитания» [Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»]. В документе установлены и показатели эффективности. Рассмотрим их значения в 2020 году:

1. повышение уровня информированности молодых людей от 14 до 30 лет о потенциальных возможностях самореализации и саморазвития, дополнительных возможностях профессионального роста до 53 % общего числа молодежи к 2025 году: в 2020 году – 37 %;

2. увеличение количества участников Всероссийской форумной кампании до 1000000 молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет к 2025 году: в 2020 году – 650000 человек;

3. увеличение численности молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, участвующих в мероприятиях по патриотическому воспитанию, до 75 % общего числа молодежи к 2025 году: в 2020 году – 50 %.

Всего три показателя охватывают реализацию мероприятий подпрограммы, на которую выделяется ежегодно более 7,26 млрд рублей из федерального бюджета. Механизм расчета показателей в программе не приведен, как и отчеты об их достижении. Единственным находящимся в публичном доступе документом, который демонстрирует ряд показателей реализации государственной молодежной политики, является опубликованный проект отчета об итогах деятельности Федерального агентства по делам молодежи за 2018 год. Однако даже в этих материалах достижение сводных показателей программы не представлено. Каждое ведомство ежегодно представляет отчет о достижении показателей, установленных программами, но в открытом доступе ни методики получения данных, ни самих результатов не размещено.

Региональные органы по работе с молодежью также устанавливают показатели результативности с учетом местной специфики, однако выборка ряда регионов показала, что их количество не превышает 10, методика расчета не представлена, как и отчеты о выполнении с пояснением полученных результатов (за редким исключением).

Например, в Ростовской области установлено 8 целевых показателей государственной программы «Молодежная политика и социальная активность» (данные на 2020 год) [Постановление Правительства Ростовской области «Об утверждении государственной программы Ростовской области «Молодежная политика и социальная активность»]:

1. доля молодежи, вовлеченной в социальную практику – 11,7%;

2. доля молодежи, охваченной мероприятиями по воспитанию патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями, демонстрирующей высокую культуру, в том числе культуру межнационального общения, ответственность и способность принимать самостоятельные решения, нацеленные на повышение благосостояния страны, народа и своей семьи – 33 %;

3. доля граждан, вовлеченных в добровольческое (волонтерское) движение – 16 %;

4. доля студентов, вовлеченных в клубное студенческое движение, от общего числа студентов в Ростовской области – 30 %;

5. доля молодежи, задействованной в мероприятиях по вовлечению в творческую деятельность, от общего числа молодежи в Ростовской области – 33 %;

6. доля молодежи, информированной о мероприятиях сферы государственной молодежной политики – 57 %;

7. количество грантов, полученных молодежью на реализацию социально значимых проектов в рамках Всероссийского конкурса молодежных проектов – 17;

8. количество молодых людей Ростовской области, занявших призовые места в международных, всероссийских, окружных мероприятиях по основным направлениям государственной молодежной политики – 22.

Данный набор показателей представляется более комплексным, чем на федеральном уровне. Ежегодно в открытом доступе публикуется отчет о достижении показателей, однако также отсутствует методика расчета и направления получения, объективность первичных данных по ряду показателей.

Складывается ситуация, когда орган власти сам себе определяет показатели результативности, которые фиксируются в государственных программах, затем сам же каким-то образом готовит отчетность и подтверждает достижение показателей, заявляя об их выполнении либо невыполнении без представления публичного доклада.

Такая система не может работать на достижение реальной эффективности. Во-первых, сами показатели эффективности должны устанавливаться через широкий диалог с институтами молодежного участия и определяться органами власти НКО, работающими с молодежью и органами молодежного самоуправления. Во-вторых, они же должны осуществлять контроль за реализацией данных показателей. В-третьих, решение об оценке качества реализации показателей также должно приниматься представителями молодежных сообществ в ходе открытого диалога. В-четвертых, данные о достижении показателей должны публично представляться и публиковаться для открытого доступа молодежи и включать помимо качественных и количественных показателей объем средств бюджета, которые направлены на их достижение.

Все эти направления вполне возможно реализовать через корректировку подходов работы Росмолодежи и региональных органов по работе с молодежью, что позволит сделать их работу более прозрачной, понятной для молодежи и создаст условия для реального участия молодежи в выработке политики в отношении нее. Участие молодежи в этих процессах объективно повысит интерес к реализации молодежной политики в целом.

Исследования, проведенные Европейским союзом, определяют различные подходы к формированию молодежной политики: от регулирования до предоставления свободы действий, от профилактики до вмешательства, от упреждающих действий до реакции на сложившуюся ситуацию, от акцента на проблемах до ориентации на возможности, от патернализма до открытости. Выбор подхода определяет конкретные меры. К примеру, есть разница между финансированием проектов, соответствующих заранее сформированной модели, и проектов, основанных на творческой инициативе молодежи [Основы молодежной политики...]. Молодежная политика в нашей стране никак не может отойти от патерналистской модели. Как отмечал И. М. Ильинский, старшие поколения оказываются в командной позиции, следствием которой является политика торжествующего патернализма, стратегия и тактика «дарующего» государства. Молодежная политика в таком случае строится в основном на патерналистском тезисе «помощи и заботе» о молодежи, что в конечном итоге становится тормозом прогресса [Ильинский, 430].

Среди механизмов молодежной политики в нашей стране можно выделить процесс коллаборации образовательных и молодежных организаций, различных форумов и мероприятий, направленных на вовлечение представителей подрастающего поколения [Silvan], что значительно усиливает эффект от ее реализации. Присутствует и участие молодежи в принятии решений о реализации молодежной политики, однако оно скорее декоративно и сильно зависимо от текущей конъюнктуры. Государству необходимо создавать условия для участия молодежи в определении направлений реализации молодежной политики в институционализированной форме, основанной на равноправном представительстве и учете мнения. Такой формой могут и должны стать НКО и органы молодежного самоуправления, которые уже обладают необходимым потенциалом и возможностями для реализации новых полномочий.

Данный подход должен применяться не только государством при реализации молодежной политики, но и образовательными заведениями в рамках ученического и студенческого самоуправления. В данном случае вопрос представляется еще более актуальным, так как обучение занимает, с одной стороны, большую часть активной общественной жизни молодого человека, а с другой, достаточно непродолжительное время «активности», которое совпадает с периодом обучения в старших классах школы (3 года) и вузе (1-4 курс). Как отмечалось ранее, студенческая молодежь составляет более 70 % всех органов молодежного самоуправления с большим объемом выделяемого финансирования на мероприятия, в которых она участвует, и эта категория молодежи наиболее локализована и организована. В таких условиях внедрять направления более широкого фактического участия молодежи в определении направлений реализации мероприятий, проектов с ее

участием намного проще и эффективней, так как они сразу будут реализовываться на практике.

Реализация данных направлений требует пересмотра подходов в определении инфраструктуры молодежной политики. Исследователи определяют инфраструктуру молодежной политики как систему организаций, учреждений и служб, осуществляющих деятельность в целях создания условий, отвечающих потребностям и способствующих самореализации юношей и девушек по всему спектру значимых вопросов жизнедеятельности: профессионального и дополнительного образования; труда, карьеры и материального обеспечения; здоровья и здорового образа жизни; семьи; личной жизни; спорта; досуга; коммуникаций [Глухова, 2012, 78]. В основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года понятие «инфраструктура молодежной политики» определено как система государственных, муниципальных организаций и общественных объединений, а также иных организаций всех форм собственности, обеспечивающих возможность для оказания услуг и проведения мероприятий, направленных на развитие молодежи [Распоряжение Правительства Российской Федерации... об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года]. По своей сути инфраструктура молодежной политики подвижна, но содержательная ее часть не меняется. Современные условия диктуют необходимость включения в инфраструктуру реализации молодежной политики и молодежной информационной среды инфраструктуры работы с молодежью в социальных медиа, то есть учет как базового элемента инфраструктуры молодежной политики средств донесения информации до целевой аудитории. Именно недостаточный уровень реализации этого направления в большой степени нивелирует всю остальную деятельность органов по работе с молодежью.

Потребности в качественной, удобной и своевременной информации постоянно растут, а возможности удовлетворения, как ни странно, снижаются со стороны органов по работе с молодежью. Такие инструменты, как собственный сайт, совершенно не отвечают требованиям современной молодежи, к тому же большинство сайтов органов по делам молодежи не привлекательны и не учитывают современных трендов, а также не наполняются интересным и содержательным контентом. В рамках информационной инфраструктуры речь идет о создании системы сервисов для молодежи принципиально новой информационной архитектуры.

На федеральном уровне попытка создания такого сервиса предпринята в рамках работы автоматизированной информационной системы «Молодежь России». АИС «Молодежь России» представляет собой единую платформу для регистрации на региональные, окружные и федеральные ме-

роприятия и форумы, способствующую вовлечению молодежи в реализацию государственной молодежной политики. Данная система создана в 2016 году, а с 2017 года стала единым инструментом для участия в мероприятиях от местного до федерального уровней, причем единственным возможным способом пройти отбор на всероссийские молодежные мероприятия, в том числе на Всемирный фестиваль молодежи и студентов и другие. Данные по количеству зарегистрированных пользователей не приводятся, однако, учитывая обязательную регистрацию, можно предположить, что оно не менее 1 млн человек (количество участников различных мероприятий, реализуемых на федеральном и субъектовом уровне). Несмотря на концепцию данного проекта, его реализация не превратила портал в площадку для взаимодействия и коммуникации молодежи, а сделало исключительно средством регистрации. Интерфейс портала не привлекателен для молодежи, функционал ограничен и, несмотря на огромное количество участников, он не работает в той мере, в которой мог бы.

В качестве рекомендации в данном аспекте необходима полная сквозная трансформация подходов от обновления портала АИС «Молодежь России» до формирования единой системы сайтов, Telegram-каналов, YouTube-каналов, социальных сетей, которые будут транслировать молодежный контент с учетом сегментированности целевой аудитории. Отход от официального, формального подхода в представлении информации может обеспечить ее востребованность со стороны молодежи и повысить степень донесения информации до целевой аудитории, что в конечном счете приведет к более массовому участию молодежи в реализации направлений государственной молодежной политики.

В целом, в качестве основного направления эволюции молодежной политики в результате проведенного анализа можно выделить:

1. Совершенствование (в некоторых случаях создание) механизма учета мнения молодежи по вопросам реализации молодежной политики, в том числе через дополнительные возможности НКО и органов молодежного самоуправления.
2. Публичное представление информации о результатах деятельности, показателях эффективности работы органов по работе с молодежью (возможно в форме ежегодного доклада о состоянии молодежной политики на федеральном и региональном уровнях).
3. Создание на региональном уровне, расширение возможностей информационных систем прямого взаимодействия с молодежью в современной интерактивной форме и привлекательном дизайне.
4. Пересмотр показателей эффективности реализации молодежной политики с учетом реального положения дел, возможностью расчета количественных и качественных показателей результативности.

5. Включение молодежи через представителей в обсуждение планируемых мероприятий и направлений реализации молодежной политики.

Указанные направления позволят эффективно реализовывать молодежную политику в условиях посткоронавирусной реальности с учетом позиции и мнения самой молодежи, ее активного участия в реализации молодежной политики и трансформации ее направлений в соответствии с потребностями самой молодежи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленная на суд читателя монография является собой не столько завершённый этап работы исследовательской группы, сколько промежуточные результаты.

Монография представляет собой, с одной стороны, результаты выстроенных исследований и даже апробированных практик в работе с молодежью Z, а с другой – работа в рамках гранта позволила нам собрать круг единомышленников, разделяющих принципиально новую идею, а по совместительству и гипотезу нашего будущего комплексного исследования. Мы считаем, что специфика поколения Z и его уникальность – результат воздействия судьбоносных и уникальных социально-исторических событий тотальной цифровизации и глобальной пандемии COVID-19, а также беспрецедентных форм борьбы с ней. Эту процессуальность, вопреки расхожей практике репрезентации готовых в своей статичности результатов, нам хотелось зафиксировать и отметить. Обусловлена она целым рядом факторов.

Во-первых, актуальность выбранной тематики и злободневность темы пандемии, позволившая получить поддержку нашему труду, имела и обратную сторону медали. На момент начала нашей работы мы не представляли глобальность социальных последствий пандемии, в том числе для жизнедеятельности целого поколения. В принципиально новой ситуации, которая, что понятно уже сегодня, носит революционные последствия для базовых характеристик общества – структуры, социальных связей и процессов воспроизводства, мало подходили количественные методы исследования, качественные же имели сложности со сбором материала. Исследовательская группа преодолела это препятствие, однако сегодня мы представляем более четко направления и возможности расширения исследования и анализа ситуации.

Во-вторых, для исследователя крайне сложно осмыслить процесс, находясь в центре процесса и не представляя ни сроков его завершения, ни новых факторов, которые часто носят стихийный и субъективный характер в социальной реальности. «Социальная горячка» в условиях пандемии продолжается, каждый новый этап принимаемых мер и реакций социума и каждой отдельно взятой личности отличается от предыдущей. А параллельно мы наблюдаем развитие, взросление поколения Z, трансформацию их статусов в новых реальностях, изменение их образа жизни, преобразование из жизненных ориентиров. К факторам неопределенности добавляется глобальная трансформация взглядов, ценностей и устоев самого общества. Поколенческие особенности выкристаллизовываются во взаимодействие с миром, с другими поколениями, которые также претерпели огромные изменения.

Мы представляем в монографии лишь общую систему координат и надеемся, что наш читатель оценит этот труд, но отмечаем, что при исследованиях поколения не стоит забывать о неравномерности изменений внутри его. Насколько пандемия трансформировала социализационные траектории зумеров мегаполисов и сельской местности, выходцев из различных социальных слоев, представителей молодежи, оказавшихся в нетипичной ситуации? Эти вопросы мы намечаем в нашей работе, но оставляем для решения при следующей встрече.

И наконец, нам бы хотелось, несмотря на явную необходимость сущностного схватывания ситуации и фундаментальность обобщений (узкие рамки не применимы к описанию данной проблемы), в которой оказались молодые люди, не терять практикоориентированность наших результатов. Мы прогнозируем формирование новых форм деструкции в сложившихся ситуациях, для решения которых потребуется понимание большого количества переменных.

Однако, несмотря на указанные точки роста и ограничения, не позволяющие считать наше исследование законченным в значении статичности полученных данных и завершенности выводов, основная мысль монографии позволяет нам надеяться на ценность ее содержания для читателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – С. 67.
2. Агранович М. Экзамен по стрессу: что изменится в университетах после пандемии//Российская газета. – № 146 (8200). – 06.07.2020.
3. Алмонд, Г., Верба, С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах/Г. Алмонд, С. Верба – М.: Мысль. 2014. – 500 с.
4. Апресян, Р. Г. Гражданское общество: участие и ответственность/Р.Г. Апресян // Гражданское участие: ответственность, сообщество, власть: не-концептуальный сборник; под ред. Р.Г. Апресяна. – М.: Аслан, 1997. – 280 с.
5. Асташова, Ю. В. Теория поколений в маркетинге//Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2014. – № 8. – Том 1. – С. 108-114.
6. Афанасьев, Д. В. Предпосылки трансформации установок политического недовольства в протестное поведение населения (на материалах ИСЭРТ РАН г. Вологды) /Д.В. Афанасьев, Т.А. Гужавина//Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6 (30). – С. 142–152.
7. Багдасарян В. Э. Российское образование: выбор пути. – М.: Отчий дом, 2019. – 336 с.
8. Баранов, Н.А. Политическое поведение [Электронный ресурс]//Персональный сайт Николая Баранова. 2016. – Режим доступа: <https://nicbar.ru/politology/study/kurs-protestnoe-politicheskoe-povedenie/100-lectsiya-2-politicheskoe-povedenie>.
9. Богданов, Е.Н., Краснощеченко, И.П., Кузнецова, А.С., Цаплина, А.В. Осведомленность студенческой молодежи об экстремизме и отношение к его проявлениям [Электронный ресурс]/ Е.Н. Богданов, И.П. Краснощеченко, А.С. Кузнецова, А.В. Цаплина//Прикладная юридическая психология. – 2017. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osvedomlennost-studencheskoy-molodezhi-ob-ekstremizme-i-otnoshenie-k-ego-proyavleniyam>.
10. Бойд Д. Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях. – М: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 352 с.
11. Более 80% россиян равнодушны к политике [Электронный ресурс]//Левада-Центр. 2020. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/04/30/bolee-80-rossijskoj-molodezhi-ravnodushnyk-politike/>.
12. Большой толковый социологический словарь (Collins): В 2 т./пер. с англ. – М.: Вече, 1999. – Т. 2. (О–Я). – 528 с.

13. Бушенева, Ю.И. Абсентеизм как фактор избирательного процесса в современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01/Бушенева Юлия Ивановна. – СПб., 2007. – 180 с.

14. В МВД сообщили о росте экстремистских и террористических преступлений [Электронный ресурс]//Известия. – 2020. – Режим доступа: <https://iz.ru/1002190/2020-04-20/v-mvd-soobshchili-o-roste-ekstremistskikh-i-terroristicheskikh-prestuplenii>

15. В ходе несогласованной акции в Москве задержали свыше тысячи участников [Электронный ресурс]//Интерфакс. 2017. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/moscow/555480>.

16. Веременко, С. Что сейчас считают важным в образовании люди разных поколений [Электронный ресурс]//Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5eb3ca719a7947ef122127fa>.

17. ВЦИОМ: три четверти россиян не смогли привести пример предлагаемых поправок в Конституцию [Электронный ресурс]//Новая газета. 2019. – Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/news/2020/02/25/159329-vtsiom-tri-chetverti-rossiyan-ne-smogli-privesti-primer-predlagaemyh-popravok-v-konstitutsiyu>.

18. Высшее образование с иностранным акцентом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-s-inostrannym-akcentom>.

19. Высшее образование: социальный лифт или потерянное время [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-soczialnyj-lift-ili-poteryannoe-vremya>.

20. Гаврилова, А. В. Социально-психологические особенности ментальности нового поколения//Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Вып. 2. – Т. 26. – С. 58-61.

21. Глухова М. Ф. Инфраструктура региональной молодежной политики в современной России. Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». – 2012. – С. 78

22. Гнатюк, О.Л. Основы теории коммуникации. – М.: КНОРУС. – 2010. – С. 16.

23. Гневашева, В. А., Фальковская К. И. Эффективность молодежной политики: проблема определения критериев (результаты экспертного опроса) [Электронный ресурс]//Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2011. – № 6 (ноябрь-декабрь). – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-pu/2011/6/Gnevasheva~Falkovskaia_Youth_Policy_Efficiency/.

24. Голубинская, А. В. К вопросу о поколенной модели Хоува-Штрауса//International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2016. – № 1. – часть 2. – С. 98-101.

25. Горбачева, Н. Б. Сущность и содержание коммуникации как социокультурного явления//Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – № 7 (июль). – С. 36-40.
26. Гришай, В. Н., Зенин, К. А. К вопросу о воспроизводстве социальных тенденций в контексте теории поколений//Вестник АГУ. – 2018. – № 2 (219). – С. 88-92.
27. Гурова, И. М., Евдокимова, С. Ш. Теория поколений как инструмент анализа, формирования и развития трудового потенциала//МИР (Модернизация, Инновации, Развитие). – 2016. – Т. 7. - № 3. – С. 150-159.
28. Данные исследования Telegram Analytics в 2019 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tgstat.ru/research>.
29. Документы [Электронный ресурс]//Росмолодежь – Федеральное агентство по делам молодежи. – Режим доступа: <https://fadm.gov.ru/docs?search=2020&page=3>.
30. Забастовка избирателей! [Электронный ресурс]//Навальный2018. – Режим доступа: <https://2018.navalny.com/zabastovka/>.
31. Зубок, Ю. А. Жизненные проблемы молодежи не в повестке власти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pltf.ru/2017/08/01/julia-zubok/>
32. Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения// Мониторинг общественного мнения. – №3 (157). – 2020 – С. 3-41.
33. Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. Социальная регуляция в условиях неопределенности//Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи.– М.: Academia. – 2008. – 272 с.
34. Иванова, Е. И. Поколение в зеркале социально-демографического анализа. – М.: РГГУ. – 2016. – 281 с.
35. Иванова, Е. И. Проблема поколений и воспроизводство населения: теоретические подходы и реальность//Социологические исследования. – 2012. – № 4. – С. 42-53.
36. Иванова, Е. М. Протестное участие как форма имобильного политического поведения (социологический подход)/Е.М. Иванова// Изв. Саратовского ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2011. – № 2. – С. 7-9.
37. Ильинский, И. М. Прошлое в настоящем: Избранное. – Издание Московского гуманитарного университета. – С. 430.
38. Информационная статья «АИС «Молодежь России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://myrosmol.ru/help/faq>.
39. Исаева, М. А. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува//Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 3. – С. 290-295.

40. Клеман, К. С., Мирясова, О. Ю., Демидов, А. П. От обывателей к активистам: Зарождающиеся социальные движения в современной России/К.С. Клеман, О.Ю. Мирясова, А.П. Демидов. – М.: Три квадрата, 2010. – 688 с.

41. Ковалева, С.В. Степанищенко, О.В. Социальный анализ политического инфантилизма (на примере Краснодарского края) [Электронный ресурс]/С.В. Ковалева, О.В. Степанищенко//Вестник КГУ. – 2014. – № 5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyu-analiz-politicheskogo-infantilizma-na-primere-krasnodarskogo-kraya>.

42. Кон, И. С. Социология личности. – М.: Издательство политической литературы. – 1967. – 383 с.

43. Константинов, М. С., Пупыкин, Р. А. Социально-политические установки и ожидания студенческой молодежи Ростовской области (по материалам анкетированного опроса 2019 г.)//Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – № 1. – С. 193-202.

44. Контрольный» опрос по прошедшим выборам [Электронный ресурс]//ФБК. 2016. – Режим доступа: <https://fbk.info/sociology/post/257/>.

45. Корк, Б. Фургал: причина или повод? [Электронный ресурс]//«Эксперт». – 2020. – №30 (1171) – Режим доступа: <https://expert.ru/expert/2020/30/furgal-prichina-ili-povod/>

46. Кто и как голосовал за поправки в конституцию: завершающий опрос [Электронный ресурс]//Левада-Центр. 2020. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/08/07/kto-i-kak-golosoval-za-popravki-v-konstitutsiyu-zavershayushhij-opros/>.

47. Кузнецов, В.И., Родин, Н.Е. Абсентеизм как разновидность протестного поведения молодежи [Электронный ресурс]/В.И. Кузнецов, Н.Е. Родин//Международный студенческий научный вестник. – 2017. – № 2. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29232826>.

48. Кулакова, А. Б. Поколение Z: Теоретический аспект//Вопросы территориального развития. – 2018. – Вып. 2 (42). – С. 1-10.

49. Луков, Вал. А., Алиев, В. В., Гневашева, В. А., Луков, С. В. и другие. Научная монография «Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений». – Издательство Московского гуманитарного университета. – 2013. – С. 205.

50. Луков, Вал. В. Теории молодежи: междисциплинарный анализ: научная монография – М: Канон + РООИ Реабилитация. – 2012. – 528 с.

51. Мамина, Р. И., Толстикова, И. И. Поколение Z или поколение фиджитал в условиях деловой среды//Информационное общество: наука, культура и технологии будущего. – 2019. – Вып. 3. – С. 149-159.

52. Миронюк, С. Инвестиции в образование -необходимость, а не эксклюзив//РБК. Экономика образования. – 2019. - № 9 (150). – С. 26-31.

53. Мирошкина, М. Р. Интерпретации теории поколений в контексте российского образования//Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 30-35.
54. Молодежь ломает стереотипы [Электронный ресурс]//ВЦИОМ. 2018. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116758>.
55. Молодых избирателей будут привлекать на выборы серией концертов [Электронный ресурс]//РБК. 2018. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/24/01/2018/5a686d6d9a7947535b0d5e0b>.
56. Моль, А. Социодинамика культуры [Текст] / А. Моль. – М.: Прогресс. – 1973. – 409 с.
57. Московичи, С. Социальная психология/под ред. С. Московичи. – СПб.: Питер, 2007. – 592 с.
58. Несогласованный экстремизм [Электронный ресурс]//Коммерсантъ. – 2020. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4300742>
59. Николаева, Д.С. Педагогическая мысль России XVIII века о воспитании гражданственности /Д.С. Николаева// Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2006. – Т. 12. – № 4. – С. 190-194.
60. Носова, С. С., Кужелева-Саган, И. П. Молодежь в сетевом информационно-коммуникационном обществе: зарубежные подходы к изучению проблемы//Сибирский психологический журнал. – 2013. – № 49. – С. 85-96.
61. Нужно ли патриотическое воспитание? [Электронный ресурс]//ФОМ. – 2020. – Режим доступа: <https://fom.ru/TSennosti/14411>.
62. Рожнов, О. А. Оценка эффективности реализации молодежной политики//Научные ведомости. Серия «Философия. Социология. Право». –2011. – № 8 (103). – Вып. 16. – С. 80
63. Ожиганова, Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса: возможности практического применения//Бизнес-образование в экономике знаний. – 2015. – № 1. – С. 94-97.
64. Ольшанский, Д. В. Основы политической психологии/Д.В. Ольшанский. – Екатеринбург: Деловая книга. 2001. – 496 с.
65. Омельченко Е. «Новая культура доверия» формируется в нашем обществе прежде всего молодыми поколениями. Часть 1. Центр социального проектирования «Платформа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pltf.ru/2019/02/11/elena-omelchenko-br-idti-glubzhe-i-videt-razlichija/>.
66. Омельченко, Е. Л. Молодежь России: из XX в XXI век//Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. –2007. – № 3(8). – С. 82-87.
67. Омельченко, Е.Л. От сытых нулевых – к молчаливым десятым: поколенческие уроки российской молодежи начала XXI века//Социологический ежегодник. – 2011. – С. 243-263.

68. Основы молодежной политики [Электронный ресурс]//Издание Европейского союза. – 2019. – С. 8. – Режим доступа: https://pjr-eu.coe.int/documents/42128013/47261953/PREMS%2520_RUS.pdf/b94df9a0-187a-b959-80a6-e560c632fbdc.

69. Отношение жителей Москвы к выборам в Московскую городскую Думу [Электронный ресурс]//ООО «Митос Продакшн». 2019. – Режим доступа: https://vote.mythospro.ru/socio/index.php?WEB_FORM_ID=16.

70. Отношение молодежи к выборам и электоральному законодательству [Электронный ресурс]//ФОМ. 2017. – Режим доступа: <https://fom.ru/Politika/13299>.

71. Отроков, О. Ю. Новые вызовы молодежной политики: причины изменений и перспективы развития//Власть. – 2017. – № 09 (т. 25). – С. 185.

72. Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада и Т. Шанин. – М.: Новое литературное обозрение. – 2005. – 328 с.

73. Официальная группа «Арт кластер «Таврида» в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/tavrida_art.

74. Официальная информация [Электронный ресурс]//ГУ МВД России по г. Москве. 2019. – Режим доступа: <https://77.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/16122106/>; Белый счетчик [Электронный ресурс]//Twitter. 2019. – Режим доступа: <https://twitter.com/WhiteCounter/status/1104722911477317632>.

75. Палфри, Д. Дети цифровой эпохи. – М.: Эксмо. – 2011. – 368 с.

76. Пандемия коронавируса может болезненно отразиться на уровне жизни молодежи [Электронный ресурс]//Эксперт.ру. – Режим доступа: <https://expert.ru/2020/09/4/pandemiya-koronavirusa-mozhet-boleznennootrazitsya-na-urovne-zhizni-molodezhi---issledovanie/>

77. Партия возраста. “Ъ” изучил политический потенциал российских студентов [Электронный ресурс]//Коммерсантъ. 2017. – Режим доступа: www.kommersant.ru/doc/3486512.

78. Писарев, А. Вирус и риск. К онтологии эпидемиологического существования//Прощай, COVID?/под ред. К. Гаазе и В. Данилова. – М.: Изд-во института Гайдара. – 2020. – 432 с.

79. Пищик, В. И. Ментальность поколений в текущей современности: монография. – М.: ИНФРА-М. – 2019. – 150 с.

80. Подведены итоги форума «Территория смыслов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/3051825.html>.

81. Попов, Н. П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2018. – № 4. – С. 309-323.

82. Порус, В. Н. У края культуры (философские очерки) [Текст] / В.Н. Порус. – М.: Канон+. – 2008.

83. Постановление Правительства Российской Федерации № 1642 от 26.12.2017 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования».

84. Постановление Правительства Ростовской области от 15.10.2018 г. № 636 «Об утверждении государственной программы Ростовской области «Молодежная политика и социальная активность» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.donland.ru/documents/9706/>.

85. Прощай, COVID? / под ред. К. Гаазе и В. Данилова. – М.: Изд-во института Гайдара. – 2020. – 432 с.

86. Радаев, В. Миллениалы: как меняется российское общество. – М: Изд. дом Высшей школы экономики. – 2019. – 224 с.

87. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 г. №2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

88. Ретинская, В. Н. Механизмы государственной молодежной политики в Российской Федерации: актуальные проблемы практической реализации. ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал//М.: РУТ (МИИТ). – 2020. – Вып. № 5 (82). – 31 с.

89. Россия в цифрах. 2019: Крат. стат. сб./Росстат – М.. – 2019 – 549 с.

90. Руткевич, М. Н. Жизненные планы молодежи//Социология молодежи. Энциклопедический словарь/отв. ред. Ю. А. Зубок, В.И. Чупров. М. : Academia. – 2008. – С. 118-119.

91. Рысакова, П. И. Концепция воспитания Н. Лумана: системно-функциональный подход//Социс. –2008. – № 2. – С.141-145.

92. Санистебан, Л. С. Основы политической науки/пер. с исп. В.Л. Заболотного. – М.: МП Владан, 1992. – 123 с.

93. Семенова, В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. – М.: Российская политическая энциклопедия. – 2009. – 271 с.

94. Социальные лифты: едут или стоят? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ, 2020. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnye-lifty-edut-ili-stoyat>.

95. Стасева, А. Вред обобщений: почему теория поколений не работает [Электронный ресурс]//Forbes Women – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/375485-vred-obobshcheniy-pochemu-teoriya-pokoleniy-ne-rabotaet>.

96. Степанищенко, О. В. Политический инфантилизм современной молодежи как фактор искажения системы ценностных ориентаций [Электронный ресурс]/ О.В. Степанищенко//Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU. – 2015. – № 110. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-infantilizm-sovremennoy-molodezhi-kak-faktor-iskazheniya-sistemy-tsennostnyh-orientatsiy>.

97. Степин, В. С. Цивилизация и культура [Текст] / В.С. Степин. – СПб.: СПбГУП. – 2011.
98. Твенге, Д. М. Поколение I. Почему поколение интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни. – М.: РИПОЛ Классик, 2019. – 406 с.
99. Тулган, Б. Не всем достанется приз: как управлять поколением Y. – М.: Аквармариновая книга. – 2009. – 198 с.
100. Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001202005290036?type=pdf>.
101. Уотсон, Р. Технологии против Человека: как мы будем жить, любить и думать в следующие 50 лет? – М.: Эксмо. – 2020. – 320 с.
102. Федеральное статистическое наблюдение в сфере государственной молодежной политики за 2019 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic>.
103. Фруммин, И. Система образования существует не для работодателей//РБК. Экономика образования. – 2019. – № 9 (150). – С. 34-37.
104. Царенко, Н. В. Как понять ребенка? Поколение Z и другие. – Ростов н/Д: Феникс. – 2014. – 187 с.
105. Часть 1 статьи 29 федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12.01.1999 года №7-ФЗ.
106. Чеботарева, И. В., Мрочко, Л. В., Пирогова Л.И. Причины и особенности протестных настроений в молодежной среде/И.В. Чеботарева, Л.В. Мрочко, Л.И. Пирогова//ЭСГИ. – 2019. – №3 (23). – С. 145-152.
107. Чумаков А.Н. Глобализация. Контурь целостного мира/А.Н. Чумаков. – М.: Вэлби; Проспект. – 2005.
108. Чупров, В. И., Зубок, Ю. А. Социология молодежи. – М.: Норма; ИНФРА-М. – 2013. – С. 132
109. Шамис, Е., Никонов, Е. Теория поколений: необыкновенный X. – М.: Университет «Синергия». – 2016. – 140 с.
110. Шанин, Т. История поколений и поколенческая история в России//Человек. Сообщество. Управление. – 2005. – № 3. – С. 6-25.
111. Щеглова, Д. Что такое поколение Z и как оно видит свое образование? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5ef1ddbc9a794733b37dcfff>
112. Щенина, О. Г. Формы участия молодежи в политическом процессе современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02/Щенина Ольга Геннадьевна. – М., 2005. – 165 с.
113. Социологический бюллетень «Доминанты. Поле мнений» [Электронный ресурс]//ФОМ. 3.12.2020. – № 48. – Режим доступа: <https://fom.ru>.

114. Электронный сертификат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://цифровойсертификат.рф>.
115. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – М.: Новое литературное обозрение. – 2014. – 664 с.
116. Яницкий, М. С., Серый, А. В., Браун, О. А. Пелех, Ю. В. и др. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты//Сибирский психологический журнал. – 2019. – № 72. – С. 46-67.
117. Barrett, M., Brunton-Smith, I. Political and Civic Engagement and Participation: Towards an Integrative Perspective//Journal of Civil Society. – 2014. – 10 (1). – P. 5-28.
118. Crofts, J., Cuervo, H., Wyn, J., Smith, G., Woodman, D. Life Patterns Ten Years Following Generation Y. Melbourne: Youth Research Centre, University of Melbourne. – 2015.
119. Diamond, L. What is Democracy? [Электронный ресурс]/L. Diamond//Stanford University. 2004. – Режим доступа: <https://diamond-democracy.stanford.edu/speaking/lectures/what-democracy>.
120. Generational perspective in social research: historical background//Generation gap: What do perspectives of the millennial, generation X and baby boomers generations from Russia's wealthy families think about success, money and the ideal parent-child relationship? – М.: Skolkovo wealth transformation centre, 2019.
121. Gurr, T. Why Men Rebel/T. Gurr. Princeton, 1970. – 440 p.
122. Milbrath, L.W, Goel, M.L. Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics/L.W. Milbrath, M.L. Goel. – 1977. – 273 p.
123. Runciman, W.G. Relative Deprivation and Social Justice/ W.G. Runciman. Berkeley, 1966. – 338 p.
124. Silvan, K. Youth Policy Practice in Post-Soviet Russia and Belarus: Past and Present//Мир России. Социология. Этнология. – 2019. – Т. 28. – № 1. – С. 161-171. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-161-171>
125. Tapscott, D. Grown up digital: Now the net generation is changing your world. – NY, McGraw-Hill. – 2009.
126. Wyn, J., Cahill, H., Woodman, D., Cuervo, H., Leccardi, C., Chesters, J. (eds.) Youth and the New Adulthood: Generations of Change. Singapore: Springer Nature, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-3365-5>.
127. Youth engagement and empowerment [Электронный ресурс]//The United Nations. Режим доступа: <https://www.un.org/counterterrorism/cct/youth-engagement-and-empowerment>.
128. Zaremohzzabieh, Z., Ahrari, S., Krauss, S.E., Samah, A.A., Omar, S.Z. (eds.) The Handbook of Research on Youth Work in a Digital Society. – Hershey, PA: IGI Global. – 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

	<p>АГАПОВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА Доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальной философии ЮФУ</p>
	<p>ДЕТОЧЕНКО ЛЮДМИЛА СТАНИСЛА- ВОВНА Кандидат философских наук, доцент, заведую- щая кафедрой социальных технологий ЮФУ</p>
	<p>ЛИПЕЦ ЕКАТЕРИНА ЮРЬЕВНА Кандидат философских наук, доцент, заведую- щая кафедры теории культуры, этики и эсте- тики</p>

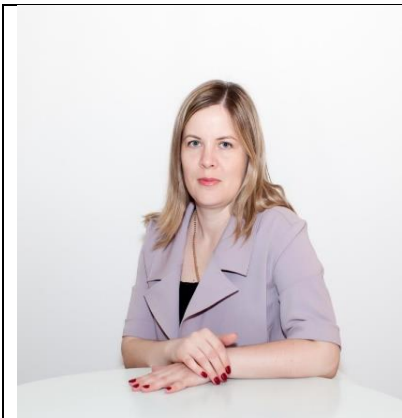
ПУПЫКИН РОМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ
Кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии ЮФУ

ЛЕПИН АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ
Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий ЮФУ

ОТРОКОВ ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ
Кандидат политических наук, советник президента РГЭУ (РИНХ), помощник депутата Государственной Думы ФС РФ

ТАРАДИНА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА
Кандидат экономических наук, доцент кафедры
управления ЮФУ

Научное издание

**Агапова Е.А., Деточенко Л.С., Лепин А.П., Липец Е.Ю.,
Отроков О.Ю., Пупыкин Р.А., Тарадина М.В.**

**МОЛОДЕЖЬ И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА
В ОБЩЕСТВЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ПАНДЕМИИ**

Подписано в печать 22.12.2020 г.

Бумага офсетная. Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 300 экз.

Усл. печ. лист. 7,56. Уч. изд. л. 7,76. Заказ № 7850.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.